

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2017

№23

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

ПИ № ФС77–45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист РФ; **Азаров В.А.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лебедев В.М.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук Высшей школы, действительный член Международной академии наук Высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Севрюгин В.Е.** – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права Института государства и права Тюменского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Треушников М.К.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, завкафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации; **Казakov В.В.** (зам. председателя редколлегии) – доктор экономических наук, профессор кафедры финансового права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, депутат Законодательной Думы Томской области; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, зам. директора Юридического института по научной работе Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбук Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Барнашов А.М.** – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Дергач Н.С.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Журавлев М.М.** – кандидат юридических наук, доктор философских наук, завкафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Осокина Г.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Архипов А.В. Квалификация незаконного завладения банковскими картами	5
Геймбух Н.Г. Конституционно-правовое содержание принципа верности федерации в современной Германии	13
Исаева А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности в России как имитация борьбы с религиозным экстремизмом	21
Кукушкина А.В. Концепция устойчивого развития (международно-правовые аспекты)	29
Мезинов Д.А. Стандарт «вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания	40
Миц Д.С. Некоторые вопросы совершенствования и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в области отнесения организаций к террористическим и экстремистским	48
Репьев А.Г., Полежайкина Е.В. Обеспечение и охрана здоровья граждан от воздействия табачного и не табачного дыма: общеправовой и административный аспект	64
Свиридов М.К. Вопросы совершенствования кассационного производства в российском уголовном процессе	73
Смирнова И.Г. Россия – Монголия, Россия – Китай: особенности международного сотрудничества по уголовным делам	81
Чаднова И.В., Соколовская Н.С., Кирсанов А.Ю. К вопросу об использовании «электронных носителей данных» в уголовном судопроизводстве	90
Шеслер А.В., Беларёва О.А. К вопросу о квалификации соисполнительства в вандализме	100

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Анисимов А.П. Влияние экологического фактора на содержание современного соседского права: некоторые проблемы и пути их решения	107
Кириллова А.Д. Правовая позиция судьи в процессе реализации дискреционных полномочий	117
Мельникова В.Г. Открытые данные в механизме реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды	124
Трошина С.М., Павловская А.В. Проблемы совершенствования мер защиты персональных данных	131

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Соломина Н.Г., Соломин С.К. Отзыв на автореферат диссертации Карибян С.О. «Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук (Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)	144
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	153
----------------------------------	-----

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Arkhipov A.V. Qualification of illegal taking possession of cash cards	5
Geymbukh N.G. Constitutional and legal content of the principle of federation allegiance in modern Germany	13
Isaeva A.A. Legal regulation of missionary activity in Russia as an imitation of the fight against religious extremism	21
Kukushkina A.V. The concept of steady development (international legal aspects)	29
Mezinov D.A. The standard "beyond reasonable doubt" as a criterion for achieving the purpose of criminal procedure proof	40
Mits D.S. Some issues of improvement and harmonization of the national legislation of the States – participants CIS in the field of classification of organizations for terrorist and extremist	48
Repiev A.G., Polezhaikina E.V. Security and protection of public health against the influence of tobacco and tobacco free smoke: general legal and administrative aspects	64
Sviridov M.K. Questions of development of cassation proceedings in Russian criminal procedure	73
Smirnova I.G. Russia-Mongolia, Russia- China: peculiarities of international cooperation in criminal cases	81
Chadnova I.V., Sokolovskaya N.S., Kirsanov A.Yu. To the question of use of electronic data storage devices in criminal procedure	90
Shesler A.V., Belaryova O.A. To the issue of qualification of joint participation in vandalism	100

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Anisimov A.P. Influence of an ecological factor on the content of modern law of neighboring tenements: some problems and ways of their decision	107
Kirillova A.D. Legal position of the judge in the course of realization of discretionary powers	117
Melnikova V.G. Open source data in the mechanism for implementing the right of citizens to true information about the environmental conditions	124
Troshina S.M., Pavlovskaya A.V. Problems of improvement of personal data protection measures	131

REVIEWS

Solomina N.G., Solomin S.K. Feedback on the abstract of the thesis by Karibyan Susanna Onicovna "Matrimonial liability: the essence and enforcement according to the legislation of Russian Federation", presented to pursue the academic degree of the candidate of jurisprudence (specialty 12.00.03 – civil law; enterprise right; family law; international private law)	144
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	153
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.721

DOI: 10.17223/22253513/23/1

А.В. Архипов

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ЗАВЛАДЕНИЯ БАНКОВСКИМИ КАРТАМИ

Настоящая статья посвящена вопросам уголовно-правовой оценки действий, связанных с противоправным завладением банковскими пластиковыми картами. В статье подробно рассматриваются проблемы квалификации таких действий в случае, если лицо, завладевшее картой, еще не успело ею воспользоваться.

Ключевые слова: хищение, банковская карта, мошенничество, грабеж, разбой.

Развитие рыночных отношений в современном обществе все больше обуславливает использование в экономике высоких технологий. И если еще несколько десятков лет назад они использовались в основном в промышленности, то в последнее время стали широко применяться во всех сферах экономики, в том числе и в банковской. Ярким тому примером служит появление и широкое распространение такого инструмента безналичных расчетов, как банковские карты.

Платежные карты уже давно вошли в обиход не только субъектов предпринимательской деятельности, но и простых людей. Количество эмитированных платежных карт, как и количество проводимых с их помощью операций, неуклонно растет. Так, по сведениям Банка России, только в 2014 г. было эмитировано 226 967 тыс. единиц банковских карт, а общий объем операций с использованием банковских карт в 2014 г. составил 34 649 946 млн руб. [1. С. 161].

Наряду с множеством положительных эффектов увеличение объемов использования банковских карт повлекло и рост числа преступных посягательств на собственность, совершаемых с их помощью. Ростом таких преступлений было обосновано введение в Уголовный кодекс РФ специальной статьи, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, совершенное с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) [2].

Вопросы квалификации преступных деяний, совершенных с помощью банковских карт, вызвали интерес среди исследователей [3, 4, 5]. Отметим, что большинство работ посвящено квалификации преступных посягательств на собственность, совершаемых с помощью поддельных пластиковых карт либо с помощью чужих платежных карт, которые уже находятся у преступника. Вопрос о том, как следует квалифицировать действия виновных, связанные с противоправным завладением чужой банковской картой, разработан в настоящее время недостаточно. Между тем данный вопрос имеет большое

практическое значение, так как в силу специфики самих банковских карт юридическая оценка действий, связанных с незаконным завладением ими, может представлять определенные трудности.

Определение банковских карт дано в п. 1.5. Положения об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием, утвержденного Банком России 24.12.2004 № 266-П [6]. Согласно данной норме кредитная организация вправе осуществлять эмиссию банковских карт следующих видов: расчетных (дебетовых) карт, кредитных карт и предоплаченных карт, держателями которых являются физические лица, в том числе уполномоченные юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Наиболее распространенными среди населения являются расчетные и кредитные карты. О них и пойдет речь в данной статье.

Расчетная (дебетовая) карта как электронное средство платежа используется для совершения операций ее держателем в пределах расходного лимита – суммы денежных средств клиента, находящихся на его банковском счете, и (или) кредита, предоставляемого кредитной организацией-эмитентом клиенту при недостаточности или отсутствии на банковском счете денежных средств (овердрафт).

Кредитная карта как электронное средство платежа используется для совершения ее держателем операций за счет денежных средств, предоставленных кредитной организацией-эмитентом клиенту в пределах расходного лимита в соответствии с условиями кредитного договора.

Из приведенных определений можно сделать вывод о том, что банковские карты являются средствами осуществления платежей, производимых безналичными деньгами. Образно выражаясь, банковская карта является «ключом» к банковскому счету лица, с помощью которого собственник счета может использовать находящиеся на нем безналичные денежные средства (оплачивать ими покупки, производить переводы, обналичивать и т.п.).

Сама банковская карта не имеет стоимости, в связи с чем противоправное завладение ею не может быть признано оконченным хищением, так как в результате ее изъятия никакого материального ущерба потерпевшему не причиняется. Ущерб ему причиняется позже, когда виновный, используя карту, похищает денежные средства с его счета.

По мнению П.С. Яни, изъятие банковской карты, совершенное любым способом (в том числе с применением насилия или угрозы), если лицо, ее изъявшее, будет задержано еще до того, как сумеет карту использовать, следует квалифицировать как приготовление к хищению [3].

Такая точка зрения не вызывает возражений, когда речь идет о тайном или даже открытом завладении банковской картой, если к потерпевшему при этом не применяется насилие, опасное для жизни или здоровья, либо не высказывалась угроза применения такого насилия. Когда же речь идет о завладении банковской картой в ходе разбойного нападения, вопрос решается не так однозначно.

Чаще всего в науке уголовного права разбой считают одной из форм хищения [7. С. 459; 8. С. 190; 9], при этом указывается, что в силу повышенной общественной опасности разбоя момент окончания преступления перенесен на более раннюю по сравнению с другими формами

хищения стадию – стадию неоконченного покушения, в связи с чем состав разбоя называют усеченным. При таком понимании преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, нападение, результатом которого стало завладение виновным только банковской картой потерпевшего, признать разбоем нельзя, так как указанное понимание предполагает изъятие в ходе нападения имущества потерпевшего и причинение ему материального ущерба, а этого в описанной ситуации не происходит. Преступник завладевает лишь средством, при помощи которого впоследствии может быть совершено хищение.

Так, один из сторонников описанной концепции разбоя А.И. Бойцов, характеризуя убийство, сопряженное с разбоем, указывает, что совокупность этих преступлений возникает лишь тогда, когда «виновный рассчитывал завладеть имуществом в момент убийства или непосредственно после него (с незначительным разрывом во времени), т.е. когда содеянное (лишение жизни и завладение имуществом) охватывается единым умыслом и представляет собой непрерывную цепь преступных действий, тогда как стремление завладеть имуществом не сразу, а через определенный промежуток времени полностью охватывается составом корыстного убийства» [7. С. 476]. Далее А.И. Бойцов пишет, что в последнем случае убийство из корыстных побуждений может быть квалифицировано по совокупности с кражей, поскольку п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает только корыстный мотив убийства, но не сам факт незаконного завладения имуществом, для которого убийца совершает затем иные, требующие отдельной уголовно-правовой оценки преступные действия.

Следуя приведенной логике, не только убийство, но и любое другое насилие (угроза применения насилия) в ситуации с завладением банковскими картами не может квалифицироваться как разбой или насильственный грабеж, а должно квалифицироваться по иным статьям УК РФ (ст. 111, 112, 115, 116, 119 УК РФ) и при наличии к тому оснований как приготовление к хищению, на что и указывает П.С. Яни [3].

Между тем в науке существует и другая точка зрения относительно понимания разбоя по смыслу действующей редакции ст. 162 УК РФ [10. С. 67; 11. С. 7, 15]. Так, Н.А. Лопашенко пишет, что «нападение в целях хищения чужого имущества, соединенное с определенным физическим или психическим воздействием на потерпевшего, не равнозначно хищению. Более того, хищение вообще остается за рамками разбоя. Поэтому считать разбойное нападение формой хищения нет никаких оснований» [10. С. 67]. На возможность такого понимания разбоя, исходя из действующей редакции ст. 162 УК РФ, указывает и С.А. Елисеев [12. С. 49–50].

Представляется, что если исходить из приведенного толкования ст. 162 УК РФ, нападение с целью завладения банковской картой, сопряженное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья или с угрозой применения такого насилия, равно как и любое аналогичное нападение с целью приискания средств совершения хищения (ключей от квартиры, кода от сейфа, пропуска на охраняемый объект), должно квалифицироваться как оконченный разбой, а действия виновного, связанные с последующим

хищением денежных средств с банковского счета владельца похищенной платежной карты, должны квалифицироваться отдельно как хищение.

Какой из приведенных позиций придерживается судебная практика?

Из разъяснения, данного в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [13], можно сделать вывод о том, что высшая судебная инстанция рассматривает разбой как одну из форм хищения, ставя его в один ряд с кражей и грабежом, а значит, квалифицировать нападения, результатом которых стало завладение банковской картой, по мнению Верховного Суда РФ, суды должны вышеописанным образом, о котором говорит П.С. Яни.

Между тем при рассмотрении конкретных уголовных дел сам Верховный Суд РФ данного правила придерживается далеко не всегда. Так, соглашаясь с правильностью квалификации действий Н., которого суд первой инстанции признал виновным в совершении, в том числе преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, коллегия Верховного Суда РФ в апелляционном определении указала, что «является правильной квалификация действий Н. по ст. 162 ч. 4 п. «в» УК РФ, поскольку вердиктом установлено, что он заранее договорился с другими осужденными напасть на потерпевшего и убить его с целью хищения денег с банковской карты, что и было сделано, при этом Н. непосредственно участвовал в нападении и убийстве К.» [14].

Как бы то ни было, бесспорно то, что незаконное завладение банковской картой является действием, связанным с приготовлением к совершению хищения (приискание средства совершения преступления). Но к совершению какого преступления приготавливается в данном случае преступник? Когда преступник сумел воспользоваться похищенной картой, ответ на этот вопрос является очевидным. Несколько сложнее обстоит дело, когда виновный по независящим от него причинам не смог воспользоваться картой. В этом случае вопрос о квалификации его действий должен решаться, исходя из конкретизации умысла.

Похитить безналичные денежные средства при помощи банковской карты со счета потерпевшего без его (потерпевшего) личного участия возможно только тремя способами: тайно – путем снятия наличных денежных средств через банкомат (ст. 158 УК РФ); путем обмана уполномоченного сотрудника торговой, кредитной или иной организации (ст. 159.3 УК РФ); путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 159.6 УК РФ).

Кроме того, для квалификации имеет значение размер денежных средств, которые намереваются похитить.

Наиболее простой для юридической оценки действий виновного является ситуация, когда его умысел конкретизирован и относительно способа завладения деньгами с банковского счета потерпевшего, и относительно похищаемой суммы. В этом случае действия виновного, связанные с завладением банковской картой потерпевшего, квалифицируются как приготовление к совершению одного из трех приведенных выше

преступлений, соответствующему умыслу виновного. Наличие квалифицирующих признаков «в крупном размере» или «в особо крупном размере» будет определяться также, исходя из умысла виновного, размер денежных средств, в действительности находящихся на банковском счете потерпевшего на момент завладения картой, значения для квалификации иметь не будет.

В случае, когда умысел виновного конкретизирован относительно способа совершения хищения, но не конкретизирован относительно суммы, действия виновного должны квалифицироваться по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ, а наличие или отсутствие квалифицирующих признаков «в крупном размере» или «в особо крупном размере» будет определяться, исходя из той суммы денежных средств, которая находится на банковском счете потерпевшего.

Наиболее сложными для квалификации представляются случаи, когда умысел виновного не конкретизирован относительно способа совершения хищения денег со счета потерпевшего. Отметим, что такая ситуация является весьма распространенной.

В таком случае квалифицировать действия виновного в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ необходимо по наименее строгой норме. Из указанных выше трех статей Особенной части УК РФ наименее строгими нормами являются статья 159.3 и 159.6 УК РФ. Их санкции идентичны и при этом они мягче, чем санкции ст. 158 УК РФ, кроме того, для них в силу примечания к ст. 159.1 УК РФ установлены завышенные по сравнению со ст. 158 УК РФ крупный и особо крупный размеры похищенного имущества. По какой конкретно из двух указанных статей (со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ) должны квалифицироваться действия лица, завладевшего банковской картой, в таких случаях, зависит от конкретных обстоятельств дела, например, наличия у виновного банковского счета, на который можно было бы перевести безналичные деньги, наличие возможности приобрести товар при помощи карты и т.п.

Казалось бы, что все более или менее ясно, но существует одна проблема, которая заключается в том, что при наличии у незаконно завладевшего картой умысла на совершение мошенничества (ст. 159.3, 159.6 УК РФ) либо когда умысел виновного относительно формы хищения не определен, привлечь лицо, незаконно завладевшее чужой банковской картой, но еще не успевшее ею воспользоваться, к уголовной ответственности за приготовление к хищению практически невозможно, даже в случае насильственного завладения картой. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. В ст. 159.3 и 159.6 УК РФ тяжкими являются преступления, предусмотренные только ч. 3 и 4, т.е. совершенные в крупном размере, с использованием своего служебного положения, организованной группой или в особо крупном размере. Примечанием к ст. 159.1 УК РФ установлено, что в перечисленных статьях крупным размером признается стоимость похищенного имущества, превышающая 1,5 млн руб., а особо крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 6 млн руб. Очевидно, что хищения карт с таким размером банковского счета – явление

весьма редкое, как и совершение данного преступления организованной группой или лицом с использованием своего служебного положения.

Таким образом, в настоящее время (если руководствоваться вышеприведенными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ) лицо, завладевшее чужой банковской картой с применением насилия или с угрозой его применения, в том случае если оно еще не успело ею воспользоваться, в подавляющем большинстве случаев может быть привлечено к уголовной ответственности только по статьям УК РФ об умышленном причинении вреда здоровью, а также за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Соответственно, лицу, причинившему потерпевшему легкий вред здоровью и отобравшему у него платежную карту от банковского счета, на котором находится 1,5 млн руб., может грозить максимальное наказание только в виде 1 года исправительных работ (ч. 1 ст. 115 УК РФ). Более того, после внесения федеральными законами от 03.07.2016 № 323-ФЗ и от 07.02.2017 № 8-ФЗ изменений в ст. 116 УК РФ, декриминализировавших основной состав побоев, незаконное завладение чужой банковской картой с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, вообще не является уголовно наказуемым деянием.

Очевидно, что сложившаяся ситуация препятствует реализации одной из главных задач уголовного законодательства России, указанной в ч. 1 ст. 2 УК РФ, – предупреждению преступлений, поскольку стимулирует потенциальных преступников на совершение нападений на граждан с целью завладения их банковскими картами.

Выход из сложившейся ситуации представляется в следующем: во-первых, в правоприменительной деятельности необходимо отказаться от понимания разбоя как формы хищения и принять на вооружение концепцию разбоя, предложенную такими учеными-правоведами, как Н.А. Лопашенко и др., о которой писалось выше; во-вторых, необходимо внести изменения в Уголовный кодекс РФ, которыми исключить примечание к ст. 159.1 УК РФ, устанавливающей завышенные по сравнению с примечанием 4 к ст. 158 УК РФ крупный и особо крупный размеры для ст. 159.1, 159.3–159.6 УК РФ.

Литература

1. *Статистический бюллетень* Банка России. 2015. № 10. 305 с.
2. *Паспорт* проекта Федерального закона № 53700–6. Пояснительная записка // Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (М.). URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2015).
3. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // *Законность*. 2015. № 5. С. 42–46.
4. Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Проблема квалификации хищения с использованием банковских карт // *Российский юридический журнал*. 2014. № 2. С. 82–87.
5. Третьяк М.И. Проблемы квалификации новых способов мошенничества // *Уголовное право*. 2015. № 2. С. 94–98.
6. *Положение* об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием, утвержденное Банком России 24.12.2004 № 266–П // *Вестн. Банка России*. № 17. 30.03.2005.
7. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.

8. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Самарский университет, 2002. 359 с.
9. Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 10. С. 34–39.
10. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 528 с.
11. Благоев Е.В. Преступления в сфере экономики. М.: Юрлитинформ, 2010. 213 с.
12. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 176 с.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
14. Официальный сайт Верховного суда РФ. Уголовное дело № 72-АП/15–47СП. URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1387992 (дата обращения: 22.11.2015).

Arkhipov Andrew V. Tomsk regional court (Tomsk, Russian Federation)

QUALIFICATION OF ILLEGAL TAKING POSSESSION OF CASH CARDS

Key words: embezzlement, cash card, fraud, robbery, robbery, plunder.

Payment cards are used both by the subjects of entrepreneurial activity and ordinary people. Along with a set of positive effects, the increase in volumes of cash cards use resulted in the growth of number of crimes against property committed with their help. Researchers are interested in the questions of qualification of criminal actions committed by means of cash cards. The majority of works are devoted to the qualification of crimes against property committed by means of counterfeit plastic cards or by means of criminal possession of another person's payment cards. The question of proper qualification of the actions of guilty persons connected with illegal taking of another person's cash card has been developed insufficiently. The article analyzes various viewpoints and court practice.

The author pays attention to the lack of unity among researchers on a number of questions that are important for the qualification of the above actions especially the qualification of illegal taking possession of cash cards with the use of violence dangerous for life and health or threat of violence. The author comes concludes that illegal taking possession of cash cards, in most cases has to be qualified as preparation for commission of plunder of money from the bank account of the cardholder.

Options of qualification of illegal taking possession of cash cards in various ways (secretly, openly, with use of violence and threat of violence) are considered. It is noted that most often the existing criminal legislation does not allow bringing those who illegally took control of another person's cash card to trial, in cases if these persons did not manage to use this card due to reasons beyond their control. According to Part 2, Article 30 of the Criminal Code of the Russian Federation criminal liability is established for the preparation of only serious and extremely grievous crimes whereas in most cases embezzlement from the bank account of a cardholder is referred to misdemeanors and medium-gravity crimes. Current situation interferes with the realization of one of the main tasks of criminal legislation in Russia specified in Part 1, Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation - prevention of crimes, as it stimulates potential criminals to attack citizens for the purpose of taking possession of their cash cards. The author offers solutions of the defined problems.

References

1. The Central Bank of the Russian Federation. (2015) *Statisticheskiy byulleten' Banka Rossii* [Statistical bulletin of the Bank of Russia].10.
2. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2015) *Pasport proekta Federal'nogo zakona №53700–6. Poyasnitel'naya zapiska* [The passport of the Federal Law Draft No. 53700-6. The Explanatory Note]. [Online] Available from: [http:// asozd2.duma.gov.ru](http://asozd2.duma.gov.ru). (Accessed: 25th November 2015).
3. Yani, P.S. (2015) Special types of fraud. *Zakonnost'*. 5. pp. 42–46. (In Russian).
4. Borovykh, L.V. & Korepanova, E.A. (2014) A problem of qualification of theft with the use of bank card. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2. pp. 82–87. (In Russian).
5. Tretyak, M.I. (2015) The problems of classification of new types of fraud. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 94–98. (In Russian).
6. *Vestnik Banka Rossii*. (2005) Polozhenie ob emissii platezhnykh kart i ob operatsiyakh, sovershaemykh s ikh ispol'zovaniem, utverzhdennoe Bankom Rossii 24.12.2004 № 266–P [Regulation No.

266-P on issue of payment cards and on transactions made with their use, approved by the Bank of Russia on December 24, 2004]. 30th March.

7. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

8. Bezverkhov, A.G. (2002) *Imushchestvennye prestupleniya* [Crimes against property]. Samara: Samarskiy universitet.

9. Yani, P.S. (2015) Voprosy kvalifikatsii razboya [problems of robbery qualification]. *Zakonost'*. 10. pp. 34–39.

10. Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Attacks on property]. Moscow: Norma, Infra-M.

11. Blagov, E.V. (2010) *Prestupleniya v sfere ekonomiki* [Economic crimes]. Moscow: Yurlitinform.

12. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii)* [Crimes against property under Russian criminal legislation (theory issues)]. Tomsk: Tomsk State University, 1999. 176 s.

13. The Supreme Court of the Russian Federation. (2003) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.12.2002 №29 "O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe" [Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002, On judicial practice in cases of theft and robbery]. *Byul. Verkhovnogo Suda RF*. 2.

14. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Criminal case No. 72-APU15-47SP*. [Online] Available from: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1387992. (Accessed: 22nd November 2015).

УДК 342(430)

DOI: 10.17223/22253513/23/2

Н.Г. Геймбух

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ВЕРНОСТИ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

В статье исследуется принцип верности федерации как основополагающий принцип государственного (конституционного) права Федеративной Республики Германия. Раскрывая конституционно-правовое содержание принципа верности федерации, автор анализирует изменения конституционного законодательства Германии в системе финансовых взаимоотношений Федерации и земель, а также в сфере взаимодействия ФРГ с институтами Европейского союза. Соответствующие конституционные изменения анализируются с точки зрения конституционной реформы, осуществляемой в настоящее время в Федеративной Республике Германия.

Ключевые слова: принцип верности федерации, конституционный принцип, кооперативный федерализм, принцип разграничения предметов ведения, «финансовое выравнивание», принцип конкуренции (состязательности) между землями, европейская интеграция.

Основополагающим принципом Германской федерации является принцип верности федерации. Этот конституционный принцип имеет в германском государственном праве длительную традицию, которая восходит своими истоками к образованию Германской империи в 1871 г.

Профессор государственного права Германии Х. Бауэр определяет «принцип верности федерации» как «не противоречащее интересам Федерации поведение, которое является основной обязанностью в рамках Федерации» [1. С. 14]. Этот принцип закрепляет конституционно-правовую обязанность, в соответствии с которой земли должны сохранять верность по отношению друг к другу и по отношению к Федерации так же, как и Федерация по отношению к землям.

Федеральный конституционный суд ФРГ придает основное значение конституционному долгу верности со стороны Федерации и земель. В ходе своей деятельности он неоднократно указывал на то, что в германском федеративном государстве «все конституционно-правовые отношения между государством и его составными частями, а также конституционно-правовые отношения между субъектами определяются главенством *неписаного* конституционного принципа «взаимного долга» Федерации и земель: действовать в интересах Федерации» [2. S. 291].

Задачей принципа верности федерации является укрепление связи Федерации и земель в рамках общего конституционного права, способствуя тем самым укреплению федеративного порядка. Главная функция данного принципа, по мнению Федерального конституционного суда Германии, заключается в том, чтобы «ограничить эгоизм Федерации и земель» [2. S. 293]. Этот принцип возлагает на участников обязательства не предпринимать ничего, «что могло бы повредить государству в целом или его частям». В то же время

принцип соблюдения интересов федерации направлен и на сохранение самостоятельности Федерации и земель, ограничивая тенденции, грозящие нарушить баланс федеративного распределения прав и обязанностей.

Федеральный конституционный суд Германии пришел к следующему выводу, развивая принцип соблюдения интересов федерации: «Когда бы Федерация ни занималась достижением конституционно значимого соглашения, в котором заинтересованы и в которое вовлечены все земли, долг соблюдения интересов федерации запрещает Федерации действовать согласно девизу «разделяй и властвуй», то есть осуществлять раскол земель, достигая соглашения только с некоторыми из них и понуждая других к участию. Тот же принцип запрещает Федеральному правительству при переговорах, касающихся всех земель, относиться к земельным правительствам по-разному в зависимости от их партийно-политической ориентации» [2. S. 301].

В 1992 г., в связи с постепенным усилением процесса европейской интеграции, в Основном законе ФРГ была закреплена процедура участия Бундесрата в решении европейских вопросов (абз. 2, 4–7 ст. 23) [3. С. 123]. Изложенные в ней процедурные обязательства в основном соответствуют тем положениям, которые Федеральный конституционный суд вывел из принципа верности федерации еще до того, как данная поправка была внесена в Основной закон ФРГ. Из требования взаимного учета интересов Суд сделал вывод об обязанности Федерации и земель «тесно сотрудничать при подготовке правовых актов Европейских сообществ, затрагивающих законодательную компетенцию земель» [2. S. 305].

В ходе конституционного развития принцип верности федерации играет важную роль, поскольку он повышает способность конституционного права к изменениям и, будучи «неписаным конституционным принципом», особенно пригоден для быстрого реагирования на изменения в поведении активных политических сил, на трансформацию рамочных условий обычного, конституционного и международного права, а также на изменения последствий конституционной практики [1. С. 20].

По мнению профессора Клауса Штерна, принцип верности федерации пронизывает все государственное право, являясь «определяющим элементом федеративного порядка. Для Федерации и для земель он является амбивалентным, обеспечивая «единство и вместе с тем плюрализм», обязывая к сотрудничеству и вместе с тем к уважению самостоятельности участников, препятствуя как явной унитаризации, так и явной партикуляризации» [4. S. 435].

Итак, принцип федеративной верности призван обеспечить стабильность федеративных отношений и усилить правовую связь между Федерацией и ее субъектами: он предполагает обязанность участников федеративных отношений к взаимному уважению, поддержке и партнерству. Принцип федеративной верности также означает, что ни один из участников федеративных отношений не может отстраниться от исполнения возложенной на него обязанности под предлогом того, что кто-то из других участников федеративных отношений не выполняет своих обязанностей [5. С. 108].

В государственном (конституционном) праве Германии из принципа верности федерации вытекают обязанности взаимного предоставления помощи,

взаимного уважения, взаимной готовности к пониманию, а также обязанности по согласованию действий и сотрудничеству. Также к ним относятся обязанности Федерации по защите земель в отношениях с другими государствами и Европейским союзом, требующие, чтобы Федерация защищала и охраняла земли, действительно представляла их интересы во внешних отношениях.

После объединения Германии в функционировании федеративной государственности возникают трудности, связанные с неравенством экономических потенциалов и усилением диспропорции между новыми субъектами федерации и «старыми» землями ФРГ. В рассуждениях, каким образом могут быть устранены эти трудности, на первый план выступает концепция «кооперативного федерализма». Германия характеризуется как «кооперативная федерация», поскольку имеет место *конституционно оформленное сотрудничество* Федерации и земель, а также земель между собой. Норма Основного закона ФРГ гласит: «Все власти Федерации и земель оказывают взаимную правовую и служебную помощь» (абз. 1 ст. 35) [3. С. 127].

Так как после объединения Германии немецкий федерализм отличается высокая степень неоднородности – в этих условиях большую роль играет солидарность земель, которая является условием функционирования кооперативного федерализма. Директор Германского института по исследованию федерализма Х.П. Шнайдер уточняет, что германский федерализм основан на признании такого положения, как равноправия субъектов федерации или союзнической ответственности субъектов федерации друг за друга при взаимной помощи в случае необходимости [6. S. 81].

Действительно, осуществляемое на основе четкой концепции и координации сотрудничество между Федерацией и ее членами может содействовать необходимому в современном государстве единообразному и эффективному выполнению государственных задач, не приводя к централизации. В свое время К. Хессе указывал на то, что «кооперативный федерализм» является поэтому не панацеей, но сравнительно лучшим путем дальнейшего развития федеративного строя наряду с конкретными частными поправками к распределению компетенции в федеративном государстве» [7. С. 123].

Кооперативный федерализм реализуется в форме горизонтального сотрудничества (между землями) и в форме вертикального сотрудничества (между Федерацией и землями). В частности, система «федерализма сотрудничества» представляет собой широкую сеть неформального взаимодействия земель на всех уровнях: от членов правительств и депутатов ландтагов до чиновников различных рангов. Каждый год в ФРГ проходят 4–5 конференций премьер-министров земель, около 10–13 конференций глав родственных министерств.

Одну из основных групп обязательств, вытекающих из принципа верности федерации, составляют обязательства по оказанию помощи и поддержки. Наиболее характерным примером подобных обязательств может служить «финансовое выравнивание», которое призвано обеспечивать Федерации и входящим в ее состав субъектам достаточное финансирование.

«Финансовое выравнивание» означает распределение средств из федерального бюджета между финансово «сильными» и финансово «слабыми» землями. Целью этого выравнивания является «обеспечение равного уровня

жизни на всей территории ФРГ», что закреплено в Основном законе ФРГ (абз. 3 ст. 106) [3. С. 157]. Федеративная Республика Германия обладает наиболее отлаженной и в то же время наиболее сложной системой финансового выравнивания.

Необходимость финансового выравнивания заключается в том, что грубое распределение налоговых поступлений и принципиальная ориентация на сумму местных налоговых поступлений не могут в достаточной степени учитывать финансовые потребности каждого отдельного члена федерации.

В ФРГ существует *горизонтальное финансовое выравнивание* (между землями) и *вертикальное финансовое выравнивание* (между Федерацией и землями). При необходимости Федерация использует обе формы.

Более интересным и более значительным по объему является горизонтальное выравнивание. Оно осуществляется между «сильными» с финансовой точки зрения и «слабыми» землями. Сопоставление для каждой федеральной земли финансовых возможностей и выявленных с учетом количества населения финансовых потребностей показывает, что в некоторых частях Федерации финансовые возможности превышают финансовые потребности, а в некоторых, финансово «слабых», они – значительно ниже уровня этих потребностей.

Финансовое выравнивание в пользу финансово «слабых» земель за счет финансово «сильных» земель должно вести к тому, чтобы «слабые» земли, по крайней мере, приблизились к среднему уровню. Финансово «сильные» земли, предоставляя средства для осуществления такого выравнивания, также с более высокого уровня спускаются к среднему уровню. К настоящему моменту регулирование финансового выравнивания стало еще сложнее в деталях [8. S. 734]. Пределы горизонтального выравнивания ограничены: оно не обязательно должно приводить к тому, чтобы финансово «слабые» земли всегда достигали среднего уровня.

Здесь вступает в силу процесс вертикального финансового выравнивания между Федерацией и финансово «слабыми» землями. Из своих собственных средств Федерация может предоставлять «слабым» землям общие дополнительные отчисления, что регулярно и происходит. Объем подобных отчислений был в последние несколько лет достаточно велик, поскольку таким образом были частично преодолены огромные различия между землями бывшей ГДР и западногерманскими землями. В 2005 г. на эти отчисления Федерацией было выделено 10,5 млрд евро. Однако к 2019 г. они будут уменьшены до 2 млрд евро [9].

Итак, по данному обзору немецкого финансового выравнивания можно понять, насколько сложной стала со временем эта система, и что она из-за своей сложности неоднократно становилась предметом споров, решавшихся в Федеральном конституционном суде ФРГ.

В отношении «финансового выравнивания» Федеральный конституционный суд ФРГ установил, что принцип верности федерации *обязывает* отдельные земли независимо от их суверенности и финансовой самостоятельности оказывать определенную финансовую поддержку другим, более слабым в этом отношении землям. Однако обязанность взаимной поддержки не безгранична: помощь оказывается только в том случае, если она действи-

тельно необходима и если оказывающая ее сторона на это способна [2. S. 331]. Поэтому финансовое выравнивание не должно серьезным образом ослаблять экономику земель-доноров или вести к нивелированию финансового состояния земель.

Вышеизложенное позволяет заметить, что отношения кооперативного федерализма, с одной стороны, помогают сглаживать противоречия между центром и субъектами федерации, позволяют выполнять значительные программы в целях развития определенных областей народного хозяйства, регулировать различного рода общественные отношения. С другой стороны, финансирование из федерального бюджета такого рода программ объективно ведет к снижению активности самих субъектов федерации.

Конституционная реформа германского федерализма, оформленная Законом о внесении изменений в Основной закон ФРГ от 28 августа 2006 г., предполагает совершенствование порядка финансирования Германской федерации, в частности, в вопросах финансовой помощи и компенсаций.

Норма о предоставлении финансовой помощи землям ФРГ со стороны Федерации, ранее закрепленная в абз. 4 ст. 104а Основного закона, установлена теперь в новой статье – 104b Основного закона. Цели предоставления Федерацией финансовой помощи определены в абз.1 ст. 104b – «для покрытия особо важных расходов земель и общин (объединений общин), которые необходимы:

- 1) для того, чтобы избежать нарушения общего экономического равновесия;
- 2) для выравнивания возможных экономических различий на территории Федерации;
- 3) для оказания помощи в экономическом развитии» [10. S. 92].

Далее уточняется, что теперь разрешается предоставлять финансовую помощь землям ФРГ только *на определенный срок* и при условии *регулярной отчетности* земель о расходовании предоставленных средств (абз. 2 ст. 104b Основного закона).

В процессе реформы германского федерализма были затронуты также вопросы финансового регулирования во взаимоотношениях с Европейскими сообществами. Правовой основой данного финансового регулирования является новый абз. 6 ст. 104а Основного закона ФРГ, который устанавливает разграничение полномочий между Федерацией и землями при нарушении наднациональных и международно-правовых обязательств [10. S. 91–92].

В сфере присоединения земель ФРГ к бюджетной дисциплине Европейских сообществ удалось найти единую позицию между Федерацией и землями. В Основном законе ФРГ закреплено положение о том, что Федерация и земли в соответствии с Договором об учреждении Европейского сообщества должны совместно выполнять обязательства, подчиняясь бюджетной дисциплине Европейских сообществ (абз. 5 ст. 109 Основного закона).

В случае нарушения Федеративной Республикой Германия критериев по долгам, установленных этим Договором, отдельные земли вынуждены будут считаться с возможностью введения против них санкций, если с их стороны будут превышены определенные долговые рамки. В абз. 5 ст. 109 установле-

но распределение долговых санкций между Федерацией и землями ФРГ: штрафные выплаты в размере 65% будет нести Федерация, в размере 35% – земли [10. S. 104].

Итак, целью конституционной реформы федерализма Германии является внедрение новой системы финансовых взаимоотношений по вертикали и по горизонтали, что должно усовершенствовать модель федеративного государственного устройства. Должны быть решены вопросы резкого ограничения долгов земель и устранения несоответствий в системе финансовых отношений между Федерацией и землями, с одной стороны, и между самими землями – с другой. Процесс реформирования германского федерализма планируется завершить к концу 2019 г. [11. С. 72–74].

В основе концепции реформы в сфере финансового федерализма лежит идея внедрения принципа состязательности между землями. В рамках нового регулирования компетенции Федерации и земель в области финансов должны состояться перераспределение ряда полномочий по взиманию и получению налогов, а также отказ от системы смешанного финансирования Федерации и земель.

Таким образом, в результате масштабных изменений в функционировании германской федеративной системы в целом «кооперативный» германский федерализм будет дополнен принципом конкуренции (состязательности) между землями [12. S. 19].

Литература

1. Бауэр Х. Верность федерации как определяющий принцип германского федерализма // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., 2003. № 3 (44). С. 14–21.
2. BVerfGE 43. S. 290–348
3. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. проф. В.В. Маклаков. М., 2006. 608 с.
4. Stern K. Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland. München, 1984. 748 S.
5. Геймбух Н.Г. «Верность федерации» как основополагающий конституционный принцип германского федерализма // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск, 2010. Ч. 46. С. 107–109.
6. Chancen des Föderalismus in Deutschland und Europa. Baden-Baden, 1994. 121 S.
7. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. 367 с.
8. Giegerich T. Europäische Verfassung und deutsche Verfassung im transnationalen Konstitutionalisierungsprozess: Wechselseitige Rezeption, konstitutionelle Evolution und föderale Verflechtung. Berlin, 2003. 1534 S.
9. Мейер Г. Распределение финансовой власти в федеративном государстве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., 2003. № 3 (44). С. 39–45.
10. Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht. 2. Auflage / H. Dreier, F. Wittreck. Tübingen, 2007. 727 S.
11. Геймбух Н.Г. Конституционно-правовые основы реформирования федеративных отношений в современной Германии // Государство и право. М., 2011. № 7. С. 68–74.
12. Starck Ch. Föderalismusreform. München, 2007. 198 S.

Gamebuch Nadezhda G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONTENT OF THE PRINCIPLE OF FEDERATION ALLEGIANCE IN MODERN GERMANY

Key words: principle of allegiance to the federation; constitutional principle; cooperative federalism; principle of differentiation of areas of jurisdiction; "financial alignment"; principle of the competition (competitiveness) between lands; European integration.

The fundamental principle of the German federation is the principle of allegiance to the federation. This principle enshrines a constitutional and legal duty according to which lands have to remain faithful to one another and to the Federation as well as the Federation to lands.

The federal constitutional court of Germany attaches the central significance to the constitutional duty of allegiance of the Federation and lands. It repeatedly pointed out that in the German federal state "all constitutional legal relations between the state and its constituent parts as well as the constitutional legal relations between subjects are defined by the domination of the unwritten constitutional principle of "a mutual debt" of the Federation and lands: to act for the benefit of the Federation. Thus, the principle of federal allegiance is intended to provide stability in federal relations and to strengthen legal connection between the Federation and its subjects: it implies the duty of participants of federal relations to mutual respect, support and partnership.

In the state (constitutional) law of Germany the duties of mutual assistance, mutual respect, mutual readiness for understanding, and the obligation for coordination of actions and cooperation result from the principle of allegiance to the federation. They also include the obligations of Federation to protect the lands in relations with other states and the European Union implying that the Federation will protect the lands and effectively represent their interests in external relations.

One of the main groups of obligations is made of obligations for assistance and support. Being the most characteristic example of such obligations, "financial alignment" is intended to provide funding for the Federation and its subjects. "Financial alignment" means the distribution of means from the federal budget between financially "strong" and financially "weak" lands. The purpose of this alignment is "ensuring the equal standard of living on the territory of all Germany" that is enshrined in the Basic law of Germany (Paragraph 3, Article 106). The Federal Republic of Germany has the most smoothly running and complicated system of financial alignment. As far as "financial alignment" is concerned, the Federal constitutional court of Germany established that the principle of allegiance to the federation obliges separate lands to give certain financial support to weaker lands irrespective of their sovereignty and financial independence. However, the duty of mutual support is not boundless: help is given only if it is necessary and if the party rendering it is capable of it. Therefore, financial alignment should not seriously weaken the economy of donor lands or level the financial condition of lands.

References

1. Bauer, H. (2003) Vernost' federatsii kak opredelyayushchiy printsip germanskogo federalizma [Fidelity of the federation as the determining principle of German federalism]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3(44). pp. 14–21.
2. *BVerfGE*. 43. pp. 290–348
3. Maklakov, V.V. (ed.) (2006) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of Foreign States]. Moscow: Wolters Kluwer.
4. Stern, K. (1984) *Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland* [State Law of the Federal Republic of Germany]. Munich: C.H.BECK.
5. Geymbukh, N.G. (2010) "Vernost' federatsii" kak osnovopolagayushchiy konstitutsionnyy printsip germanskogo federalizma ["Fidelity to the Federation" as the fundamental constitutional principle of German federalism]. In: Lebedev, V.M., Osokina, G.L. & Arakcheev, V.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Issue 46. Tomsk: Tomsk State University. pp. 107–109.
6. Tilman, E. (ed.) (1994) *Chancen des Föderalismus in Deutschland und Europa* [Opportunities of Federalism in Germany and Europe]. Baden-Baden: Nomos-Verlag.
7. Hesse, K. (1981) *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [The Fundamentals of the German Constitutional Law]. Translated from German. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Giegerich, T. (2003) *Europäische Verfassung und deutsche Verfassung im transnationalen Konstitutionalisierungsprozess: Wechselseitige Rezeption, konstitutionelle Evolution und föderale*

Verflechtung [European constitution and German constitution in the transnational constitutionalization process: Reciprocal reception, constitutional evolution and federal integration]. Berlin: Springer.

9. Meyer, G. (2003) Raspredelenie finansovoy vlasti v federativnom gosudarstve [Distribution of financial power in a federal state]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3(44). pp. 39–45.

10. Dreier, H. & Wittreck, F. (eds) (2007) *Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht* [Basic Law. Text edition with all changes and other texts on German and European constitutional law]. 2nd ed. Tübingen: Mohr Siebeck.

11. Geymbukh, N.G. (2011) Constitutional and legal basis of reforming of federal relations in the modern Germany. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 68–74.

12. Starck, Ch. (2007) *Föderalismusreform* [Reforms of Federalism]. Munich: Vahlen.

УДК 340

DOI: 10.17223/22253513/23/3

А.А. Исаева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ КАК ИМИТАЦИЯ БОРЬБЫ С РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

В статье исследуются конституционно-правовая природа и особенности проведения миссионерской деятельности в России. Анализируя изменения законодательства в сфере свободы совести и свободы вероисповедания, автор определяет группы проблем в регламентации порядка осуществления права на распространение своих религиозных убеждений. Делается вывод о неэффективности и противоречивости регулирования миссионерской деятельности, применение которого влечет за собой нарушения прав человека и гражданина.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, религиозные организации, свобода совести, светское государство, религиозный экстремизм.

В июле 2016 г. в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [1] (далее – Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях») появилась новая глава III.1, регулирующая вопросы миссионерской деятельности в России. Эти и некоторые сопутствующие изменения были внесены в числе других актом [2], который получил неофициальное название – пакет Яровой – Озерова. Этот документ, теперь уже действующий, в целом направлен на борьбу с терроризмом и обеспечение общественной безопасности. Хотя непосредственно поправки к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» появились в законопроекте только к моменту его рассмотрения в Государственной Думе Российской Федерации во втором чтении. Соответствующие дополнения к тексту проекта предложил депутат нижней палаты Парламента фракции «Справедливая Россия» И.Л. Зотов.

Комплекс проблем, связанных с деятельностью по распространению религии или убеждений, уже долгое время является весьма актуальным. На федеральном уровне специального регулирования вопросов осуществления миссионерской деятельности долгое время не было, и субъекты Российской Федерации решали такие проблемы самостоятельно, принимая региональные законы (например, в Белгородской, Воронежской, Костромской, Курской, Смоленской, Архангельской областях, в Республике Северная Осетия–Алания). В течение нескольких лет в десяти субъектах Российской Федерации такие законы принимались, но практически не применялись, а в последствии многие из них были отменены в связи с несоответствием общегосударственным нормам. Более того, само их существование сомнительно с конституционной точки зрения. Пункт «в» ст. 71 Конституции 1993 г. относит к исключительному ведению Российской Федерации регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина. Миссионерская деятельность, являю-

щаяся, по существу, формой распространения религии, рассматривается согласно ст. 28 Конституции РФ как один из элементов свободы совести и свободы вероисповедания. Поэтому специальное регулирование миссионерской деятельности возможно либо федеральными источниками права, либо региональными, если субъектам Российской Федерации будут переданы соответствующие полномочия (чего сделано не было).

Попытки принять нормы, регулирующие миссионерскую деятельность на федеральном уровне, предпринимались неоднократно. Так, в 2006 г. Министерство юстиции РФ по поручению Правительства РФ подготовило соответствующий законопроект. Однако он вызвал множество нареканий, в частности, со стороны Русской Православной Церкви и после некоторых публичных обсуждений был отклонен Государственной Думой. Подобные попытки предпринимались и позже, в 2009 г., но тоже безуспешно. Появление же нового законопроекта [3] в 2016 г. оказалось обусловленным не правовыми коллизиями, а борьбой за поддержание общественной безопасности, что во многом определило содержание принятого акта, его целевую направленность.

Невзирая на множество нареканий к тексту указанного законопроекта уже на стадии его разработки, он был принят весьма в спешном порядке, а его положения не исключили тех недостатков, на которые указывали представители науки и отдельных религиозных объединений [4]. Главной новеллой для Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» стала ст. 24.1, где теперь закреплено определение миссионерской деятельности, которое никак не связано с его религиозным пониманием служения пастве. Так, согласно действующему законодательству, чтобы признать какую-либо деятельность миссионерской, она должна отвечать в совокупности следующим признакам:

1. Деятельность должна осуществляться непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами. То есть это не деятельность физического лица, действующего в рамках распространения своих личных убеждений. Гипотетически такое лицо может принадлежать к любому религиозному объединению, но чтобы осуществлять миссионерскую деятельность, у него должны быть письменные официальные полномочия. Это может быть документ о том, что человек является:

- а) руководителем организации;
- б) священнослужителем религиозного объединения;
- в) членом коллегиального органа религиозной организации;
- г) официально уполномоченным на ведение миссионерской деятельности от имени религиозного объединения.

Нужно заметить, что в интересах религиозного объединения выдавать соответствующие документы ограниченному кругу лиц и на определенное время.

2. Деятельность должна быть направлена на распространение информации о своем вероучении.

3. Деятельность осуществляется среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения.

4. Деятельность имеет целью вовлечение указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения.

5. Такая деятельность должна осуществляться публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет либо другими законными способами.

Если все эти признаки усматриваются в деятельности, то она может быть признана миссионерской и на нее распространяются установленные в законе ограничения. В остальных случаях она таковой не является и подпадает, например в зависимости от конкретных обстоятельств дела, под действие ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и может рассматриваться как реализация личного права человека на распространение своих религиозных и иных убеждений. И тут возникает следующий момент, который очень важен, особенно для понимания правоприменителей, так как на практике часто не соблюдается, – миссионерская деятельность, отвечающая требованиям закона, не запрещена, а может и должна проводиться. Но если она не соответствует установленным законом требованиям, то теперь статьей 5.26 Кодекса об административных правонарушениях РФ установлена ответственность за совершение незаконной миссионерской деятельности, что влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 5 до 50 тыс. руб., на юридических лиц – от 100 тыс. до 1 млн руб.

Если обратиться к тексту ныне действующей редакции Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», то можно выделить следующие проблематичные моменты в содержании правового регулирования. Во-первых, **возможность привлечения иностранных миссионеров**. Статья 20 предусматривает два основания пребывания и деятельности иностранных религиозных деятелей в Российской Федерации: установление и поддержание международных связей и контактов, в том числе в целях паломничества, участия в собраниях и других мероприятиях (для чего религиозные организации вправе приглашать иностранных граждан), а также осуществление профессиональной религиозной деятельности, в том числе миссионерской деятельности, по трудовому или гражданско-правовому договору с данными организациями.

В свою очередь, ч. 4 ст. 24.2 этого же акта предусматривает, что иностранные граждане, въехавшие на территорию Российской Федерации по приглашению религиозной организации в соответствии со ст. 20 указанного закона, вправе осуществлять миссионерскую деятельность только от имени указанной религиозной организации на территории субъекта или территориях субъектов Российской Федерации в соответствии с территориальной сферой ее деятельности при наличии соответствующего документа. А так как эта норма не уточняет номер части ст. 20, а соответственно, и основания пребывания и деятельности иностранных религиозных деятелей в Российской Федерации, то миссионерской деятельностью могут заниматься иностранные граждане и без заключения с религиозной организацией трудового договора. Те же, кто приехал осуществлять миссионерскую деятельность по трудовому договору, должны получить трудовую визу. В свою очередь, для иностранцев существует квота на выдачу приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности и разрешений на работу, а

юридическое лицо должно получить разрешение на привлечение иностранной рабочей силы, что, несомненно, весьма существенно осложнит жизнь религиозным организациям.

Но здесь есть противоречие между рассматриваемым законом и миграционным законодательством, так как если приглашающая религиозная организация является централизованной, то иностранный миссионер согласно указанной норме Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» может осуществлять свою деятельность на территории субъекта или территориях субъектов Российской Федерации в соответствии с территориальной сферой ее деятельности соответствующей организации. А согласно ч. 4.2 ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранный гражданин не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого ему выдано разрешение на работу. Однако можно заметить, что если исходить из правил преодоления коллизий в праве, необходимо применять новые правила, а миссионеры должны получить возможность действовать на территориях тех субъектов России, где осуществляет свою деятельность пригласившая их религиозная организация.

Во-вторых, **актуальным оказался вопрос о рамках миссионерской деятельности в жилых помещениях.** Статья 24.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не допускает осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях, за исключением случаев, предусмотренных в ч. 2 ст. 16 этого же акта, т.е. тех мест, где богослужения могут осуществляться беспрепятственно. Последняя норма, в свою очередь, не запрещает проведение миссионерской деятельности в жилых помещениях. Содержательно части статей дублируются, поэтому связка бланкетной нормы неочевидна и выстроена непоследовательно. На практике актуальным оказался вопрос о проведении религиозных обрядов домашних групп, но новая редакция закона никак не сказывается на них, так как цель подобных мероприятий не воцерковление, а богослужение.

В-третьих, **вопрос о выпускаемой печатной продукции.** По сути ч. 3 ст. 17 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» ничего не меняет. Единственное, что непосредственно затронет интересы религиозных организаций, это особенности нанесения маркировки. Если печатная продукция и другие материалы используются в рамках миссионерской деятельности той же религиозной организацией, которая их издала, то такая продукция должна иметь одну маркировку с ее официальным полным наименованием. А если издания выпущены одной организацией, а используются в рамках миссионерской деятельности другой (пусть и одного вероисповедания), то необходимо сделать две маркировки для каждой организации.

Таким образом, поправки ввели понятие миссионерской деятельности, определили порядок ее осуществления и установили меры ответственности за его нарушение. Но можно заключить, что нововведения, с одной стороны, с юридической точки зрения, не должны были внести существенных изменений в деятельность религиозных организаций, а с другой – вызвали озабоченность последних по вопросу о формальном соблюдении норм права, что-

бы у правоприменителей не возникало необоснованных претензий к их деятельности. Ведь цель нововведений очевидна – ограничить, а лучше исключить деятельность небольших и новых для России религиозных течений, что подтверждается практикой необоснованных привлечений к ответственности, которая будет рассмотрена ниже. Верующих стали рассматривать как потенциальных экстремистов. Соответственно был проведен ряд семинаров и выработаны методические рекомендации по осуществлению миссионерской деятельности. Это стало своего рода «обходным маневром» со стороны религиозных объединений, деятельность которых теперь как бы соответствует букве, но не духу «запретительного» закона, дополнительные требования которого, по существу, не нужны.

В правовом регулировании миссионерской деятельности много несоответствий и изъянов, что породило и соответствующие проблемы в правоприменительной практике, о чем так переживали представители религиозных структур в ходе рассмотрения законопроекта.

Первая проблема – это **вопрос о субъекте, на кого должны распространяться соответствующие нормы**. Закон говорит о двух субъектах – религиозных объединениях и уполномоченных ими лицах. Правоприменитель толкует соответствующую норму весьма широко. Так, например, 14 августа 2016 г. Железнодорожный районный суд г. Орла признал проживающего в городе гражданина Соединенных Штатов Америки Д. Оссерваарде виновным по ч. 5 ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации («Осуществление иностранным гражданином миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях») и приговорил его к штрафу в размере 40 тыс. руб. Этот баптист, имеющий вид на жительство в России с 2005 г., проводил в своем доме встречи по изучению Библии. Основные претензии к его деятельности свелись к тому, что Д. Оссерваарде расклеил объявления о проводящихся встречах в одном из районов города, а затем провел встречу, что в целом нельзя отнести к миссионерской деятельности.

Однако в судебной практике есть и отрадные тенденции. Так, в ноябре 2016 г. в Калининграде прекращены за отсутствием состава правонарушения четыре административных дела, возбужденные в связи с «незаконным миссионерством» Свидетелей Иеговы. Суд подтвердил, что «закон «О свободе совести» не содержит запрета на распространение личного религиозного опыта и общение на религиозные темы», и постановил, что «деятельность верующих, которые просто хотели реализовать свое право на распространение своих религиозных взглядов, не содержит совокупности признаков миссионерской деятельности».

Вторая проблема – это **цели законопроекта**, которые никак не обозначены ни в пояснительной записке, ни в ходе дальнейшего рассмотрения законопроекта. Хотя уже сейчас очевидно, что направлен он на облегчение работы правоохранительных органов, воспрепятствование деятельности отдельных религиозных объединений, воспринимаемых некоторыми активистами как сектантские и антисоциальные. Об этом свидетельствует и практика привлечения к административной ответственности за незаконную миссионер-

скую деятельность. В основном к ней привлекаются представители немногочисленных и новых для России религиозных течений, а также протестанты, но не религии, играющие согласно преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» особую роль в истории нашей страны (православие, а также христианство, ислам, буддизм, иудаизм). Так, зачастую жертвами неправомерного привлечения к ответственности становятся баптисты, сайентологи, мормоны, Свидетели Иеговы, евангелисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня и т.д.

Третья проблема – это **максимальный субъективизм правоприменительной, судебной практики**. Принятые «антимиссионерские» поправки не дают ответа на вопросы, без понимания которых невозможно регулировать религиозную деятельность: Что такое религия? Можно ли к ней отнести ноосферологов или йогов? Каковы формы и методы передачи религиозных учений? По каким основаниям отличать миссионерскую проповедь от речи на духовно-нравственные темы и академических лекций по религиоведению или философии религии? И, самое главное, как в этом разобраться полицейскому, прибывшему по вызову? Имеет ли значение, что лектор по своим воззрениям принадлежит к определенной (но не запрещенной) религиозной группе? Может ли он рассказывать о религиозных практиках и даже демонстрировать их, но при этом не заниматься миссионерством? А если это делает человек без определенных религиозных убеждений или тот, чьи убеждения не совпадают с демонстрируемыми практиками?

По факту же эти поправки применяются в соответствии с представлениями о духовной сфере конкретного правоприменителя или заявителя, пожаловавшегося на нарушение. Так, 31 августа 2016 г. судья одного из районов Республики Марий Эл приговорил пастора Церкви христиан веры евангельской Александра Якимова к штрафу в размере 5 тыс. руб. за «незаконное миссионерство» в деревне Мари-Шолнер. Суд постановил, что участие пастора в празднике деревни, цитирование Библии и благословение участников праздника является нарушением закона. Но в данном конкретном случае миссионерская деятельность не осуществлялась. Поздравления религиозного лидера даже при наличии атрибутики церкви никак нельзя считать миссионерством. Более того, даже если бы пастор осуществлял миссионерскую деятельность, он бы имел на это полное право, так как данная религиозная группа выполнила для этого все необходимые требования законодательства, а именно уведомила управление юстиции о создании религиозной группы, получив подтверждение об уведомлении. А также у священнослужителя имеется решение группы о предоставлении ему полномочий миссионера.

Но есть и положительные примеры, когда пусть и не органы полиции, а суд устанавливал характер и содержание выступления на публичном мероприятии. 18 января 2017 г. Мировой суд Санкт-Петербурга прекратил административное производство в отношении Д. Угая – петербургского программиста. 22 октября 2016 г. он выступил с лекцией о видах йоги на фестивале «Ведалайф», после чего его пытались привлечь к ответственности за незаконное осуществление миссионерской деятельности. Но лекция Д. Угая носила светский характер и не была похожа на миссионерство, как утверждали в рамках разбирательства присутствующие на мероприятии.

Таким образом, нормы о миссионерской деятельности, которые должны применяться для защиты прав и охраняемых законных интересов человека и гражданина, не только не достигают поставленной цели, но и нарушают конституционные права и свободы как верующих, так и атеистов. Такое регулирование несоразмерно его эффективности при противодействии терроризму. Конечно, представители соответствующих вероучений могут и уже выработали определенные правила своей деятельности в новых условиях, зачастую рассматриваемые ими как ненужное ограничение свободы совести, свободы вероисповедания.

Литература

1. *О свободе совести и о религиозных объединениях*: федеральный закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Рос. газета. 01.10.1997. № 190; Собрание законодательства РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.
2. *О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности*: федеральный закон РФ от 06.07.2016 № 374-ФЗ // Рос. газета. 08.07.2016. № 149; Собрание законодательства РФ. 11.07.2016. № 28. Ст. 4558.
3. *О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности*: законопроект № 1039149-6 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1039149-6&02> (дата обращения: 30.01.2017).
4. Адвокат Константин Андреев: Антимиссионерский законопроект противоречит Конституции Российской Федерации. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=439&ELEMENT_ID=7061 (дата обращения: 30.01.2017).

Isaeva Anastasia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

LEGAL REGULATION OF MISSIONARY ACTIVITY IN RUSSIA AS AN IMITATION OF THE FIGHT AGAINST RELIGIOUS EXTREMISM

Key words: missionary work, religious organizations, freedom of conscience, the secular state, religious extremism.

In July 2016 it was adopted in the Federal Law on 26.09.1997 № 125-FZ "On Freedom of Conscience and Religious Associations" (further - Federal Law) new Chapter III.1, which regulates the missionary activity in Russia. The main innovation of this law was the art. 24.1, which is now fixed definition of missionary activity, but it has nothing to do with his religious understanding of ministry flock. If we turn to the text currently applicable version of the Federal Law, it is possible to identify the following problematic issues in the legal regulation. Firstly, the possibility of involvement of foreign missionaries. There is a contradiction between para. 3 p. 3 art. 24.2 of the Federal Law and p. 4.2 art. 13 of the Federal Law on 25.07.2002 № 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation", since in the latter case, the foreign national not entitled to work outside of the subject of the Russian Federation on the territory of which he is granted a work permit. And according to the norms of the Federal Law the territory of a foreign missionary activity is limited to the territorial scope of the relevant activities of a religious organization, which may include several subjects of the Russian Federation. Secondly, topical was the question on the framework of missionary activity in living areas. Article 24.1 of the Federal law does not allow the implementation of missionary activity in residential locations except as provided in para. 2, art. 16 of the same act, that is, those places where the service can be carried out without hindrance. This provision, in turn, does not prohibit the carrying out of missionary activity in living areas. In its content the norms are the same, so a bunch of blanket norm is not obvious and is not built in series. Third, the question of the manufactured printed products. In fact, p. 3 art. 17 of the Federal Act does not change anything. The only thing is the need for the application

of more than one marking on the printed product, if it produces a single organization, but is used on missionary activity within another organization.

These shortcomings of legal regulation gave rise to corresponding problems in law enforcement. The first problem - the question of the subject. The law says the two of them - religious associations and their authorized persons. But law-interpreting the relevant rule is very broad and, for example, was brought to responsibility D. Osservaarde for being held in his home Bible study meeting.

The second problem is the objective of the bill, which is aimed at impeding the activities of certain religious associations. Often the victims of wrongful prosecution are Baptists, Jehovah's Witnesses, Evangelists, etc.

The third problem - is the maximum subjectivity enforcement, judicial practice.

Thus, the the norms of missionary activity, which should be used for protection of rights and legitimate interests of man and citizen, not only failed to achieve the goal, but violate the constitutional rights and freedoms of believers.

References

1. Russian Federation. (1997) O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh: federal'nyy zakon RF ot 26.09.1997 N 125-FZ (red. ot 06.07.2016) [On Freedom of Conscience and on Religious Associations: Federal Law No. 125-FZ of the Russian Federation of September 26, 1997 (as amended on July 6, 2016)]. *Rossiyskaya gazeta*. 1st October.
2. Russian Federation. (2016) O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O protivodeystvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeystviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti: federal'nyy zakon RF ot 06.07.2016 № 374-FZ [On Amendments to the Federal Law on Counteracting Terrorism and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public security: Federal Law No. 374-FZ of the Russian Federation of July 6, 2016]. *Rossiyskaya gazeta*. 8th July.
3. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O protivodeystvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeystviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti: zakonoproekt № 1039149-6 [On Amendments to the Federal Law on Counteracting Terrorism and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public security: Bill No. 1039149-6]. [Online] Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1039149-6&02>. (Accessed: 30th January 2017).
4. Andreev, K. (2016) Antimissionerskiy zakonoproekt protivorechit Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Anti-commission bill is contrary to the Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=439&ELEMENT_ID=7061. (Accessed: 30th January 2017).

УДК 341

DOI: 10.17223/22253513/23/4

А.В. Кукушкина

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

В 1980-х гг. состоялись переговоры между государствами-членами ООН по экологическим вопросам, в том числе по конвенции об охране озонового слоя, и ряду других. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, была эпохальным событием. На ней было положено начало новому глобальному партнерству в интересах устойчивого развития – партнерству, основанному на осознании неделимости вопросов охраны окружающей среды и процесса развития. В документах, принятых на конференции, были рассмотрены насущные проблемы современности в этой области и задан ориентир – подготовить мир к задачам следующего столетия по достижению долгосрочных целей устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, международное право, экологические вопросы.

В первые десятилетия деятельности ООН экологические проблемы редко включались в повестку дня. Основное внимание Организация уделяла проблемам эксплуатации и использования природных ресурсов, но, несмотря на ряд принятых документов, в целом состояние окружающей среды продолжало ухудшаться, а такие проблемы, как изменение климата, истощение озонового слоя и загрязнение вод, усугублялись, и при этом возрастали темпы уничтожения природных ресурсов.

В 1980-х гг. состоялись переговоры между государствами-членами ООН по экологическим вопросам, в том числе по конвенции об охране озонового слоя, и ряду других. В 1983 г. ГА ООН была учреждена Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, которая привнесла новое понимание и ощущение актуальной необходимости в новом типе развития, обеспечивающем экологическое благосостояние нынешнего и будущих поколений, наряду с охраной ресурсов окружающей среды, от которых полностью зависит развитие. В докладе Комиссии Генеральной Ассамблее в 1987 г. была выдвинута новая концепция устойчивого развития как альтернатива развитию, основанному на неограниченном экономическом росте.

Был подготовлен доклад, который назывался «Наше общее будущее», рассмотрев который, ГА ООН предложила провести Конференцию Организации Объединённых Наций по окружающей среде и развитию – Встречу на высшем уровне «Планета Земля».

Конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, была эпохальным событием. На ней было положено начало новому глобальному партнерству в интересах устойчивого развития – партнерству, основанному на осознании неделимости вопросов охраны окружающей среды и процесса развития. В Повестке дня на XXI в., при-

нятой на конференции, были рассмотрены насущные проблемы современности в области окружающей среды и развития и задан ориентир – подготовить мир к задачам следующего столетия по достижению долгосрочных целей устойчивого развития [1. С. 5].

Для реализации этих целей в качестве вспомогательного органа ЭКОСОС в 1992 г. была создана Комиссия по устойчивому развитию. Она выполняла свои функции в координации с другими вспомогательными органами и разрабатывала рекомендации в рамках своего мандата, в том числе являясь функциональной комиссией ЭКОСОС в составе 53 членов, контролировала и докладывала о ходе выполнения документов, принятых на Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. и Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 г.

Меры по устойчивому развитию могут включать вклад:

1) научных кругов и научно-исследовательских учреждений для обеспечения понимания взаимодействия между антропогенной деятельностью и природными экосистемами и механизмов устойчивого управления глобальными системами;

2) женщин, детей и молодежи, коренного населения и его общин, неправительственных организаций, местных органов власти, трудящихся, а также профсоюзов и фермеров в разработку, поощрение и совместное использование эффективных стратегий, политики и практики и процессов поощрения устойчивого развития;

3) деловых и промышленных групп в реализацию практической деятельности в области устойчивого развития, а также их содействие обеспечению корпоративной ответственности и отчетности.

Необходимо разрабатывать политику, предусматривающую комплексный учет социально-экономических и экологических аспектов устойчивого развития.

Социально-экономический аспект требований к модели устойчивого развития предопределяет реализацию в глобальном масштабе комплекса мер, направленных на борьбу с нищетой, изменение структуры потребления, регулирование роста населения, сохранение здоровья человека, содействие устойчивому развитию регионов, международное сотрудничество в области окружающей среды, учет экологических требований при принятии социальных и экономических решений [2. С. 117].

Экологический аспект устойчивого развития предполагает широкий круг мер, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов: охрану атмосферы, рациональное использование земельных ресурсов, сохранение лесов, борьбу с опустыниванием и засухой, сохранение биоразнообразия, охрану и рациональное использование водных ресурсов, экологически безопасное использование биотехнологий, повышение безопасности использования токсичных химических веществ, решение проблемы отходов.

Реализация всех этих требований должна обеспечить динамическое равновесие в развитии, которое позволило бы снять определенные противоречия между потребностями общества в природных ресурсах и возможностями их удовлетворения при сохранении природно-ресурсного потенциала.

Здесь необходим поиск оптимального компромисса между вечно противоречивыми интересами субъектов рыночной экономики и требованиями экологической безопасности, между интересами нынешнего и будущих поколений. Проблема состоит в том, что если современное производство в полной мере подчинить необходимым для экологического благополучия ограничениям, то это затормозит экономическое развитие, что, в свою очередь, снизит возможности решения экологических проблем, т.е. нельзя тормозить экономическое развитие только по экологическим соображениям. Закрепление в нормах права и создание механизма реализации строгих экологических требований следует осуществлять сбалансированно, поэтапно, с учетом социально-экономических возможностей в различных регионах планеты.

Международная комиссия по окружающей среде и развитию определяет устойчивое развитие как развитие, при котором сегодняшние проблемы решаются без нанесения ущерба интересам будущих поколений. Также применяется термин «устойчивое использование» [4. С. 19] по отношению к использованию возобновляемых ресурсов. Он означает использование в таком объеме, при котором сохраняется запас для самовосстановления. Результатом устойчивого развития является устойчивая экономика, которая не разрушает основные природные ресурсы, развивается путем приспособления к окружающей среде, использует новейшие научные разработки и технические усовершенствования.

Государства должны применять такие меры, при которых бизнес, промышленность и торговля учитывали бы задачи сохранения Земли. Необходима разработка таких технологических процессов, которые снизили бы до минимума потребление сырья и энергии, сократили расходы и предотвратили бы загрязнение окружающей среды.

В сентябре 2002 г. в Иоханнесбурге состоялась встреча Рио+10. Десятилетний обзор обеспечил хорошую возможность для того, чтобы оценить, что сделано для достижения намеченных конференцией в Рио целей. Международное сообщество использовало это мероприятие для активизации глобального партнерства, которое требуется для достижения целей устойчивого развития. В докладе Генерального секретаря ООН 55-й сессии ГА ООН от 30 августа 2000 г. подчеркивается, что достижение главной цели устойчивого развития призвано обеспечить решение двуединой задачи: удовлетворить экономические потребности нынешнего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности, и одновременно обеспечить защиту окружающей среды. В Декларации тысячелетия отмечается, что в основу охраны и рационального использования всех живых организмов и природных ресурсов должна быть положена осмотрительность в соответствии с постулатами устойчивого развития. Только таким образом можно сохранить для наших потомков те огромные богатства, которые дарованы нам природой. Нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены в интересах нашего будущего благосостояния и благополучия наших потомков. Здесь же отмечается твердое намерение придерживаться во всей экологической деятельности новой этики бережного и ответственного отношения к природе и заявляется о решимости:

- активизировать усилия по сохранению всех типов лесов и устойчивому ведению лесного хозяйства;
- добиваться полного осуществления Конвенции о биологическом разнообразии и Конвенции по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и (или) опустынивание, особенно в Африке (разработано 5-е приложение для России и стран ЦВЕ);
- остановить нерациональную эксплуатацию водных ресурсов;
- активизировать сотрудничество в целях сокращения числа и последствий стихийных бедствий и антропогенных катастроф.

Непосредственно обращенным к вопросам окружающей среды было ещё одно послание Генерального секретаря ООН «В поддержку нашего будущего» (Sustaining our future). В нем отмечается, что при создании ООН в 1945 г. задумывались только об обеспечении двух видов свобод – от нужды и страха. Сейчас появилась задача обеспечить свободу будущим поколениям поддерживать их жизнь на планете. Природная среда предоставляет, причем бесплатно, основные услуги, без которых наш биологический вид не сможет выжить – озоновый слой предохраняет от опасных ультрафиолетовых лучей, а экосистемы помогают очищать воздух и воду. Они превращают отходы в ресурсы и поглощают атмосферный углерод, способствующий потеплению климата планеты. Биоразнообразие является обильным источником продуктов питания и лекарств, а также поддерживает устойчивость видов к сельскохозяйственным вредителям и болезням. Экологическая устойчивость касается каждого – всех, кто живет в развитых и развивающихся странах.

Предлагается сделать акцент на следующих проблемах:

1. Изменение климата. Здесь необходимо сократить выбросы углекислого газа в атмосферу путем сокращения использования ископаемого топлива в производстве энергии, использования нетрадиционной энергетики, энергосбережения, важным является использование механизма экологически чистого развития (clean development mechanism), который дает возможности развитым странам получать дополнительный зачет квот, разрешаемых выбросов в случае осуществления частных инвестиций в энергосберегающую деятельность в развивающихся странах с целью снижения в них выбросов парниковых газов ниже изначально установленного уровня отсчета. Кроме того, в развивающихся странах создаются службы мониторинга выбросов парниковых газов.

2. Кризис дефицита пресной воды. Сейчас примерно треть населения планеты проживает в районах с дефицитом воды (в них потребление воды на 10% превышает водоснабжение). Если данная тенденция водопотребления будет сохраняться, то к 2025 г. это соотношение станет равно 2/3. Более 1 млрд человек не имеют доступа к безопасной питьевой воде. Половина населения планеты живет в условиях отсутствия должной санитарии. В сельском хозяйстве нужна «голубая революция» – рост урожайности в расчете на единицу использованной воды вместе с планами по управлению водопользованием.

3. Охрана почв. Расположение плодородных почв и благоприятные условия выращивания сельскохозяйственных культур часто не совпадают с расселением населения. Деградация земель еще более усложняет проблему снаб-

жения населения продовольствием. Более 2 млрд га земель деградировало из-за неэффективной деятельности человека, что вынуждает около 1 млрд людей жить в условиях риска нехватки продуктов питания. В ближайшие 30 лет ожидается удвоение потребления продовольствия в развивающихся странах. Новые сельскохозяйственные биотехнологии могут помочь развивающимся странам. Однако экологические последствия применения биотехнологий пока слабо изучены и неопределенны. Генеральный секретарь ООН собирается создать на высоком уровне сеть специалистов для обсуждения рисков и выгод использования биотехнологий и биоинженерии.

4. Сохранение лесов, рыбных запасов и биоразнообразия. Сейчас наблюдается непомерный спрос на лесопродукты. Около 65 млн га потеряны в развивающихся странах из-за чрезмерной вырубki, лесных пожаров, болезней и превращения земель, занятых лесами, в с/х земли. Однако потребности в лесной и бумажной продукции могут быть удовлетворены путем вторичной переработки бумаги и перехода на публикации в электронном виде. Новые посадки леса могут помочь в удовлетворении потребностей в древесине, одновременно способствуя укреплению почв, поглощению углекислого газа и смягчению проблемы изменения климата. Сохранение сельскохозяйственного биоразнообразия важно для производства продуктов питания и продовольственной безопасности. Лекарствами на основе растений пользуются более 3 млрд человек. И эти лекарства приносят доход в несколько миллиардов долларов ежегодно. За последние 50 лет удвоился вылов рыбы в морях и океанах. Во всем мире наблюдается большой перелов рыбы и морепродуктов. Почти 70% местообитаний рыбы полностью использованы или чрезмерно эксплуатируются. Необходима разработка более устойчивого и равноправного режима морского рыболовства.

5. Формирование новой этики заботы о природе. Экологические кризисы преследуют человека постоянно и имеют различные причины возникновения. Так, в 1972 г. в Стокгольме на конференции по окружающей человека среде не рассматривались вопросы изменения климата или истощения озонового слоя Земли. В 1970-х гг. никто не предполагал, что затраты на преодоление природных стихийных бедствий возрастут в 9 раз с 1960-х по 1990-е гг. Разумеется, новые технологии могут помочь в решении экологических проблем, но нельзя полагаться только на них и ничего не менять в стереотипах поведения людей.

Предполагалось, что для реализации положений Повестки дня на XXI в. будет разработана более крупная программа в рамках системы ООН, помимо ЮНЕП. Но решения Конференции, а затем 47-й сессии ГА ООН не содержали таких указаний и не предусматривали выделение новых дополнительных финансовых ресурсов, поскольку Повестка дня должна реализовываться в основном государствами и финансироваться за счет государственного и частного секторов самих стран при поддержке, по необходимости, со стороны ООН. В связи с этим представляется целесообразным преобразовать Совет по опеке, который практически выполнил возложенные на него функции, в постоянный орган, который занимался бы не только вопросами охраны окружающей среды, но и устойчивого развития.

В Повестке дня на XXI в. говорится, что устойчивое развитие – это способ борьбы с бедностью и разрушением окружающей среды.

Можно отметить, что в настоящее время мы оцениваем успех по количеству денег, которые он приносит. Однако системы учета национальных богатств должны также принимать в расчет полную стоимость природных ресурсов и полную стоимость ухудшения состояния окружающей среды. Тот, кто загрязняет окружающую среду, должен нести расходы по ликвидации загрязнения. Для уменьшения риска нанесения вреда оценка состояния окружающей среды должна проводиться до начала осуществления проектов, которые могут иметь нежелательные последствия [5. С. 8]. И здесь важным инструментом устойчивого развития являются оценки экологических последствий. В соответствии с принципом 17 Декларации принципов Рио-де-Жанейро на основании решения компетентных национальных властей проводится оценка экологических последствий предполагаемой деятельности, которая может иметь существенные неблагоприятные последствия для окружающей среды, и в необходимых случаях полученные результаты сообщаются на начальном этапе проектного цикла.

Одним из основных направлений работы в области устойчивого развития является искоренение нищеты, особенно в развивающихся странах, так как проблема нищеты может вызвать социальную напряженность, подорвать экономическое развитие, нанести ущерб окружающей среде и создать угрозу для политической стабильности [6. Р. 10]. Одним из важнейших факторов решения этой проблемы является расширение прав и возможностей женщин, в частности, посредством устранения законодательных, политических или административных факторов и традиций, препятствующих обеспечению женщинам равного права на доступ к производственным ресурсам и услугам, включая предоставление им доступа к земле и другим видам собственности, а также обеспечение доступа к кредитам, к передаваемому по наследству имуществу, образованию, информации, услугам в области здравоохранения. В этой связи важное значение имеет осуществление Пекинской платформы действий [7. С. 224].

В Программе действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI в. отмечается, что ПРООН необходимо укреплять программы в области устойчивого развития и осуществления Повестки дня на XXI в. на всех уровнях, в том числе посредством своей программы «Потенциал XXI» [8. С. 2], где основное внимание уделено созданию потенциала по разработке стратегий устойчивого развития и в этом контексте оказывается помощь развивающимся странам по разработке, осуществлению и оценке программ и проектов [9. Р. 47].

Также Программа развития ООН участвует в осуществлении нескольких программ в области рационального использования и охраны окружающей среды в странах Центральной и Восточной Европы [10. Р. 10]. Так, например, в рамках программы сбережения энергии и борьбы с загрязнением воздуха ПРООН финансирует проекты, направленные на создание учреждений и компаний, которые обеспечивают рациональное использование окружающей среды. А программа обработки и удаления опасных отходов и обращения с токсичными химическими веществами направлена на создание националь-

ных и международных информационных систем для решения проблем, с которыми сталкиваются промышленные предприятия и местные органы самоуправления.

Помимо этого, ПРООН содействует структурной перестройке угольной промышленности стран Центральной и Восточной Европы для повышения рентабельности и экологической безопасности предприятий.

Под эгидой ВТО, ЮНЕП и ЮНКТАД создана межправительственная группа по окружающей среде, торговле и развитию, которая проводит скоординированную работу в данной области и поощряет интеграцию торговли, окружающей среды и развития [11. Р. 50].

Ожидается, что большая часть ресурсов для устойчивого развития будет поступать через торговлю и доступ к рынкам сбыта, а также благодаря наличию ресурсо- и энергосберегающих технологий.

Следует отметить, что устойчивое развитие требует не только экономического роста, но и его качественных изменений, чтобы он был менее материало- и энергоемким и более справедливым для всех. Такой экономический рост позволил бы принимать во внимание права будущих поколений, сократить потребление сырья и энергии в странах Севера, не снижая там уровня жизни, и дать возможность странам Юга получать больший доступ к товарам, которыми пользуются развитые страны.

В настоящее время в международном сообществе усиливается учет экологических факторов в торговле и влияние международно-правовых соглашений на торговлю, что имеет важное значение для России. Это связано с воздействием на устойчивое развитие преимущественного экспорта природных ресурсов (81% в 1994 г.), а также иногда неконтролируемого импорта токсичных, опасных и радиоактивных отходов. Также, подписав на Конференции конвенцию по биоразнообразию и рамочную конвенцию об изменении климата, Россия нуждается в оценке их воздействия на торговлю и промышленное производство, так как возникают проблемы с выполнением сроков закрытия производства озоноразрушающих веществ и экспортом продукции, в производстве которой они применяются.

Несмотря на то, что сейчас «экологическая» составляющая в расходной части российского бюджета мала, учитывая ее доминирующее положение в доходной части бюджета, а также тот факт, что экспорт практически полностью остается природоемким, интерес, проявленный в России при обсуждении перехода страны на модель устойчивого развития, позволяет рассчитывать на возрастание учета экологических факторов как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне.

В этой связи в России, как и во многих других странах, вовлеченных в реализацию положений документов Конференции ООН по окружающей среде и развитию и Плана действий по защите окружающей среды для Центральной и Восточной Европы, неизбежно будут совершенствоваться и укрепляться экономические механизмы природопользования, методы экономической оценки экологических и природных ресурсов, принцип платности за пользование природными ресурсами и за загрязнение окружающей среды, добровольное принятие бизнесом мер по природоохране.

Таким образом, можно отметить, что достижение определенного уровня экономического развития в соответствии с концепцией устойчивого развития рассматривается не как самоцель, а как средство достижения необходимого уровня социального развития и экологической безопасности российского общества.

Основными требованиями перехода к модели устойчивого развития в России на ближайший период являются: оживление экономического развития с приданием ему нового качества, обеспечивающего сохранение природно-ресурсного потенциала; удовлетворение основных потребностей населения в продуктах питания, чистой воде и энергии, а также трудоустройстве и социальной защищенности. При этом важным направлением деятельности по обеспечению устойчивого развития является экологизация экономики. Здесь важен не только постоянный учет экологического фактора при принятии конкретных решений, но и понимание того, что развитие экономики должно осуществляться в масштабах и темпами, которые позволили бы удовлетворить разумные потребности человека при обеспечении производства возобновимых и экономии невозобновимых природных ресурсов. При этом необходимо пересмотреть роль платежей за загрязнение окружающей среды. В сфере промышленного производства должен действовать принцип «загрязнитель платит».

Функции мер поддержки может выполнять государственный заказ на производство специализированного природоохранного оборудования с контрактным финансированием поставок продукции, а наполнение иностранных кредитных линий – экологически ориентированными проектами, принятие решений об экологическом перепрофилировании некоторых производств, привлечение специализированных банковских и инвестиционно-финансовых структур для финансирования мероприятий по рационализации природопользования и специализированной природоохранной деятельности, принятие решений об учете экологического фактора при приватизации предприятий, содействие в привлечении иностранных капиталов для финансирования затрат на охрану окружающей среды, мероприятий по созданию новых рабочих мест. Также должен учитываться экологический фактор при привлечении в Россию иностранных инвестиций, особенно в целях освоения природных ресурсов. Необходимо создать экономические стимулы, способствующие направлению иностранных инвестиций на решение экологических и социальных проблем регионов, а также разработать меры административно-правового регулирования деятельности предприятий с участием иностранных инвестиций, содержащих социальные и экологические требования, обязательные для учета в договорах о создании таких предприятий.

Можно было бы предложить создать единый для всей страны экологический комплекс, который бы включал осуществление научных, производственных, управленческих и других функций. Необходимо также создать экологический банк как государственно-коммерческое учреждение. Во многих странах такие банки уже созданы и выполняют не только финансовые операции, но и осуществляют координацию деятельности экологических учреждений, общественных организаций. Такой банк мог бы финансировать как внутрисекторные, так и международные программы [12. С. 160].

Экономические отношения России и международного сообщества должны строиться на справедливой основе, для чего необходимо осуществить ряд мер, в частности, провести совершенствование существующей системы природоохранного законодательства, а также системы экологических ограничений и регламентации режимов природопользования с целью их адаптации к рыночным условиям и провести последовательный переход на международные стандарты качества окружающей среды, обеспечить их экологическую сертификацию, являющуюся «мягким» рыночным инструментом контроля.

Для обеспечения устойчивого развития в будущем принципиально важное значение будут иметь меры по энергосбережению и борьбе с загрязнением окружающей среды.

В заключение можно отметить, что переход к модели устойчивого развития – процесс весьма длительный и обеспечить развитие в рамках этой модели можно лишь при учете интересов нынешнего и будущих поколений. Процесс перехода к модели устойчивого развития является перманентным, так как по мере развития общества будут меняться не только эти интересы, но и само представление об устойчивости развития, а действия, связанные с переходом к модели устойчивого развития, – на реализацию концепции устойчивого развития, принятой в апреле 1996 г. [13. С. 160].

В ней отмечается, что:

- возросшая мощь экономики стала разрушительной силой для биосферы и человека;
- устранение сложившихся противоречий возможно только в рамках стабильного социально-экономического развития, не разрушающего своей природной основы;
- переход к устойчивому развитию предполагает постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды;
- коренное улучшение состояния окружающей среды должно достигаться за счет экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, становления новой модели хозяйствования и широкого распространения экологически ориентированных методов управления;
- введение хозяйственной деятельности в пределы емкости экосистем должно обеспечиваться на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления.

Представляется целесообразным уже в настоящее время решить вопрос о создании постоянно действующего органа по устойчивому развитию, аналогично созданному при Президенте США Совету по устойчивому развитию. Он мог бы работать в постоянном взаимодействии со всеми парламентскими, правительственными и президентскими структурами, занимающимися различными аспектами социально-экономического развития России.

Литература

1. Doc. UN A/S – 19/29, 27 June 1997. P. 37.

2. *Концепция* перехода РФ на модель устойчивого развития // *Экологическая безопасность России*. М.: Юрид. лит., 1996. Вып. 2.
3. *Колбасов О.С.* Международное экологическое право на пороге XXI века. 28 с. (выступление на заседании Российской ассоциации международного права в 1998 году).
4. *Второй* проект Всемирной стратегии охраны природы. Забота о Земле. Стратегия устойчивого существования. Гланд, Швейцария, 1991. 195 с.
5. *Программа действий* / составитель Майкл Китинг. Женева, 1993. 205 с.
6. Doc. UN A/S – 19/14, E/1997/60, 27 May 1997. P. 55.
7. *Доклад* четвертой конференции ООН по положению женщин. Пекин, 4–15 сентября 1995 г. (A/CONF. 177/20; Add 1). 224 с.
8. Doc. UN A/S – 19/14 E/1997/60, 27 May 1997. P. 78.
9. Doc. UN A/S – 19/29, 27 June 1997. P. 94.
10. Doc. UN ENWA/R 64/ Rev.1, 31 July 1992. P. 88.
11. Doc. UN A/Res./S – 19/2, 19 September 1997. P. 97.
12. *Кукушкина А.В.* Вопросы международного сотрудничества в реализации экологической функции государств // *Построение правового государства: вопросы теории и практики: тез. докладов областной науч.-практ. конф.* 28 ноября 1990 г. Ярославль, 1990. 320 с.
13. *Концепция* перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // *Экологическое право: сб. нормативных актов*. М., 1998.

Kukushkina Anna V. Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign affairs (Moscow, Russian Federation)

THE CONCEPT OF STEADY DEVELOPMENT (INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS)

Key words: steady development, international law, ecological issues.

The negotiations between the UN member states on ecological issues including the Convention for the Protection of the Ozone Layer etc. were held in 1980s. The UN Conference on environment and development in Rio de Janeiro, 1992 was an epoch-making event. It marked the beginning of a new global partnership in the interests of steady development based on the consciousness of indivisibility of the issues of environmental protection and development process. The documents of the conference considered the essential modern problems in this area and set the goal for the world to be ready for the tasks of the coming century i.e. to achieve the long-term goals of steady development.

A social economic aspect of requirements to the steady development model predetermines a wide scale realization of the set of norms aimed at poverty alleviation, changes in the structure of consumption, regulation of population growth, health maintenance, facilitation the steady development of regions, international development in the sphere of environment, taking ecological requirements into account when making social and economic decisions.

The ecological aspect of steady development implies a wide range of measures aimed at environmental protection and rational use of natural resources: protection of the atmosphere, rational use of land resources, preservation of the woods, fight against desertification and drought, preservation of a biodiversity, protection and rational use of water resources, ecologically safe use of biotechnologies, increase in safety of use of toxic chemicals, solution of the problem of wastes.

Implementation of all these requirements has to provide dynamic balance in development which would allow to eliminate certain contradictions between the needs of society for natural resources and their satisfiability under the preservation of natural and resource potential.

We need an optimum compromise between eternally contradictory interests of the subjects of market economy and requirements of ecological safety, between the interests of living and future generations. The problem is that if we fully subject modern production to the restrictions, necessary for ecological wellbeing, it will slow down economic development that in turn will lower possibilities of the solution of environmental problems, i.e. it is impossible to slow down economic development only for ecological reasons. Entrenchment in the rules of law and creation of the mechanism of implementation of strict ecological requirements should be carried out step by step in a balanced way, taking into account social and economic possibilities in various regions of the planet.

References

1. UNO. (1997a) *Doc. UN A/S – 19/29*. 27th June.
2. Interdepartmental Commission for Environmental Safety. (1996) *Kontseptsiya perekhoda RF na model' ustoychivogo razvitiya. Ekologicheskaya bezopasnost' Rossii* [The concept of the transition of the Russian Federation to the model of sustainable development. Ecological Security of Russia]. Issue 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Kolbasov, O.S. (1998) *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo na poroge XXI veka (vystuplenie na zasedanii Rossiyskoy assotsiatsii mezhdunarodnogo prava v 1998 godu)* [International environmental law on the threshold of the 21st century (Speech at the meeting of the Russian Association of International Law in 1998)].
4. IUCN/UNEP/WWF. (1991) *Vtoroy proekt Vsemirnoy strategii okhrany prirody. Zabota o Zemle. Strategiya ustoychivogo sushchestvovaniya* [Gland, Switzerland]. Switzerland: Gland.
5. Keating, M. (1993) *Programma deystviy* [Program of Action]. Geneva: [s.n.].
6. UNO. (1997b) *Doc. UN A/S – 19/14, E/1997/60*. 27th May.
7. UNO. (1995) *Doklad chetvertoy konferentsii OON po polozeniyu zhenshchin* [Report of the Fourth UN Conference on Women]. Beijing, September 4–15, 1995, (A / CONF. 177/20; Add. 1).
8. UNO. (1997c) *Doc. UN A/S – 19/14 E/1997/60*. 2th May. pp.78.
9. UNO. (1997d) *Doc. UN A/S – 19/29*. 27th June. pp. 94.
10. UNO. (1992) *Doc. UN ENWA/R 64/ Rev.1*. 31st July. pp. 88.
11. UNO. (1997e) *Doc. UN A/Res./S – 19/2. 19th September*. pp. 97.
12. Kukushkina, A.V. (1990) [Problems of international cooperation in the implementation of the environmental function of states]. *Postroenie pravovogo gosudarstva: voprosy teorii i praktiki* [Building a legal state: Theory and practice]. Proc. of the Regional Conference. November 28, 1990. Yaroslavl. (In Russian).
13. Russian Federation. (1998) *Kontseptsiya perekhoda Rossiyskoy Federatsii k ustoychivomu razvitiyu* [The concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development]. In: *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Moscow: [s.n.].

УДК 343.150.1

DOI: 10.17223/22253513/23/5

Д.А. Мезинов

СТАНДАРТ «ВНЕ РАЗУМНЫХ СОМНЕНИЙ» КАК КРИТЕРИЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Анализируются взгляды ученых на понятие цели доказывания в отечественном уголовном процессе и предлагается считать таковой достоверные выводы суда (а в определенных случаях и органа уголовного преследования) об устанавливаемых по уголовному делу фактах, рассматривая их в качестве юридической (судебной) истины. Обращаясь к критериям достижения обозначенной цели доказывания, автор делает акцент на стандарте доказывания «вне разумных сомнений», обосновывая его приемлемость для отечественного уголовного процесса.

Ключевые слова: цель уголовно-процессуального доказывания, истина, внутреннее убеждение, стандарт «вне разумных сомнений».

Вопрос о цели доказывания в уголовном процессе относится к числу неоднозначно решаемых вопросов отечественной уголовно-процессуальной науки. При этом для обозначения данной цели в работах отечественных ученых-процессуалистов традиционно использование понятия «истина». Обозначенный вопрос в современной научной дискуссии по нему, особенно обострившейся по причине вынесения на обсуждение Следственным комитетом Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [1], конкретизируется следующим образом: является ли целью доказывания в отечественном уголовном процессе так называемая объективная истина, либо в качестве таковой цели более правильно рассматривать иную по характеру истину, например, юридическую, судебную, формальную, презумпционную? Следует отметить, что к настоящему времени большинство участников данной дискуссии в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе рассматривают объективную истину. Так, в специальной рубрике журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал» 18 авторов, по сути, выступили даже за закрепление в законе понятия «объективная истина», 13 авторов против этого возражали, но часть из последних в целом все же не отказались от рассмотрения объективной истины в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе [2]. При этом под объективной истиной, называемой частью ученых также материальной истиной, ещё с советского периода принято понимать «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела» [3. С. 308]. Иными словами, это полное и точное соответствие выводов (знаний) уполномоченных субъектов уголовного процесса

об обстоятельствах (фактах) совершенного преступления самим этим обстоятельством (фактам), как они существовали в объективной действительности.

Думается, значение рассмотрения в качестве цели (т.е. идеального желаемого образа будущего результата) доказывания в отечественном уголовном процессе объективной истины в целом необходимо признать. Прежде всего, стремление суда, а также должностных лиц стороны обвинения к установлению объективной истины по уголовному делу, соответствующее естественному желанию выяснить, «как все происходило на самом деле, в действительности», вполне нормально и адекватно как интересам общества и государства, так и правам, и интересам личности. Рассмотрение объективной (материальной) истины в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе соответствует его формированию в континентальной правовой системе [4. С. 76–84]. Применительно к такому уголовному процессу (и уголовно-процессуальному праву) можно утверждать, что он изначально связан с уголовным правом – является механизмом реализации его норм, обеспечения правильного применения уголовного закона («процесс – форма жизни материального закона»). Правильно применить уголовный закон означает применить его к лицу, действительно виновному в совершении преступления, и в мере, соответствующей степени его вины: здесь и заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления в полном и точном соответствии с реальной действительностью, т.е. устанавливать объективную истину по уголовному делу. Сформулированное в ст. 6 действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) назначение уголовного судопроизводства не может быть достигнуто в условиях, когда у суда и иных субъектов уголовного процесса (особенно наделенных властными полномочиями) отсутствует такое стремление.

В то же время выводы об устанавливаемых фактах, к которым должен прийти суд при разрешении уголовного дела, более правильно называть не объективной истиной, даже если он стремился достичь таковой, а «уголовно-судебной достоверностью» [5. С. 47; 6. С. 38] или «практической достоверностью» [7. С. 41], либо, используя мнение части ещё дореволюционных ученых [5. С. 47; 6. С. 380; 8. С. 303], даже точнее называть такие выводы юридической или судебной истиной. Под юридической (судебной) истиной здесь понимаются полученные судом (а в определенных случаях и органом уголовного преследования) при стремлении к достижению объективной (по своему содержанию) истины и строгом соблюдении требований уголовно-процессуальной формы, основанные на его внутреннем убеждении (при отсутствии разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами, достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения [9. С. 84–91].

Приведенное понимание характера реально получаемых в ходе уголовно-процессуального доказывания выводов об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения, обусловлено следующими факторами. Во-первых, употребление понятия «объективная истина» для обозначения реальных результатов доказывания по уголовному делу нельзя признать верным и уместным ввиду отсутствия точных критериев достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято на-

зывать объективной истиной [10. С. 179–181]. Во-вторых, понятие «объективная истина», судя по вкладываемому в него ещё с советских времен смыслу, характеризует содержание выводов уполномоченных субъектов доказывания, к получению которых они должны стремиться, но это понятие не отражает форму таких выводов, которая в уголовном процессе всегда должна носить юридический характер, т.е. определяться требованиями юридической процедуры, закрепленными в уголовно-процессуальном законе, обеспечивающими верифицируемость и проверяемость этих выводов, а также предполагающими предшествующую защиту прав и законных интересов участников процесса от необоснованных нарушений.

Таким образом, именно юридическую (судебную) истину в приведенном выше понимании следует считать реально достижимой целью доказывания, обязанность установления которой должна быть возложена (и, по сути, возложена действующим УПК РФ) на суд и органы уголовного преследования (при обосновании последними решений, принимаемых по существу уголовного дела).

Следует отметить, что юридическая (судебная) истина в изложенном понимании совпадает именно с получаемыми при стремлении к достижению объективной (по содержанию) истины достоверными выводами об устанавливаемых по уголовному делу фактах и её не следует отождествлять с формальной истиной, изначально характерной для средневекового инквизиционного типа процесса, где истиной, разрешающей уголовное дело, провозглашались, по сути, заведомо вероятностные предположения о фактах, выдвигаемые по правилам формальной теории доказательств (свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению отсутствовала). Обозначенную юридическую (судебную) истину не следует путать и с конвенциональной истиной, являющейся в известном смысле разновидностью формальной истины, т.е. с возможностью разрешения уголовного дела, основываясь на признании истинными предположений о фактах, выдвигаемых при соблюдении формальных требований закона и наличии определенным образом выраженного согласия сторон. В современном УПК РФ возможность ограничиться достижением такого рода истины при разрешении уголовного дела предусмотрена главами 32.1, 40 и 40.1, ст. 25 и некоторыми другими. Также необходимо отграничение от так называемой «презумпционной» истины, например, от установленной согласно презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), которую можно положить в основу разрешения уголовного дела при исчерпании возможностей её опровержения.

Для субъекта доказывания, уполномоченного принимать решение по существу уголовного дела, к которым относится суд, а в известных пределах и органы уголовного преследования, необходимо руководствоваться определенными критериями достижения обозначенной выше в виде цели доказывания юридической (судебной) истины. В уголовном процессе континентальной правовой системы, включая отечественный уголовный процесс, в качестве такого внутреннего критерия для данных субъектов доказывания принято рассматривать наличие у них внутреннего убеждения в соответствии объективной действительности (тому, что было «на самом деле») полученных ими выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления. Именно оно

является (должно являться) спусковым механизмом, обуславливающим принятие судом (а в известных пределах и органом уголовного преследования) обоснованного достигнутой целью доказывания процессуального решения по существу уголовного дела, вызывающим у данного субъекта доказывания соответствующую решимость. Очевидно, что это субъективный критерий. Соответствующее определение такого рода внутреннему убеждению было дано ещё в советский период: «Внутреннее убеждение, – писал М.С. Строгович, – есть *разумная уверенность* советских судей в правильности их выводов по делу, достигнутая тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств дела и вытекающая из твердо установленных и достоверных обстоятельств дела ... внутреннее убеждение... есть субъективное выражение объективной истины» [3. С. 337, 339].

При этом процессуалистами континентальной правовой системы признается то, что отмеченная разумная уверенность субъекта доказывания не должна и не может иметь характер абсолютной, полной несомненности. Еще Вл. Случевский точно заметил: «О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования» [6. С. 379]. В то же время вопрос о том, какое по характеру (степени) внутреннее убеждение должно сформироваться у субъекта доказывания при принятии им решения по существу уголовного дела, не теряет актуальности для уголовного процесса континентальной правовой системы.

В поисках ответа на этот вопрос уместно обратиться к характерному исходно для уголовного процесса англо-американской правовой системы объективному критерию достижения цели уголовно-процессуального доказывания, именуемому стандартом доказывания «вне разумных сомнений».

«Стандарт «за пределами разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), сформировавшийся в Англии во второй половине XVIII в., означает, как явствует из его названия, что в достоверности факта (виновности обвиняемого по уголовному делу), – пишет С.Л. Будылин, – не должно остаться разумных сомнений. Это не обязательно означает, что в его достоверности нет вообще ни тени сомнения (*beyond a shadow of doubt*), а означает лишь, что все альтернативные возможности объяснения представленных доказательств являются чрезвычайно маловероятными (*it is possible but not in the least probable*)» [11. С. 33].

Как видно, доказывание «вне разумных сомнений» означает при принятии решения в ходе мыслительной деятельности субъекта доказывания исключение не всех абсолютно сомнений в соответствии полученных им выводов действительности (тому, что было «на самом деле»), а только разумных сомнений [12. С. 639; 13. С. 19], поскольку некоторые («неразумные») сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Разумные сомнения, соответствующие всем иным разумным версиям устанавливаемого события, кроме одной разумной версии, подтвержденной доказательствами и включенной в окончательные выводы субъекта доказывания, должны быть устранены. Такие разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта доказывания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными,

а какие невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде отвергнутых версий).

Полагаю, что использование стандарта «вне разумных сомнений» в уголовном процессе континентального типа (включая отечественный уголовный процесс) предостережет от понимания характерного для этого процесса субъективного критерия – внутреннего убеждения как полной абсолютной несомненности и в то же время поможет субъекту доказывания ориентироваться не на простой «перевес доказательств» (стандарт, характерный для гражданского процесса англо-американской правовой системы [11. С. 33–35]), а на веские и убедительные доказательства виновности обвиняемого, тем самым, более точно определять характер (степень) внутреннего убеждения, необходимый для принятия решения по существу уголовного дела. Как отмечает относительно роли данного стандарта немецкий ученый К. Энгель: «Роль стандарта доказывания функционально состоит... в том, что высокие требования к доказательствам («за пределами разумных сомнений») устанавливаются так называемый соматический маркер, т.е. своеобразный эмоциональный сигнал, инициирующий более ответственный и осторожный подход к оценке правдоподобности обвинительного варианта истории. Но именно для этого, собственно, и вводится повышенный стандарт доказывания в уголовных делах» [11. С. 57].

В связи с изложенным верными представляются суждения С.Л. Будылина: «В самом деле, для достижения судьей «внутреннего убеждения» в истинности того или иного факта недостаточно, по-видимому, простого перевеса доказательств в пользу того, что этот факт имел место, а требуются доказательства существенно более убедительные. Судя по тому, что на основании принципа «внутреннего убеждения» разрешаются уголовные дела, а соображения о настоятельной необходимости предотвращения судебных ошибок в уголовных делах вполне универсальны, можно предположить, что стандарт «внутреннего убеждения» примерно соответствует англосаксонскому стандарту «за пределами разумных сомнений». Это звучит вполне логично, ведь «у судьи не осталось разумных сомнений в виновности обвиняемого», – это по сути то же самое, что «судья внутренне убежден в его виновности» [11. С. 51–52].

В свою очередь, относительно, по сути, соответствующего стандарту доказывания «вне разумных сомнений» понимания внутреннего убеждения в немецкой теории уголовного процесса Б.А. Филимонов, проанализировав германское законодательство, пояснил: «Судейское убеждение – это основанная на жизненном опыте *достоверность, которой не противоречит разумное сомнение*... Под достоверностью здесь понимается не математическая, а практическая достоверность, доступная человеческому познанию и которая в силу своей сущности может быть и опровержимой... Эта личная достоверность необходима, но и достаточна для осуждения подсудимого. Понятие убеждения *не исключает* возможности существования и иных, противоположных, обстоятельств дела. Скорее всего, это относится к природе убеждения, поскольку очень часто остается *субъективная возможность сомнения*» [14. С. 76].

В связи с вышеизложенным полагаю, что имеются основания не соглашаться с мнением отдельных авторов, по сути отвергающих приемлемость стандарта «вне разумных сомнений» для отечественного уголовного судопроизводства. Так, Г.К. Смирнов считает, что этот стандарт противоречит требованию об установлении объективной истины, «заменив её критерием разумной доказанности» [15. С. 11]. При этом остается неясным, что предлагается использовать вместо этого стандарта. Каким критерием достижения цели доказывания необходимо будет руководствоваться? Видимо, автор полагает, что вместо «разумной доказанности» должна быть «абсолютная» доказанность или внутреннее убеждение при отсутствии всякого сомнения?

Но возможно ли внутреннее убеждение «вне всякого сомнения» у *внезапного, объективно и разносторонне* (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах, будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неуспынным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии?

В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорами, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельств каждого совершенного преступления был бы бесконечен. Таким образом, стандарт «вне разумных сомнений», как соответствующий осуществляемому в уголовном судопроизводстве реальному процессу оценки доказательств, нет оснований противопоставлять стремлению суда (и должностных лиц стороны обвинения) к достижению объективной (по своему содержанию) истины, влекущему при соблюдении требований уголовно-процессуальной формы получение достоверных выводов об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах. Этот стандарт удачно дополняет традиционно рассматриваемое в уголовном процессе континентальной правовой системы в качестве субъективного критерия достижения указанной цели доказывания внутреннее убеждение субъекта доказывания в соответствии объективной действительности полученных им выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления.

Литература

1. *Проект* федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины

по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2007–2014. URL: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136 (дата обращения: 26.05.2016).

2. Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 5–287.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
4. Головкин Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 65–87.
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 462 с.
6. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., доп. и испр. С.-Петербург, 1913. 669 с.
7. Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 40–49.
8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. С.-Петербург, 1914. 547 с.
9. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. № 2 (8). С. 82–94.
10. Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 177–191.
11. Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 3. С. 25–57.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.
13. Кухта А.А. К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» // Российский судья. 2007. № 4. С. 18–20.
14. Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М.: СПАРК, 1994. 157 с.
15. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10–17.

Mezinov Dmitry A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

THE STANDARD “BEYOND REASONABLE DOUBT” AS A CRITERION FOR ACHIEVING THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEDURE PROOF

Key words: purpose of criminal procedure proof, truth, inner conviction, standard «beyond reasonable doubt».

At the beginning of the article the author addresses a question of the purpose of criminal procedure proof, noting that so far most scientists believe that the purpose of national criminal law is the objective truth established in criminal cases. While appreciating such an approach, the author, at the same time, thinks that it is more accurate if the purpose of criminal procedure proof in national criminal law is understood as reliable findings of court or criminal prosecution authorities about the facts established in criminal cases, considering them to be legal (judicial) truth.

It is noted that in criminal proceedings of continental legal system, including the Russian criminal procedure, an internal criterion for achievement of the above proof purpose for courts and in certain cases criminal prosecution authorities is their internal belief in conformity of objective reality (what was “actually” done) with the findings about the facts (circumstances) of crime.

The criterion is of a subjective character. Moreover, its understanding in criminal procedure of continental legal system does not give a definite answer on a question of what character of internal belief the subject should have when deciding on the merits of a criminal case.

Thus, the author addresses the objective criterion of achieving the goals of criminal procedure proof, i.e. the initial characteristic of criminal procedure of Anglo-American legal system named the standard of proof “out of reasonable doubts”, and expresses his disagreement with the opinion of those scientists who reject the acceptability of this standard for domestic criminal procedure.

According to the author, it is unreasonable to oppose the standard “out of reasonable doubts” as corresponding to the real process of assessment of proof to the attempts of court (and the prosecution) to achieve the objective truth (according to its content), resulting, under the observance of require-

ments of a criminal procedure form, in obtaining reliable findings about the circumstances established in criminal cases and designated as the purpose of criminal procedure proof.

This standard successfully supplements the internal belief of courts (and in certain cases criminal prosecution authorities) which is traditionally considered in criminal procedure of continental legal system as the subjective criterion of achieving the above proof purpose in conformity of objective reality with the findings about the facts (circumstances) of crime.

References

1. Investigation Committee of the Russian Federation. (2007–2014) *Proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob"ektivnoy istiny po ugovnomu delu"* [Draft of the Federal Law "On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of an institution for establishing objective truth in a criminal case"]. [Online] Available from: http://sledcom.ru/documents/Obsuzhdeniya_zakonoproektov/item/1136. (Accessed: 26th May 2016).
2. Baev, O.Ya., et al. (eds) (2012) *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal* [Forensic library. A Research Journal]. 4(5). pp. 5–287.
3. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa* [The Soviet criminal process]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Golovko, L.V. (2012) Teoreticheskie osnovy modernizatsii ucheniya o material'noy istine v ugovnom protsesse [Theoretical bases for modernisation of the doctrine of substantive truth in the criminal process]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 65–87.
5. Vladimirov, L.E. (2000) *Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh* [The doctrine of criminal evidence]. Tula: Avtograf.
6. Sluchevskiy, V.I. (1913) *Uchebnik russkogo ugovnogo protsesssa* [Russian criminal process]. 4th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
7. Borulenkova, Yu.P. (2012) Stremlenie k istine – vysshiy zakon pravosudiya [Striving for truth is the highest law of justice]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 40–49.
8. Rozin, N.N. (1914) *Ugovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings]. 2nd ed. S. Petersburg: Pravo.
9. Mezinov, D.A. (2013) Is it necessary to secure the notion "objective truth" in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(8). pp. 82–94. (In Russian).
10. Mezinov, D.A. (2012) Ob"ektivna li istina, ustanavlivaemaya v ugovnom protsesse? [Is the truth established in the criminal process objective?]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 177–191.
11. Budylin, S.L. (2014) Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostey? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom [moral certainty or balance of probabilities? Standards of proof in Russia and abroad]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*. 3. pp. 25–57.
12. Radchenko, V.I. (ed.) (2006) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Yurayt-Izdat.
13. Kukhta, A.A. (2007) K voprosu o standarte sudebnoy dostovernosti v vide "otsutstviya razumnykh somneniy" [On of the standard of judicial certainty in the form of "the absence of reasonable doubt"]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 4. pp. 18–20.
14. Filimonov, B.A. (1994) *Osnovy teorii dokazatel'stv v germanskom ugovnom protsesse* [The basis of the theory of evidence in the German criminal process]. Moscow: SPARK.
15. Smirnov, G.K. (2012) Vosstanovlenie v UPK RF ob"ektivnoy istiny kak tseli dokazyvaniya [Restoration of objective truth as a goal of proof in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugovnyy protsess*. 4. pp. 10–17.

УДК 34.047

DOI: 10.17223/22253513/23/6

Д.С. Миц

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ГАРМОНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ В ОБЛАСТИ ОТНЕСЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ И ЭКСТРЕМИСТСКИМ

В статье рассмотрен научно-прикладной, правоприменительный, законопроектный и судебный опыт, способствующий оптимизации нормативной правовой базы в сфере борьбы с экстремистскими и террористическими организациями, а также формированию конкретных организационно-правовых мер, направленных на снижение экстремистской и террористической активности. Сформулированный автором статьи организационно-правовой подход отнесения организаций к террористическим и экстремистским в перспективе позволит создать благоприятные условия для разрешения многих сложных вопросов, связанных с продуктивным межгосударственным взаимодействием, в частности касающихся организации экстрадиции, совместного проведения оперативных мероприятий отдельных государственных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму, в том числе в сфере их профилактики.

Ключевые слова: признание организаций, отнесение организаций, экстремистские организации, террористические организации, экстремизм, терроризм, СНГ, ОДКБ, антиэкстремистское законодательство, антитеррористическое законодательство.

В современных условиях на фоне объективно складывающихся на евразийском пространстве транснациональных связей и миграционных потоков принятые в государствах – участниках СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан) специальные законы о противодействии экстремизму и терроризму пока еще не в полной мере основываются на единых стандартах. В частности, в них имеются определенные несогласованности и иные нестыковки правового характера [1].

В рамках исследования были проанализированы следующие специальные законы: Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом» / Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом»; Закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом» (в Республике Армения отсутствует антиэкстремистский закон); Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» / Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом»; Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» / Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму»; Закон Кыргызской Республики от 17 августа 2005 г. № 150 «О противодействии экстремистской деятельности» / Закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 «О противодействии терроризму»; Закон Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV «О противодействии экстремистской деятельности» / Закон Республики

Молдова от 12 октября 2001 г. № 539-XV «О борьбе с терроризмом»; Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» / Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Закон Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69 «О борьбе с экстремизмом» / Закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 «О борьбе с терроризмом».

Таким образом, за исключением Армении, все государства – участники СНГ имеют специальные законы в области противодействия экстремизму. Специальные законы в области противодействия терроризму действуют во всех государствах – участниках СНГ. Следует отметить, что в Азербайджанской Республике в соответствии с действующим национальным законодательством антиэкстремистская деятельность осуществляется только в отношении проявлений религиозного экстремизма. Так, Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом» фактически констатирует, что Азербайджанской Республике угрожает единственный вид экстремизма – религиозный, т.е. данный закон оставляет без внимания другие виды экстремизма.

В то же время в указанном законе определены такие новые и заслуживающие внимания со стороны других государств – участников СНГ понятия, как «религиозный радикализм» и «религиозный фанатизм». При этом некая схожесть с азербайджанским подходом прослеживается в Законе Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV «О противодействии экстремистской деятельности», в котором в соответствии с определением «экстремизма» угрозы безопасности личности, обществу и государству несет только политический экстремизм.

Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом» в контексте юридической техники структурно дополняет Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом». Так, Закон Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом» предусматривает рассмотрение дел, связанных с террористической деятельностью, на закрытом судебном заседании. Указанное положение является новым правовым блоком, который ранее не был закреплен в других специальных законах государств – участников СНГ. Кроме того, в понятийном аппарате данного закона, в отличие от других национальных правовых актов, отражено такое актуальное определение, как «денежные средства или другое имущество».

В законах Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом» и Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом» сформулировано определение понятия «заложник», которое является новым для понятийных аппаратов других национальных правовых актов государств – участников СНГ.

В законах Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противодействии экстремизму» и от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом», Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» и от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму», Кыргызской Республики от 17 августа 2005 г. № 150 «О противодей-

ствии экстремистской деятельности», Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69 «О борьбе с экстремизмом» и от 16 ноября 1999 г. № 845 «О борьбе с терроризмом» сформулированы важные для учета в правопримени-тельной практике определения понятий «экстремистская группа», «государ-ственное реагирование», «экстремистские действия», «организация экстре-мистских действий», «идеология насилия», «экстремизм», «экстремистская деятельность», «терроризм», а также *порядок признания деятельности орга-низаций экстремистской и запрета такой деятельности* (что особенно важ-но для настоящего исследования), в том числе за организацию пропаганды и публичного демонстрирования различной атрибутики или символики, сход-ной с нацистской.

В законах Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противо-действии экстремизму» и от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с террориз-мом», Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. 31-III «О противодействии экстремизму» и от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии террориз-му», Республики Молдова от 12 октября 2001 г. № 539-XV «О борьбе с тер-роризмом», Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О проти-водействии экстремистской деятельности» и от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» конкретизировано содержание антиэкстремис-тской и антитеррористической деятельности.

При анализе отдельных специальных антиэкстремистских и антитеррори-стических законов государств – участников СНГ были *определены следую-щие пробелы и неточности*:

Отсутствие базовых определений:

- «экстремизм»: Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия;
- «терроризм»: Армения;
- «экстремистская деятельность»: Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Рос-сия;
- «террористическая деятельность»: Армения, Беларусь, Молдова, Рос-сия.

Отсутствие согласованных направлений государственной политики, т. н. концепции противодействия:

- «противодействие экстремизму»: Таджикистан;
- «противодействие терроризму»: Беларусь, Молдова, Таджикистан.

Вместе с тем в отдельных специальных антиэкстремистских и антитерро-ристических законах существуют следующие *новации, заслуживающие вни-мания при совершенствовании законодательства государств – участников СНГ*:

Новые понятия и определения:

- «религиозный радикализм», «религиозный фанатизм»: Азербайджан;
- «экстремистские действия», «организация экстремистских действий», «виды экстремизма», «идеология насилия»: Казахстан;
- «государственное реагирование»: Беларусь.

Подробное законодательное закрепление антиэкстремистской и анти-террористической деятельности, в том числе в сфере профилактики: Бела-русь, Молдова, Россия.

Обеспечение эффективного судопроизводства: Азербайджан, Беларусь.

Таким образом, проведенный анализ особенностей нормативного правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в государствах – участниках СНГ позволяет сделать следующие *основные выводы*:

1. Наряду с международными правовыми актами в сфере противодействия экстремизму и терроризму, на которых должно основываться соответствующее национальное законодательство государств – участников СНГ, при его совершенствовании следует учитывать особенности и имеющийся опыт нормативного правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в отдельных государствах – участниках СНГ.

2. Нормативное правовое регулирование противодействия экстремизму и терроризму в государствах – участниках СНГ включает в себя как специальные правовые нормы по противодействию экстремизму и терроризму, закрепленные в национальном законодательстве государств – участников СНГ, так и принимаемые в их развитие подзаконные нормативные правовые акты.

3. В ряде государств – участников СНГ на законодательном уровне определены роль и место государственной системы мер по противодействию экстремизму и терроризму.

4. Среди наиболее важных направлений учета особенностей нормативного правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму в государствах – участниках СНГ следует выделить более подробное законодательное регулирование компетенции и полномочий отдельных государственных органов в сфере противодействия экстремизму и терроризму, в том числе в сфере их профилактики.

Несмотря на многолетний опыт противодействия проявлениям терроризма и экстремизма, необходимость постоянных изменений и доработок антитеррористического и антиэкстремистского законодательства остро ощущается в мировом сообществе. Связано это прежде всего с тем, что террористические и экстремистские структуры выбирают все новые способы устрашения населения, все новые методы воздействия на сознание людей [2].

Поэтому, несмотря на то, что законодатели многих стран в целом достаточно активно реагируют на новые проявления терроризма и экстремизма, определяя основные направления противодействия им, современная ситуация требует постоянного обновления, совершенствования и корректировки действующего антитеррористического и антиэкстремистского законодательства с точки зрения устранения внутренних противоречий и пробелов, которые в нем имеются, с тем чтобы оперативно отвечать на вызовы террористических и экстремистских структур и защищать граждан от угроз терактов и различных действий экстремистского характера [3]. В указанном контексте стоит отметить, что немалая роль в этом процессе должна отводиться профилактической составляющей [4].

Таким образом, продолжающиеся доработки законодательных актов и дополнительных разъясняющих ненормативных актов по вопросам противодействия проявлениям терроризма и экстремизма свидетельствуют о том, что, несмотря на многолетний опыт борьбы с указанными явлениями, экстремистская и террористическая угрозы продолжают оставаться актуальными и осознаются мировым сообществом [5].

В государствах – участниках СНГ в последние годы прослеживается стремление к выработке единых правовых норм и оптимизации законов и подзаконных актов, направленных на противодействие терроризму и экстремизму. Унификация осуществляется для того, чтобы во всех странах были единые подходы к борьбе с терроризмом и к противодействию распространению экстремизма, единые нормы уголовного права, единые меры ответственности за соответствующие преступления. Цель унификации заключается и в том, чтобы преступник не мог найти возможности избежать наказания в другой стране [6].

В процессе гармонизации законодательства государств – участников СНГ по вопросам отнесения организаций к террористическим и экстремистским следует учитывать соответствующий правовой опыт государств, ведущих непосредственную борьбу с терроризмом и экстремизмом, так как пробелы в законодательстве дают возможность террористам и экстремистам избегать ответственности за совершение преступлений и беспрепятственно осуществлять террористическую и экстремистскую деятельность [7].

В настоящее время в Азербайджанской Республике действует Закон от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом», в соответствии с которым к религиозной экстремистской организации относится организация, созданная с целью осуществления религиозно-экстремистской деятельности либо осуществляющая такую деятельность для достижения своих целей. Если одно из структурных подразделений организации занимается экстремистской деятельностью с согласия любого руководящего органа организации, то такая организация считается религиозно-экстремистской. Также в ст. 14 (запрет религиозно-экстремистских организаций) рассматриваемого закона под такими организациями понимаются юридические лица, занимающиеся религиозно-экстремистской деятельностью.

Кроме того, в Законе Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом» указывается, что «террористическая организация – это организация, создаваемая в целях осуществления террористической деятельности или считающая возможным использование терроризма в своей деятельности. Если одно из структурных подразделений с согласия какого-либо руководящего органа организации занято террористической деятельностью, то такая организация считается террористической.

Следует отметить, что положения Закона Азербайджанской Республики от 18 июня 1999 г. № 687-IQ «О борьбе с терроризмом» в контексте юридической техники структурно дополняют положения Закона Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом».

В настоящее время в армянском законодательстве отсутствуют понятия «экстремистская организация» и «террористическая организация». Однако на основании ст. 21 Закона Республики Армения от 24 декабря 2002 г. № 3P-268 «Об общественных организациях» государственный уполномоченный орган может обратиться в суд с требованием ликвидировать организацию, если ее деятельность направлена на насильственное свержение конституционного строя Республики Армения, разжигание национальной, расовой и религиозной ненависти, пропаганду насилия и войны.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противодействии экстремизму» экстремистская организация – это организация, осуществляющая экстремистскую деятельность, либо признающая возможность осуществления экстремистской деятельности в профессиональной сфере, либо должностное лицо которой финансирует экстремистскую деятельность с использованием своих служебных полномочий за счет средств этой организации, в отношении которой принято и вступило в законную силу решение Верховного Суда Республики Беларусь о признании ее экстремистской.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом» террористическая организация – это организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности, либо признающая возможность осуществления в профессиональной сфере террористической деятельности, либо если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома ее руководителя (хотя бы одного из должностных лиц ее руководящего органа). Организация признается террористической на основании принятого и вступившего в законную силу решения Верховного Суда Республики Беларусь.

Кроме того, в Положениях о порядке определения перечня лиц, участвующих в террористическую деятельности, причастных к распространению оружия массового поражения либо находящихся под контролем таких лиц, обжалования решения о включении лиц в такой перечень и рассмотрения иных обращений этих лиц, доведения этого перечня до сведения лиц, осуществляющих финансовые операции, и органов финансового мониторинга, утвержденных Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. № 1256, предусмотрены основания для включения в перечень, а также исключения из перечня организаций, физических лиц, индивидуальных предпринимателей.

В Казахстане, Киргизии, Молдове и Таджикистане отнесение организаций к экстремистским, в отличие от отнесения к террористическим организациям, может осуществляться только в судебном порядке.

Так, в соответствии с Законом Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» экстремистская организация – это юридическое лицо, объединение физических и (или) юридических лиц, осуществляющие экстремизм и признанные судом экстремистскими.

В соответствии с положениями Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму» террористическая организация – это организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома одного из руководящих органов данной организации.

Следует отметить, что рассматриваемые положения Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом» и Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-I «О противодействии терроризму» более конкретизированы законодателем, чем положения Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противодействии экстре-

мизму» и Закона Республики Казахстан от 18 февраля 2005 г. № 31-III «О противодействии экстремизму» в связи с тяжестью современных террористических угроз.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики от 17 августа 2005 г. № 150 «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистские организации – это общественные объединения или религиозные организации либо иные организации, в отношении которых по основаниям, предусмотренным данным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В соответствии с положениями Закона Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178 «О противодействии терроризму» террористическая организация – это любая группа террористов, которая:

- совершает или пытается совершить любыми средствами, прямо или косвенно, незаконно и преднамеренно, террористические акты;
- участвует как сообщник в террористических актах;
- организует или направляет других физических и (или) юридических лиц на совершение террористических актов;
- содействует совершению террористических актов группой физических лиц, действующих с общей целью, когда содействие осуществляется сознательно и с целью оказания помощи в совершении террористического акта или осознанием намерения этой группы совершить террористический акт;
- создана или создается для совершения террористической деятельности либо прямо или косвенно находится в собственности или под контролем террориста или террористов, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию террориста или террористов.

Полагаем, что в связи с отсутствием четкого терминологического аппарата данные определения требуют дополнительной доработки с учетом новаций модельного законодательства. К схожим с положениями модельного законодательства в рассматриваемой сфере относятся положения специальных законов Республики Молдова, Республики Таджикистан и Российской Федерации.

В соответствии с Законом Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение, средство массовой информации либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным данным законом, судебной инстанцией вынесено вступившее в законную силу решение о прекращении или приостановлении деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В соответствии с положениями Закона Республики Молдова от 12 октября 2001 г. № 539-XV «О борьбе с терроризмом» террористическая организация – это организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность.

Следует отметить, что Законом Республики Молдова от 21 февраля 2003 г. № 54-XV «О противодействии экстремистской деятельности» определено ведение реестра экстремистских материалов. В то же время молдавским законодательством не предусмотрено введение реестра (списка) экстремистских и террористических организаций.

В соответствии с положениями Закона Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69 «О борьбе с экстремизмом» экстремистская организация – это общественное объединение, религиозная либо иная некоммерческая организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В Законе Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845 «О борьбе с терроризмом» определено, что террористическая организация – это организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация считается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации.

На территории Российской Федерации ведутся списки экстремистских и террористических организаций, также законодательно определен и закреплён правовой механизм формирования соответствующих перечней. Однако в настоящее время определение понятия террористической организации в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» отсутствует.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В соответствии с положениями модельного закона от 14 мая 2009 г. № 32-9 «О противодействии экстремизму» и модельного закона от 3 декабря 2009 г. № 33-18 «О противодействии терроризму» террористическая организация – это устойчивое объединение физических лиц, созданное в целях осуществления террористической деятельности и (или) признающее возможность использования в своей деятельности терроризма. Признаками террористической организации являются: специализация участников по выполняемым функциям, наличие, как правило, уставных и программных документов. Организация признается террористической в установленном законодательством государства порядке, а также в том случае, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации (ст. 3). В свою очередь, экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете дея-

тельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 1). Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Кроме общественных и религиозных объединений экстремистскими могут быть и иные организации, как коммерческие, ставящие целью своей деятельности извлечение прибыли, так и некоммерческие, которые такой цели не имеют и не распределяют полученную прибыль между участниками.

При этом основным критерием отнесения той или иной организации к террористической и экстремистской является наличие вступившего в силу решения суда о запрете деятельности или ликвидации такой организации в связи с осуществлением ею террористической или экстремистской деятельности.

Анализ судебной и правоприменительной практик позволил выработать актуальный перечень критериев, определяющих ту или иную организацию экстремистской или террористической. К числу таких организаций относятся:

1. Организация, цели или действия которой направлены:

а) на пропаганду терроризма или экстремизма. Пропаганда терроризма и экстремизма – выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической или экстремистской деятельности;

б) оправдание терроризма. Оправдание терроризма выражается в заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании;

в) поддержку терроризма или экстремизма. Поддержка терроризма или экстремизма может выражаться в любых формах – финансировании, информационной поддержке, предоставлении материально-технической базы для экстремистов или террористов, а также в обучении террористов.

2. Организация, цели или действия которой направлены на совершение преступлений террористической или экстремистской (в том числе по мотивам вражды и ненависти) деятельности.

При признании организации террористической или экстремистской, как правило, учитываются три критерия:

1) проведение деятельности, направленной на изменение конституционного строя государства насильственным, вооруженным способом, в том числе с использованием террористических методов;

2) связь с незаконными вооруженными формированиями или экстремистскими структурами;

3) принадлежность к организациям, признанным международным сообществом террористическими, или связь с ними.

Указанные критерии устанавливаются следующим образом.

О признании организации террористической и запрете ее деятельности на территории государства:

1. Уровень активности и организованности структуры (в том числе факты создания террористического сообщества, т.е. устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений террористической направленности, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями). При этом одно из подразделений организации может находиться за рубежом.

2. Террористические методы, цели и формы действия организации.

3. Определение практики деятельности организации в соответствии с перечнем террористических деяний специального закона в сфере противодействия терроризму.

4. Террористическая направленность идеологической основы деятельности организации.

5. Факты, подтверждающие распространение организацией террористических идей в сети Интернет.

6. Активное взаимодействие организации с иными террористическими структурами.

7. Факты планирования организацией террористических актов, а также участия ее членов в совершении преступлений террористической направленности.

О признании организации экстремистской и запрете ее деятельности на территории государства:

1. Уровень структурированности организации (четкая организованная структура / автономные структурные подразделения организации).

2. Направленность основной (или конечной) цели (реализация поставленных задач) организации на осуществление экстремистской деятельности. При этом указанная деятельность сопряжена с посягательством на причинение вреда:

– правам и свободе человека и гражданина и (или) личности;

– общественному порядку и (или) общественной безопасности государства.

3. Определение практики деятельности организации в соответствии с перечнем экстремистских деяний специального закона в сфере противодействия экстремизму.

4. Организационные особенности рассматриваемой структуры (конспиративность и (или) отсутствие регистрации). Наличие фактов осуществления незарегистрированной деятельности организации.

5. Распространение организацией информации, входящей в перечень экстремистских материалов, либо наличие фактов, подтверждающих распространение экстремистских идей в сети Интернет.

6. Запрет на осуществление экстремистской деятельности в других странах мира или включение в список запрещенных структур международных организаций.

7. Опыт взаимодействия (поддержания связи) организации с радикальными и противоправными структурами за рубежом [8].

Приостановление деятельности на основе указанных критериев применяется в отношении всех общественных объединений, вне зависимости от того, прошли они государственную регистрацию создания или нет. При этом приостановление деятельности общественного объединения может быть одной из мер реагирования на выявленные в результате контроля нарушения законодательства со стороны центрального аппарата или территориального органа юстиции.

Следует отметить, что отнесение организаций к террористическим и экстремистским согласно правовым документам концептуального характера, принятым в Российской Федерации и ряде других государств – участников СНГ, является одним из направлений по пресечению противоправной деятельности вышеуказанных организаций.

Предложения по совершенствованию системы отнесения организаций к террористическим и экстремистским. Полагаем целесообразным внести в национальное законодательство государств – участников СНГ следующие положения:

1. Включить в отдельные национальные законы в сфере противодействия терроризму и экстремизму перечни деяний, определяющих террористическую или экстремистскую деятельность.

2. Для предотвращения возможного посещения объектов, находящихся в особом режиме безопасности, ввести дополнительные запреты в отношении пособников и иных лиц, сочувствующих экстремистским или террористическим организациям. В частности, ввести требования для отказа осуществления деятельности организаций в качестве общественных, религиозных, а также в особом режиме безопасности функционирования объектов структур в закрытых административно-территориальных образованиях в связи с оказанием содействия террористической (экстремистской) деятельности.

3. В условиях возможного злоупотребления свободой массовой информации целесообразно запретить распространение материалов об организациях, включенных в опубликованные перечни общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным специальными законами в области противодействия терроризму и экстремизму.

4. Внедрить в систему национального законодательства меры по противодействию деятельности организаций, которые признаны террористическими и экстремистскими в соответствии с международными правовыми актами и действующим законодательством.

Для реализации указанных предложений необходима согласованная правовая оценка государствами – участниками СНГ современного модельного законодательства на предмет перспективы внедрения его положений в национальное законодательство. Данная оценка будет способствовать сближению и совершенствованию действующих правовых систем, в том числе в отношении порядка признания организаций террористическими и экстремистскими, в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства. А главное – позволит разработчикам МПА СНГ в своих проектах доку-

ментов более детально оперировать современной юридической техникой и юридическим анализом, включая вопросы противодействия терроризму и иным формам экстремизма [9].

Пока же действующее в отдельных государствах – участниках СНГ анти-экстремистское и антитеррористическое законодательство не позволяет в полной мере четко разграничивать понятия «экстремизм» и «терроризм», «экстремистская организация» и «террористическая организация» [10].

При этом законодатели государств – участников СНГ руководствуются разными критериями, определяя отнесение организации к экстремистской или террористической. Как правило, организация признается экстремистской или террористической, если она осуществляет экстремистскую (террористическую) деятельность, предусмотренную конкретными статьями национального уголовного кодекса [11].

Вместе с тем в силу различной степени общественной опасности административно-правовые, гражданско-правовые и уголовно-правовые последствия признания организации экстремистской должны коренным образом отличаться от последствий признания организации террористической [12].

Наряду с наказуемостью и иными уголовно-правовыми последствиями, это различие должно также присутствовать и в более отдаленных по времени правовых последствиях в виде наложения ограничений в отношении поступления на государственную и муниципальную службу, военную службу по контракту, службу в правоохранительных органах, работу в образовательных учреждениях и т.д. [13].

Уголовно-правовые санкции в случае признания организации террористической, исходя из ее большей общественной опасности, должны быть более жесткими в сравнении с мерами воздействия в отношении экстремистской организации [14].

Таким образом, формирование правовой основы противодействия терроризму и экстремизму в государствах – участниках СНГ не приобрело еще того комплексного и разностороннего характера, как это имеет место в большинстве других стран [15].

Законодатели государств – участников СНГ зачастую не успевают адекватно и быстро реагировать на изменение форм и методов террористической и экстремистской деятельности, вовремя учитывать рост уровня оснащенности террористов и экстремистов в идеологическом и техническом отношении, их высокую способность к моментальной реорганизации и адаптации к изменившимся условиям правового воздействия на них [16].

Системное правовое регулирование противодействия терроризму и экстремизму в государствах – участниках СНГ может быть обеспечено лишь путем регулярного обновления антитеррористического и антиэкстремистского законодательства (в первую очередь таких отраслей, как социальное, административное, уголовное и уголовно-процессуальное право) [17].

Законодатели различных стран стремятся к оптимизации законодательства с тем, чтобы обеспечить выработку единообразного использования нормативных правовых актов и понятийного аппарата противодействия проявлени-

ям терроризма и экстремизма, а также в целях устранения противоречий и проблем права.

Законодатели государств – участников СНГ учитывают соответствующие модельные законы и рекомендации в интересах совершенствования действующего национального законодательства. При этом МПА СНГ активно оказывает им содействие в организации такого совершенствования, а также в унификации и гармонизации, т.е. сближении национального законодательства. Существуют различные методы такого сближения, применяемые разработчиками МПА СНГ.

Однако национальные законодатели оставляют за собой право полностью не следовать рекомендованной правовой модели, которая может сдерживать законодательную инициативу и самостоятельность государств, поднимать вопрос об их национальном суверенитете [18].

МПА СНГ прорабатывает указанные вопросы, изыскивает оптимальные механизмы имплементации юридических новаций и положений международных правовых актов в национальные правовые системы. Так, актуальным для МПА СНГ остается изучение опыта правового мониторинга, результаты которого обобщаются и внедряются через задействованных национальных парламентариев и экспертов, в том числе по вопросам обеспечения безопасности государства и защиты его конституционного строя [19].

Вместе с тем согласно правовым документам, принятым в Российской Федерации и ряде других стран Содружества, осуществление организационно-правовых и иных мер, имеющих целью установление и прекращение деятельности террористических и экстремистских организаций, является одним из наиболее значимых направлений деятельности по профилактике терроризма и экстремизма.

Целесообразно определить общие для стран Содружества организационно-правовые основы отнесения организаций к террористическим и экстремистским, раскрытые, как правило, в подзаконных актах государств – участников СНГ, в том числе:

- подходы к квалификационным признакам террористических и экстремистских организаций;
- механизмы возможного перевода организаций из экстремистских в террористические (при условии, когда законодательно терроризм является формой экстремизма);
- подходы к содержанию организационно-правовых мер в отношении террористических и экстремистских организаций.

Литература

1. Бартасюк А.А., Концевик К.В. К вопросу о регулировании системы противодействия терроризму и экстремизму: анализ зарубежного опыта // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4, № 4. С. 548–557.
2. Верховский А. Противодействие «религиозному экстремизму»: российское государство в поисках ответов на вызовы десекуляризации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 134–158.
3. Востриков П.П., Петрянин А.В. Концептуальные особенности государственной политики противодействия экстремизму: теоретико-правовые аспекты // Власть. 2014. № 3. С. 101–106.

4. *Петрищев В.Е.* Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАСАНД, 2013. 462 с.
5. *Тамеев Р.С., Бурковская В.А.* Россия и Европа: анализ законодательства, направленного на предупреждение экстремизма и терроризма. М., 2008. 68 с.
6. *Толстых В.Л.* Вопросы процесса в решениях международных судов в первой декаде XXI века // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 111–123.
7. *Гуреева Э.Г.* Правовые вопросы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с международным терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 188 с.
8. *Сокол В.Ю., Шмыгун А.Н., Останин В.В.* Террористические организации: понятие, структура, особенности выявления: учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2007.
9. *Сравнительное правоведение: национальные правовые системы.* Т. 1: Правовые системы Восточной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Юридическая фирма «Контракт», 2012. 767 с.
10. *Голубых Н.В., Леготин М.П.* О сущности понятия «экстремизм» // Адвокат. 2013. № 6. С. 60–63.
11. *Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г.* Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 244 с.
12. *Петрищев В.Е.* Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
13. *Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 19–24.
14. *Горбунов Ю.С.* Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М.: Молодая гвардия, 2008. 460 с.
15. *Каширкина А.А.* Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 75–84.
16. *Сергеева А.В.* Зарубежный опыт расследования преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 4 (16). С. 77–80.
17. *Кориунова О.Н.* Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 323 с.
18. *Сравнительный анализ конституций государств – участников СНГ* / отв. ред. В.Г. Вишняков. М.: Изд. дом «Городец», 2006. 208 с.
19. *Шахов М.О.* Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Изд-во РАГС, 2008. 108 с.

Mits Denis S. Advisory Board of the Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty, Joint Commission of the IPA CIS on the harmonization of legislation in the sphere of security and counteraction against new challenges and threats (St. Petersburg, Russian Federation)

SOME ISSUES OF IMPROVEMENT AND HARMONIZATION OF THE NATIONAL LEGISLATION OF THE STATES – PARTICIPANTS CIS IN THE FIELD OF CLASSIFICATION OF ORGANIZATIONS FOR TERRORIST AND EXTREMIST

Keywords: recognition of organizations, classification of organizations, extremist organization, terrorist organization, extremism, terrorism, CIS, CSTO, anti-extremist legislation, anti-terrorism legislation.

The subject is normative legal regulation in the field of classification of organizations for terrorist and extremist in the States – participants of CIS. The aim is to improve and harmonize the legal and regulatory framework of the States – participants CIS in the field of classification of organizations for terrorist and extremist. The article considers scientific and applied, law enforcement, legislative and judicial experience, promote optimization of regulatory legal base in the sphere of fight against extremist and terrorist organizations and making specific organizational and legal measures aimed at reducing extremist and terrorist activity. Methodology (method): used the basic provisions of the theory of knowledge, based on dialectical methodology, as well as theoretical (comparison, analysis and synthesis, analogy) and empirical (the study and generalization of practical experience and review of the literature) research methods. Also to achieve the purpose of the study and the tasks used dialectical, formal legal, comparative legal, specific methods of scientific research. Formulated by the author, the legal approach is the as-

signment of organizations to the terrorist and extremist in the future will allow to create favorable conditions for resolving the many complex issues related to productive inter-state interaction, in particular concerning the organization of extradition, joint operations of state bodies in combating extremism and terrorism, including in the field of prevention.

References

1. Bartasyuk, A.A. & Koncevik, K.V. (2013) K voprosu o regulirovanii sistemy protivodeystviya terrorizmu i ekstremizmu: analiz zarubezhnogo opyta [On regulating the system of countering terrorism and extremism: The analysis of foreign experience]. *Uchenye zametki TOGU – Scientific Notes PNU*. 4(4). pp. 548–557.
2. Verkhovskiy, A. (2013) Counteracting „Religious Extremism“: the Russian State in Search for Responses to the Challenges of Desecularisation. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2(31). pp. 134–158. (In Russian).
3. Vostrikov, P.P. & Petryanin, A.V. (2014) Kontseptual'nye osobennosti gosudarstvennoy politiki protivodeystviya ekstremizmu: teoretiko-pravovye aspekty [Conceptual features of the state policy of counteraction to extremism: Theoretical and legal aspects]. *Vlast' – Power*. 3. pp. 101–106.
4. Petrishchev, V.E. (2013) *Chto takoe terrorizm, ili Vvedenie v terrorologiyu* [What is terrorism, or Introduction to Terrorism Studies]. Moscow: KRASAND.
5. Tamaev, R.S. & Burkovskaya, V.A. (2008) *Rossiya i Evropa: analiz zakonodatel'stva, napravlenno na preduprezhdenie ekstremizma i terrorizma* [Russia and Europe: The analysis of legislation aimed at preventing extremism and terrorism]. Moscow: Izvestiya.
6. Tolstykh, V.L. (2011) Voprosy protsessa v resheniyakh mezhdunarodnykh sudov v pervoy dekadke XXI veka [The process in decisions of international courts in the early 21st century]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3. pp. 111–123.
7. Gureeva, E.G. (2004) *Pravovye voprosy sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom* [Legal issues of cooperation of the CIS member states in the fight against international terrorism]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Sokol, V.Yu., Shmygun, A.N. & Ostalin, V.V. (2007) *Terroristicheskie organizatsii: ponyatie, struktura, osobennosti vyyavleniya* [Terrorist organizations: Concept, structure, features of detection]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
9. Lafitskiy, V.I. (ed.) (2012) *Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy* [Comparative law: National legal systems]. Vol. 1. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law at the Government of the Russian Federation.
10. Golubykh, N.V. & Legotin, M.P. (2013) O sushchnosti ponyatiya „ekstremizm“ [On the essence of the concept of “extremism”]. *Advokat*. 6. pp. 60–63.
11. Dolgova, A.I., Guskov, A.Ya. & Chuganov, E.G. (2010) *Problemy pravovogo regulirovaniya bor'by s ekstremizmom i pravoprimeritel'noy praktiki* [Problems of legal regulation of the fight against extremism and law enforcement practice]. Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.
12. Petrishchev, V.E. (2001) *Zametki o terrorizme* [Notes on terrorism]. Moscow: Editorial URSS.
13. Istomin, A.F. & Lopatkin, D.A. (2005) K voprosu ob ekstremizme [On extremism]. *Sovremennoe pravo*. 7. pp. 19–24.
14. Gorbunov, Yu.S. (2008) *Terrorizm i pravovoe regulirovanie protivodeystviya emu* [Terrorism and the legal regulation of counteraction to it]. Moscow: Molodaya gvardiya.
15. Kashirkina, A.A. (2007) Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo gosudarstv v bor'be s ekstremizmom [International legal cooperation of states in the fight against extremism]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 12. pp. 75–84.
16. Sergeeva, A.V. (2010) Zarubezhnyy opyt rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti [Foreign experience of investigatiing extremist crimes]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 4(16). pp. 77–80.

17. Korshunova, O.N. (2006) *Prestupleniya ekstremistskogo kharaktera: teoriya i praktika protivodeystviya* [Crimes of an extremist nature: Theory and practice of counteraction]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
18. Vishnyakov, V.G. (2006) *Sravnitel'nyy analiz konstitutsiy gosudarstv – uchastnikov SNG* [Comparative analysis of the constitutions of the CIS member states]. Moscow: Gorodets.
19. Shakhov, M.O. (2008) *Konstitutsionno-pravovye osnovy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal bases of state-confessional relations in the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: RAGS.

УДК 342.9

DOI: 10.17223/22253513/23/7

А.Г. Репьев, Е.В. Полежайкина

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН
ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТАБАЧНОГО И НЕ ТАБАЧНОГО ДЫМА:
ОБЩЕПРАВОВОЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются общетеоретические и административно-правовые аспекты: обеспечения права граждан на благоприятную окружающую среду, защиты здоровья от воздействия окружающего табачного и не табачного дыма. Проанализировав международный опыт, данные о работе органов внутренних дел Алтайского края, авторы приходят к выводу о необходимости дополнения законодательства, регламентирующего данную сферу, положениями, предусматривающими ответственность за курение не табачных смесей в общественных местах.

Ключевые слова: охрана здоровья граждан, курение, кальян, запрет, общественный порядок, правонарушение.

Более 3 лет на территории Российской Федерации действует Федеральный закон № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [1] (далее – Закон № 15-ФЗ). Нормативный акт в совокупности с Рамочной конвенцией Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака [2] регулирует отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма. Столь обсуждаемый, до его принятия, «антитабачный закон», казалось бы, охватывает все сферы, связанные с курением в общественных местах. Сегодня мы все реже видим «курильщиков» сигарет в кафе, барах, поездах дальнего следования. Вместе с тем изменяются способы курения. К примеру, все большую популярность среди молодежи приобретает кальян.

Под кальяном понимается устройство для курения, состоящее из соединенных между собой емкости для табака, сосуда с жидкостью для фильтрации дыма и одного или нескольких мундштуков [3].

Особое беспокойство правоохранительных органов вызывает проведение досуга групп граждан за курением кальяна в общественных местах. Присуще это, как правило, теплоте времени года. В последнее время к пагубной привычке пристрастились и несовершеннолетние. Причем данные деяния носят не только административно-правовой, но зачастую и латентный уголовно-правовой характер. Так, по итогам 8 месяцев 2016 г. органами внутренних дел Алтайского края задокументировано 13 фактов вовлечения несовершеннолетних в процесс потребления табака (ч. 1 ст. 6.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [4] (далее – КоАП РФ), при этом дважды эти деяния были совершены родителями (ч. 2 ст. 6.23 КоАП РФ), 186 деликтов по вовлечению несовершеннолетних в употребление алко-

гольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ, одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ). Увеличилось количество подростков, поставленных на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, за употребление одурманивающих веществ. По состоянию на 1 октября 2016 г. органы внутренних дел осуществляют индивидуально-профилактическую работу с 24 такими несовершеннолетними. Взрослыми лицами за истекший период совершено 10 общественно опасных деяний по вовлечению несовершеннолетних в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 151 Уголовного кодекса Российской Федерации) [5], что на 25% выше показателя за аналогичный период предыдущего года.

Как правило, потребление кальяна подпадает под запрет курения табачных изделий, установленный законом № 15-ФЗ, и органы полиции активно применяют меры профилактического характера по предупреждению этого общественно вредного деяния. За 8 месяцев 2016 г. сотрудниками органов внутренних дел Алтайского края составлено 5 343 протокола за нарушение установленного запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах (ст. 6.24 КоАП РФ), из них 8 – за те же деяния, совершенные на детских площадках. Однако курение не табачных смесей данным нормативным правовым актом не охватывается.

Следует заметить, что кальян появился для применения в несколько иных целях. Точных сведений о том, где и кем он был изобретен, нет. Подобные устройства для курения делали из камня, дерева, глины. Отличие кальяна от прочих аналогов – в фильтрации через жидкость. Принято считать, что исторически развитие кальяна началось с процесса колонизации англичанами Америки, после чего он был завезен в Индию. Изначально индийские лекари использовали кальян как обезболивающее. Затем кальян начали курить не во время болезней и операций, а в повседневной жизни для получения удовольствия. Он стал главным атрибутом переговоров в странах Востока, так как расслаблял тело и разум. В арабских странах сегодня его называют шиша, в Румынии – лула, в Узбекистане – чиллим.

Сегодня в кафе, барах, ночных клубах помимо потребления сигарет запрещено курение кальяна. Но и здесь владельцы развлекательных заведений нашли выход из ситуации. Под запрет, установленный Законом № 15-ФЗ, подпадает только использование табачных смесей с никотином. Специально для кальяна стали использовать табак, который не содержит никотина. Однако медицинские справочники уверяют, что табака без никотина не существует. От сгорания фруктовых добавок в таких не табачных смесях образуется большее количество смол и ароматических углеводородов, ацетальдегида, чем в дыме от табака. Увлажненный дым с токсинами глубже попадает в лёгкие, провоцирует онкологические, сердечно-сосудистые и легочные заболевания. Следовательно, негативное воздействие дыма несколько не меньше, а значит, абсолютно безопасным с медицинской точки зрения курение безникотинового кальяна признать нельзя.

Министерство здравоохранения Российской Федерации последовательно придерживается позиции, что в общественных местах необходимо запретить курение всех видов кальяна, в том числе и на основе безникотиновых смесей.

Курение не табачных и фруктовых смесей, которые при доскональном лабораторном экспертном исследовании нередко оказываются наркотическими средствами, в увеселительных заведениях сегодня распространилось повсеместно. Статистические данные показывают, что за 9 месяцев 2016 г. на территории Алтайского края 151 лицо совершило преступление, находясь при этом в состоянии наркотического возбуждения или под действием психотропных веществ, 6 из них – несовершеннолетние. Подобные цифры не только шокируют, но и позволяют достаточно аргументированно предположить, что потребление различного рода новых одурманивающих безникотиновых веществ – потенциально опасно, осложняет криминогенную обстановку в регионе, детерминирует совершение преступлений и, безусловно, подрывает здоровье населения.

Вернувшись к проблеме, можно заметить, что молодые люди, использующие кальян на улице, вряд ли курят безопасный табак без никотина. Даже без учета вредного воздействия табака курение кальяна имеет ярко выраженную антиобщественную направленность, поскольку:

во-первых, данное деяние совершается городской молодежью в общественных местах в вечернее и ночное время, сопровождается нарушением общественного порядка, тишины и покоя граждан [6];

во-вторых, зачастую ему сопутствует ряд иных правонарушений, таких как мелкое хулиганство, потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных или одурманивающих веществ. По данным органов внутренних дел Алтайского края, в ходе рейдовых и профилактических мероприятий в жилом секторе в течение 8 месяцев 2016 г. сотрудниками полиции у граждан изъято свыше 554 кг наркотических средств;

в-третьих, вызывает беспокойство граждан и способствует возрастанию межэтнической напряженности населения ввиду несоответствия подобных элементов восточной культуры общепринятой национальной культуре проведения досуга.

Исходя из вышесказанного, необходимо обратить на данную проблему особое внимание и предпринять соответствующие профилактические меры на федеральном уровне.

В подобной ситуации законотворческим органам Российской Федерации мог бы быть полезен опыт решения аналогичных проблем другими государствами. К примеру, в Республике Казахстан действует постановление Главного государственного санитарного врача Министерства здравоохранения Республики Казахстан от 14 марта 2013 г. № 6 «О введении запрета на курение кальяна в общественных местах» [7] (далее – постановление). Оно было инициировано по результатам санитарно-эпидемиологической экспертизы курительных трубок, кальянных жидкостей и их емкостей, исходной курительной смеси, исследованных на объектах общественного питания и других мест курения кальяна на территории республики. В курительных смесях ус-

тановлено наличие кишечной и синегнойной палочек, золотистого стафилококка, дрожжей, грибов в смывах, высокое содержание токсических элементов, что подтверждает их потенциальную опасность для здоровья человека.

Как видим, в отдельно взятом вопросе качество, оперативность принятия нормативных правовых актов в некоторых странах Содружества Независимых Государств – не в пример выше отечественного. Законодательство Республики Казахстан оказалось более гибким к проблемам социума. Объясняется выдвинутый тезис тем, что если какая-либо сфера общественных отношений не урегулирована законом Республики Казахстан, органы государственной власти успешно используют такие формы права, как подзаконные акты. В данном случае установление запретов на курение кальяна в общественных местах путем утверждения постановления Главного государственного санитарного врача позволило своевременно отреагировать на новый вызов здоровью и нравственности республики.

Положительным в рассматриваемом постановлении будет и то, что перечень объектов, на которые распространяется запрет потребления кальяна, строго очерчен. К сожалению, в российских источниках права подобный подход не всегда прослеживается. Речь в данном случае идет об общественных местах, где запрещено появление в состоянии алкогольного опьянения. В частности, постановление содержит запрет на курение кальяна:

- 1) в пунктах общественного питания;
- 2) кинотеатрах, театрах, цирках, концертных, смотровых и выставочных залах, на спортивных аренах и в других крытых сооружениях, предназначенных для массового отдыха, в том числе в ночных клубах, на дискотеках;
- 3) музеях, библиотеках и лекториях;
- 4) неустановленных местах в поездах местного и дальнего сообщения, на судах воздушного, морского и речного транспорта, а также в салонах городских, междугородних автобусов, маршрутных такси и городского электротранспорта;
- 5) зданиях аэропортов, железнодорожных, автомобильных и водных вокзалов;
- 6) государственных органах и организациях;
- 7) помещениях, являющихся рабочими местами;
- 8) подъездах домов.

Говоря о положительных примерах урегулирования данных отношений, можно привести в пример Объединенные Арабские Эмираты. Кальян в этом государстве можно курить лишь в заведениях, имеющих на эту деятельность лицензию, и в специально оборудованных для этого местах. Курить его категорически запрещено в образовательных учреждениях, интернет-кафе, салонах парикмахерских, торгово-развлекательных центрах. Законодатель за нарушение данного положения предусмотрел не только штраф, но и тюремное заключение.

Страны Европы также активно применяют меры, направленные на ограничение публичного курения кальяна. В частности, не так давно Турцияполнила список стран, где в общественных местах курение кальяна запрещено. Местные жители не имеют права курить кальян в ресторанах, клубах, ба-

рах, однако если вблизи заведения есть столики на открытой местности, то на колбе самого кальяна должна быть размещена наклейка, сообщающая о вреде курения, как на пачках сигарет. В Германии в 2008 г. был принят закон, который запрещает табакокурение и курение кальяна в общественных местах. Нарушение этого нормативного правового акта наказывается штрафом в размере до тысячи долларов. Курить разрешается лишь в специально оборудованных кабинках, которые оснащены системой очистки воздуха. Во Франции разрешается курение лишь в кальянных, имеющих для этого специальную зону. Ее площадь должна составлять не менее 1/5 от общей.

Учитывая международный опыт, полагаем, что изменения должны коснуться Закона № 15-ФЗ. Само название федерального закона следует изменить и интерпретировать как «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного и не табачного дыма и последствий потребления табака и не табачной смеси». В ч. 1 ст. 2 наряду с понятием «курение табака» необходимо внести определение «курение кальяна». К примеру, *вдыхание дыма любой смеси, табачной и не табачной*, а также закрепить понятие «не табачная смесь», т.е. *вид курительного изделия, предназначенного для курения с использованием кальяна или иного устройства и состоящего из таких элементов, как сахарный или кукурузный сироп, мед, свекольная мякоть, кукурузные волокна, ароматизаторы, вкусовые добавки или иное*. Изменения должны коснуться и ст. 23 «Ответственность за нарушение настоящего Федерального закона», которая устанавливала бы дисциплинарную, гражданско-правовую, административную ответственность за нарушение законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего не табачного дыма и последствий потребления не табачной смеси.

После обновления федерального закона следует изменить ст. 6.24 и 6.25 КоАП РФ. В частности, в ст. 6.24 КоАП РФ необходимо включить *запрет на курение не табачной смеси на отдельных территориях, установленных федеральным законом № 15-ФЗ*. В ч. 2 ст. 6.25 КоАП РФ внести следующее изменение: «Несоблюдение требований к выделению и оснащению специальных мест на открытом воздухе для курения табака и не табачных смесей либо выделению и оборудованию изолированных помещений для курения табака и не табачных смесей». Благодаря этому нововведению владельцам кафе, ресторанов, в которых предоставляются услуги курения кальяна с использованием табачной и не табачной смеси, необходимо будет, например, соблюдать требования по выделению и оснащению специальных мест на открытом воздухе или оборудованию изолированных помещений для такого курения.

Безусловно, одними мерами законодательного характера данную проблему не решить. Необходима планомерная, широкомасштабная работа всех субъектов системы профилактики [8]. В этих целях органам и учреждениям здравоохранения, образования, педагогическому составу учебных заведений, участковым уполномоченным полиции, инспекторам по делам несовершеннолетних необходимо совместно:

- активизировать пропаганду правовых и иных знаний среди обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского состава по формированию законопослушного и нравственного поведения, культуры в общественных местах;

- оказывать организационно-методическую и практическую помощь членам молодежных общественных организаций правоохранительной направленности, волонтерским движениям, ведущим работу по привитию населению здорового образа жизни;
- проводить работу по выявлению лиц, распространяющих среди молодежи новые, потенциально опасные курительные смеси, установлению их связей, мест сбора;
- выявлять места возможного сбыта, приобретения и потребления наркотических средств, психотропных и потенциально опасных психоактивных веществ в учебном заведении и на прилегающей территории;
- организовывать и проводить профилактические рейды, операции и другие профилактические мероприятия, направленные на выявление вышеуказанных лиц, а также тех несовершеннолетних, которые находятся в социально опасном положении для оказания им помощи.

Для успешной реализации всего вышеобозначенного субъекты профилактики могут использовать следующие формы деятельности:

- а) организация, проведение и непосредственное участие в заседаниях совета профилактики, попечительского, студенческого совета и (или) иных органов самоуправления учебного заведения по вопросам, отнесенным к их компетенции;
- б) инициирование и реализация совместно с администрацией и педагогическим составом учебного заведения мероприятий (круглых столов, дискуссий, конкурсов, сюжетно-ролевых игр), направленных на формирование у обучающихся высоких морально-нравственных качеств и стремления к здоровому образу жизни;
- в) оказание руководящему и преподавательскому составу учебного заведения организационно-методической, в том числе правовой, помощи в вопросах раннего выявления детской и молодежной деликтологии, предупреждения потребления алкоголя, курения табака и кальяна в семьях обучающихся;
- г) получение необходимой информации, способствующей профилактической деятельности, и взаимный обмен ею с администрацией учебного заведения;
- д) участие в разработке и внедрении в практику работы учебной организации программ и методик, направленных на формирование здорового образа жизни, законопослушного и высококультурного поведения школьников и студентов.

Сотрудникам полиции, в первую очередь участковому уполномоченному, в своей работе следует сосредоточить внимание на установлении тесных рабочих контактов с должностными лицами, курирующими на его территории обслуживания вопросы здравоохранения, воспитательную работу, внеучебную деятельность школьников и студентов, обеспечение безопасности объекта образования. Реализация этой задачи позволит ему располагать сведениями о проблемных школьниках, студентах, а также учащихся «группы риска» [9].

Изложенные в работе предложения, даже при условии их скорой реализации, безусловно, не способны в полной мере гарантировать исключение нега-

тивного влияния курения кальяна на подростковую среду, здоровье всего населения. Курение – это в первую очередь социальное явление, и искоренить его только юридическими средствами вряд ли удастся. В профилактической деятельности сотрудников полиции в данном направлении, к сожалению, преобладают меры воспитательного воздействия в виде убеждения, которые не всегда оказывают положительное влияние. Однако планомерная и последовательная деятельность по воплощению высказанных рекомендаций способна не только повысить эффективность профилактической работы органов правопорядка, но и усилить социальную защиту всех граждан. Напомним, что в ст. 9 Закона № 15-ФЗ установлено, что граждане имеют право на благоприятную среду жизнедеятельности без окружающего дыма и охрану здоровья от воздействия окружающего дыма и последствий потребления табака. Ключевой задачей как государства в целом, так и органов правопорядка в частности является гарантировать гражданам данное право, уберечь подрастающее поколение от пагубных последствий курения как табачных, так и не табачных изделий.

Литература

1. *Об охране* здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (в ред. от 26.04.2016) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.
2. *Рамочная конвенция* Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака (Женева, 21.05.2003) (вступила в силу 27.02.2005) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 46. Ст. 5249.
3. *ГОСТ Р 52463–2005*. Национальный стандарт Российской Федерации. Табак и табачные изделия. Термины и определения: приказ Ростехрегулирования // Стандартизация в РФ. Основные положения. 2005. Ст. 481.
4. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4205.
5. *Уголовный кодекс* Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2016. № 28. Ст. 4559.
6. *Об административной ответственности* за совершение правонарушений на территории Алтайского края: закон Алтайского края от 10.07.2002 № 46-ЗС // Алтайская правда. 2002. 26 июля.
7. *О введении запрета* на курение кальяна в общественных местах: постановление Главного государственного санитарного врача Министерства здравоохранения Республики Казахстан от 14.03.2013 № 6 // Акмолинская правда. 2013. 8 мая.
8. *Об основах* системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.
9. *Репьев А.Г.* Правовые запреты и ограничения в отношении несовершеннолетних, помещаемых в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: от теории к практике // Алтайский юрид. вестник. 2016. № 14. С. 67–71.

Repiev Artem G., Polezhaikina Ekaterina V. Barnaul law Institute of MIA of Russia (Barnaul, Russian Federation)

SECURITY AND PROTECTION OF PUBLIC HEALTH AGAINST THE INFLUENCE OF TOBACCO AND TOBACCO FREE SMOKE: GENERAL LEGAL AND ADMINISTRATIVE ASPECTS

Key words: protection of public health, smoking, hookah, ban, public order, offence.

Article 42 of the Constitution of the Russian Federation established the right of each person to a favorable environment. The Federal law No. 15-FZ "On Health Protection from Exposure to Environmental Tobacco Smoke and the Consequences of Tobacco Consumption" contains a provision that legislation in the sphere of protection of public health from influence of surrounding tobacco smoke and consequences of tobacco consumption is based on the Constitution of the Russian Federation, federal laws and regulations of the Russian Federation.

Unfortunately, smoking of tobacco free substances has not been regulated by Federal law No. 15-FZ. Though, it is neither harmless nor safe. Even inhaling a nicotine free smoke, people become passive smokers since they inhale the products of burning and decay. Besides, a consumer does not have an objective opportunity of checking the ingredients of smoking blends. It can be both tobacco and nicotine in the form of extract, and other harmful to health ingredients. The presence of even psychotropic substances cannot be excluded. Hookah has become one of the most widespread devices for smoking of not tobacco blends.

Hookah came to Russia during the Russian-Turkish war and quickly gained popularity among the nobility. Our compatriots gave hookah parties which were followed by a complicated and magnificent ceremony. But the tradition of hookah smoking did not become popular. In the early 2000s, hookah smoking gained popularity again; "lounge cafe" with light music and hookah came around. Later, the similar form of leisure was already popular in all subjects of the Russian Federation. Nowadays practically each cafe has a hookah master, and the process of preparation of smoking blends is a kind of author's art.

In order to solve the problem under consideration, we propose the introduction of relevant legislative amendments. Moreover, the problem cannot be solved by legislative measures only. We need a systematic, large-scale work of all subjects of the system of prevention in the sphere of dissemination of legal knowledge, the principles of healthy lifestyle and involvement of juveniles in positive forms of leisure.

Implementation of the above measures will positively affect the protection of health of citizens against the influence of tobacco and tobacco free smoke; will promote strengthening of health of the nation and its younger generation, in particular.

References

1. Russian Federation. (2013) Ob okhrane zdorov'ya grazhdan ot vozdeystviya okruzhayushchego tabachnogo dyma i posledstviy potrebleniya tabaka: federal'nyy zakon ot 23.02.2013 № 15-FZ (v red. ot 26.04.2016) [On protecting the health of citizens from exposure to ambient tobacco smoke and the effects of tobacco consumption: Federal Law No. 15-FZ of February 23, 2013, (as amended on April 26, 2013)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 8. Art. 721.
2. Russian Federation. (2008) Ramochnaya konventsia Vsemirnoy organizatsii zdravookhraneniya po bor'be protiv tabaka (Zheneva, 21.05.2003) (vstupila v silu 27.02.2005) [Framework Convention of the World Health Organization on Tobacco Control (Geneva, 21.05.2003) (entered into force on 27.02.2005)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 46. Art. 5249.
3. Russian Federation. (2005) GOST R 52463–2005. Natsional'nyy standart Rossiyskoy Federatsii. Tabak i tabachnye izdeliya. Terminy i opredeleniya: prikaz Rostekhnregulirovaniya [GOST R 52463–2005. The national standard of the Russian Federation. Tobacco and tobacco products. Terms and definitions: The order of the Rostekhnregulirovaniye]. In: *Standartizatsiya v RF. Osnovnye polozheniya* [Standardization in the Russian Federation. Basic provisions]. Art. 481.
4. Russian Federation. (2002) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (v red. ot 06.07.2016) [The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on July 6, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 1(1). Art. 1.
5. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 06.07.2016) [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 6, 2016)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 25. Art. 2954.
6. *Altayskaya Pravda*. (2002) Ob administrativnoy otvetstvennosti za sovershenie pravonarusheniy na territorii Altayskogo kraia: zakon Altayskogo kraia ot 10.07.2002 № 46-ZS [On administra-

tive liability for committing offenses in the Altai Territory: The Altai Territory Law № 46-3C of July 10, 2002]. 26th July.

7. *Akmolinskaya Pravda*. (2013) O vvedenii zapreta na kurenie kal'yana v obshchestvennykh mestakh: postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha Ministerstva zdravookhraniya Respubliki Kazakhstan ot 14.03.2013 № 6 [On the introduction of a ban on smoking hookah in public places: Decree № 6 of the Chief State Sanitary Doctor of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan of March 14, 2013]. 8th May.

8. Russian Federation. (2016) Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ [On the basis of the system for the prevention of violations in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 26(1). Art. 3851.

9. Repiev, A.G. (2016) Legal prohibitions and restrictions towards the minors placed in special teaching and educational custodial institution: from theory to practice. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 2(14). pp. 67–71. (In Russian).

УДК 343.119

DOI: 10.17223/22253513/23/8

М.К. Свиридов

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В 2010 г. был принят новый закон о кассационном производстве. Однако в ходе реализации закона обнаружились проблемы, серьёзно осложняющие выполнение кассацией задач. Не удалось ликвидировать многократность проверок приговоров, что может отрицательно сказаться на достижении задач обеспечения разумного срока разрешения дел и стабильности приговора. Кассационный суд оказался в положении, не соответствующем органу правосудия, – при обнаружении ошибки в фактических обстоятельствах приговора он не может её исправить. Поэтому в закон следует внести коррективы, устраняющие помехи в деятельности кассационных судов.

Ключевые слова: кассация, разумный срок, стабильность приговора, правосудие, исключительность кассации.

В 2010 г. была проведена реформа существующих в российском уголовном процессе проверочных производств. Перед кассационным производством реформа поставила несколько задач. Одна из них – обеспечить единство законности при разрешении уголовных дел. Другая задача – быстрое выявление и устранение содержащихся в приговоре ошибок в применении уголовно-процессуального и уголовного законов. Следующая задача – ускорение производства с тем, чтобы производство по уголовному делу завершилось в разумные сроки. Ставилась перед кассацией и задача обеспечения непоколебимости, стабильности приговоров [1. С. 30–31].

На первый взгляд, закон создал все условия для выполнения кассацией поставленных перед ней задач. Так, установлено очень важное правило: обоснованность приговора, т.е. его фактическая сторона, может проверяться только один раз, в апелляционной инстанции, которая повторению не подлежит. При этом, как правильно отмечает А.С. Червоткин, «исключался переход дела из апелляционной инстанции в другую апелляционную инстанцию» [1. С. 32]. Это значительно сокращало производство по уголовному делу, позволяя разрешать его в разумные сроки. В связи с введением такого правила стал более узким предмет кассационного производства – он теперь законом ограничен проверкой не всего приговора, а только его законности, что также должно способствовать ускорению судопроизводства. С этой же целью законодатель сократил количество пересмотров в кассации, оставив лишь две кассационные инстанции. В понятийном аппарате уголовного процесса вслед за ЕСПЧ появилось понятие окончательности приговора, которая наступает после вступления приговора в законную силу. Правильное понимание и применение этого понятия, регулирование с его учётом проверочных

производств позволяет значительно укрепить правовую определенность, стабильность приговоров.

Таким образом, законодатель поставил перед проверочными производствами (в том числе и перед кассацией) задачи и создал условия для их выполнения. Казалось бы, должны были произойти значительные улучшения деятельности по проверке приговоров. К сожалению, утверждать, что все задачи выполняются кассацией в полном объеме, оснований нет. На это справедливо обращает внимание Т.Г. Бородинова [2. С. 3, 52].

Причиной неполного выполнения кассацией своих задач явилось то, что в ходе реформы был выявлен ряд проблем, ответов на которые в законе нет.

УПК РФ разрешает пересматривать фактическую сторону приговора только один раз (в апелляционной инстанции). Предмет кассации ограничен лишь проверкой законности приговора. И.С. Дикарев по этому поводу пишет: «Данный шаг законодателя обусловлен стремлением обеспечить в сфере уголовного судопроизводства реализацию принципа правовой определенности, создать для него надёжные гарантии, препятствующие оспариванию правильности установления фактической стороны дела после вступления решения в законную силу» [3. С. 30].

С этим утверждением вряд ли можно согласиться. Обнаружилось, что ограничение количества проверок обоснованности приговоров на практике можно обойти. Несмотря на установленное законом правило, количество таких проверок можно увеличить с помощью кассации. Среди полномочий кассационного суда есть право отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции или в апелляционный суд. И хотя приговор отменяется в связи с нарушением закона (например, уголовного), дело будет рассматриваться вновь не в части ошибки, а в полном объеме. Наш УПК не предусматривает частичное (в части обнаруженной ошибки) новое рассмотрение уголовного дела ни в суде первой, ни в суде апелляционной инстанции. И если дело попало вновь туда после отмены приговора кассацией по любому основанию, оно всегда будет рассматриваться в полном объеме (конечно, включая и новое формирование обоснованности).

И такое может повторяться неоднократно, поскольку новый приговор может постигнуть судьба прежнего.

Следовательно, запрет на многократный пересмотр фактической стороны приговора оказывается невыполнимым. Значит, и связанная с этим задача ускорения производства по делу также оказывается невыполнимой (в лучшем случае – выполнимой лишь частично).

Невозможности достичь значительного ускорения производства способствует и допустимость неоднократного пересмотра приговоров в кассации. Закон устанавливает две кассационные инстанции, что представляется излишним. Трудно объяснить, почему проверка фактической стороны приговоров допускается законом только один раз, проверка же кассацией их законности – минимум два раза, а при отмене вышестоящей кассационной инстанцией приговора и направлении дела в нижестоящую кассационную инстанцию (такое закон допускает) – несколько раз.

Изложенное выше, как думается, позволяет утверждать, что предпринятые законодателем меры по сокращению проверок приговоров оказываются

недостаточно эффективными. Это не обеспечивает достижение в уголовном процессе разумного срока разрешения дел. Отрицательно влияет такое положение и на достижение другой поставленной перед кассацией задачи – обеспечение стабильности приговоров. При многократных пересмотрах приговоров достичь стабильности приговоров невозможно, в результате чего крайне трудно добиться определённости той части общественных отношений, которые регулируются приговором

Поскольку стабильность приговоров оказывается недостаточно обеспеченной, в настоящее время, как представляется, вряд ли можно пользоваться понятием окончательности приговоров. В лучшем случае приговор после вступления в законную силу можно назвать полуокончательным – только в части фактических обстоятельств дела. Да и полуокончательность является относительной, поскольку, как уже показано, обоснованность приговора, его фактическая сторона могут проверяться несколько раз, что лишает понятие окончательности приговора реального содержания. Между тем окончательность приговора имеет большое значение для обеспечения стабильности приговора, что является одной из задач кассации. Поэтому следует принять меры, придающие понятию окончательности реальную силу.

Несомненно, что окончательность приговора, его стабильность не могут быть абсолютными. Их опровержение иногда необходимо для достижения баланса между принципом правовой определённости и права на судебную защиту. Однако опровергаться они, будучи качествами не просто приговора, а вступившего в законную силу, должны при соблюдении определённых условий, не допускающих излишнего ослабления стабильности приговоров. Главное условие обеспечения такого состояния – проверка вступивших в законную силу приговоров может осуществляться только один раз (как это было предусмотрено Уставом Уголовного судопроизводства России 1864 г.). На это правильно обращает внимание В.В. Кальницкий [4. С. 11]. Многократность проверок таких приговоров не должна допускаться. Поэтому неверным представляется мнение И.С. Дикарева о том, что «всякая повторная проверка вышестоящим судом вступившего в законную силу приговора, определения и постановления суда значительно повышает шансы обнаружения и исправления судебных ошибок» [3. С. 153]. Действительно, чем больше проверок, тем легче установить и исправить судебную ошибку. Однако многократность проверок вредна потерей приговором правовой определённости. После вступления приговора в законную силу нельзя стремиться к обнаружению любых ошибок. Поскольку приговор уже приобрёл силу закона, исправлять в нём допустимо только чрезвычайные ошибки, которые искажают суть правосудия. С возможностью наличия в приговоре «рядовых» ошибок приходится мириться для достижения большей ценности – стабильности приговора как необходимого условия его определённости. Основным средством для исправления «рядовых» ошибок должна быть апелляционная инстанция, когда приговор ещё не вступил в законную силу.

Предлагаемая мера, на наш взгляд, способна придать понятию окончательности приговора реальный характер, что значительно усилит обеспечение стабильности вступившего в законную силу приговора.

Обращает на себя внимание ещё одна проблема.

Статья 401-1 УПК РФ устанавливает, что предметом проверки кассационного суда является только законность приговора. Верховный Суд РФ, повторяя это правило, устанавливает для кассационных судов прямой запрет касаться обоснованности приговоров. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 предусмотрено, что «доводы кассационных жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат» [5]. В качестве исключения Пленум предусматривает ситуацию, когда кассационный суд может касаться обоснованности, проверяя соблюдение уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, при проверке допустимости доказательств).

Таким образом, и закон, и Верховный Суд РФ требуют от кассационных судов жёстко ограничивать обоснованность и законность приговора. Между тем судебная практика обнаружила невозможность такого жёсткого разграничения. Приговор представляет собой единство факта и права, и отделить эти его стороны невозможно. Во-первых, обоснованность сама является проявлением законности. Во-вторых, проверка законности приговора без уяснения фактических обстоятельств дела в большинстве случаев будет некачественной, а подчас и невозможной. А.Т. Валеев правильно пишет: «Как показывает анализ судебной практики, осуществление судом кассационной или надзорной инстанции проверки норм уголовно-процессуального закона, связанных, например, с соблюдением порядка оценки доказательств, невозможно без исследования фактических обстоятельств [6. С. 127]. Если всё же провести проверку законности вне связи с обоснованностью, то вряд ли такую проверку можно будет признать полноценной».

Обращённое к кассационному суду требование отвлечься в ходе проверки от обоснованности приговора и ограничиться только законностью способно привести кассационный суд к тупиковой ситуации. Такое может случиться при установлении судом качества недопустимости одного – или даже нескольких – доказательств. Это входит в компетенцию кассационного суда. Однако далее начинается сфера, куда кассационный суд не может быть допущен. Признав доказательство непригодным для приговора, суд в то же время убеждается, что без этого значимого доказательства признание вины осуждённого нельзя считать достоверно установленным.

Таким образом, кассационный суд устанавливает, что проверяемый приговор неправоуказуем в связи с недостатком доказательств для его обоснованности. Но, строго руководствуясь указаниями закона, принять какие-либо меры для исправления приговора кассационный суд не может: дополнить приговор доказательствами, что требуется для придания приговору качества обоснованности, кассационный суд не в состоянии, поскольку обоснованности он касаться не должен; отменить приговор в связи с его необоснованностью и направить дело в суд первой инстанции кассационный суд также не в состоянии из-за отсутствия такого основания (поскольку речь идёт не о законности, а об обоснованности).

Как видно, создаётся явно тупиковая ситуация – ничего нельзя сделать с приговором, в котором недостаёт доказательств для достоверного признания осуждённого виновным (они исключены кассационным судом как недопустимые). Для исправления недостатка в обоснованности приговора в подобной ситуации приходится искусственно подводить этот недостаток под нарушение закона и после этого принимать соответствующие меры.

Далее, запрет касаться обоснованности приговора ставит кассационный суд в положение, не соответствующее статусу суда как органа правосудия. Как уже отмечалось, приговор представляет собой единое целое, его нельзя разделить на две отдельные части – фактическую и юридическую. Поэтому кассационный суд проверяет весь приговор. И в ходе проверки суд может обнаружить ошибки в установлении фактических обстоятельств дела. Однако, будучи ограниченным обнаружением и исправлением ошибок только в сфере законности, кассационный суд должен игнорировать обнаруженные им ошибки в обоснованности приговора и не принимать мер к их исправлению, даже если такие ошибки существенные и их наличие делает приговор неправосудным. Иначе говоря, кассационный суд, обнаружив в приговоре ошибку фактического характера, должен её не замечать, «пройти мимо». Но это противоречит положению кассационного суда. Хотя это и кассационный, но всё же суд, входящий в нашу судебную систему и участвующий в осуществлении правосудия. Как всякий такой суд, он должен реагировать на любые ошибки приговора, не допуская его исполнения, если он является неправосудным. Отстранённость кассационного суда от исправления обнаруженных ошибок в фактической стороне приговора является противоестественной. Суд, лишённый возможности исправить обнаруженную фактическую ошибку приговора, перестанет быть полноценным органом правосудия. Нельзя ставить кассационный суд в положение, когда он осуществляет правосудие лишь частично.

Таким образом, ограничение предмета проверки кассационных судов проверкой только законности страдает рядом серьёзных недостатков: оно не всегда выполнимо, поскольку не всегда можно отграничить законность от обоснованности; создаёт для кассационных судов сложные, порой тупиковые ситуации; ставит кассационный суд в положение, не соответствующее статусу суда как органа правосудия.

Устранение этих недостатков, как представляется, возможно с помощью корректировки предмета кассационного производства – включения в него обоснованности. Прав И.С. Дикарев, утверждая, что «исключать проверку обоснованности приговоров, определений и постановлений суда из предмета разбирательства в судах кассационной инстанции недопустимо» [3. С. 41].

Однако реализация предлагаемой меры приведёт, на первый взгляд, к аналогии кассации и апелляции. Такого допускать нельзя. Аналогичными могут быть только предметы деятельности апелляции и кассации. В остальном же эти стадии должны быть различными.

Кассация, имея возможность проверить приговор в полном объёме, должна стать резервной стадией по обнаружению ошибок приговора, поскольку судьи апелляционной инстанции также способны допустить ошибку (проверка же обоснованности, как предписывает закон, только один раз

представляется недостаточной). Но эту стадию следует сделать по содержанию исключительной. Её исключительность должна проявляться в следующем.

Для кассации необходимо установить особые, отличные от апелляции, основания к отмене и изменению приговоров. В качестве таковых должны быть не существенные (отражающие, как указывалось ранее, рядовые ошибки), а только фундаментальные основания, наличие которых искажает суть правосудия и смысл приговора как акта правосудия. Существенных нарушений в числе кассационных оснований быть не должно, они должны быть только в апелляционной инстанции. Исключение можно допустить лишь для отмены приговора в пользу осуждённого.

Деятельность кассации целесообразно ограничить в основном только обнаружением судебных ошибок. Для этого ей вполне достаточно предусмотренных законом средств – изучения уголовного дела (вместе с приговором) и дополнительных письменных материалов. Исправлением же ошибок приговоров в основном должны заниматься суды первой и апелляционной инстанций, которые для этого снабжены всеми необходимыми средствами (в том числе использовать непосредственность в исследовании доказательств, расширять круг доказательств).

Далее, необходимо сохранить правило, в силу которого кассация может отменить приговор только тогда, когда наличие ошибки в приговоре установлено достоверно. Одного сомнения в наличии судебной ошибки для кассации недостаточно. Поэтому должен быть сохранён первый этап кассационного производства – проверка судьёй обоснованности жалобы, представления.

Перечисленные меры, надо полагать, смогут существенно отграничить апелляционную инстанцию от кассационной при наличии у них одного предмета, придав кассации черты исключительности. При этом кассация будет способна успешно выполнять свои задачи, не снижая значимости главных судебных инстанций – первой и апелляционной.

Изложенное позволяет признать, что реформа кассационного производства лишь частично улучшила его. Но за пределами реформы осталась группа не урегулированных законом вопросов, наличие которых создаёт сложности для судебной практики и снижает эффективность кассации. Для улучшения положения, кроме предложенного, думается, необходимо принятие законодателем ещё ряда мер, требующих более глубокого изучения и обсуждения. Целесообразными представляются следующие меры.

В литературе отмечается избыток в нашем уголовном процессе проверочных производств. Следует согласиться с Б.Г. Бардамовым, считающим «оптимальным ограничение судебных инстанций, осуществляющих пересмотр судебных решений, вступивших в законную силу» [7. С. 52]. Б.Г. Бардамов предлагает ликвидировать пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. Соглашаясь в этом с Б.Г. Бардамовым, думается, что следует предложить более радикальную меру: исключить из уголовного процесса и кассационное производство, которое, как показано выше, страдает рядом серьёзных недостатков. При должной организации для обнаружения и исправления судебных ошибок представляется достаточным наличие в уго-

ловном процессе двух проверочных инстанций: обычной – апелляционной и исключительной – возобновление дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (с некоторой корректировкой, приспособленной для проверки приговоров). Необходимо признать, что в настоящее время частично такое положение уже существует: закон для проверки и пересмотра приговора в части факта устанавливает именно только эти две инстанции. Достаточными были бы только они и для проверки законности приговоров.

Однако, судя по принимаемым поправкам в УПК РФ, законодатель вряд ли пойдёт на предлагаемую радикальную меру. Поэтому сейчас усилия следует направлять на совершенствование существующего кассационного производства, на устранение имеющихся у него недостатков. Попыткой выработки некоторых таких мер и является всё изложенное в настоящей статье.

Литература

1. Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М.: Проспект, 2010. 336 с.
2. Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.
3. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. 400 с.
4. Кальницкий В.В. Стадия кассационного (надзорного) производства в уголовном процессе: учеб. пособие. Омск: Омская Академия МВД России, 2016. 72 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 года № 2 «О применении норм главы 47-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2014. 7 февраля. № 6299.
6. Валеев А.Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2016. 200 с.
7. Бардамов Б.Г. Сущность, содержание и значение кассационного производства в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2013. 168 с.

Sviridov Mikhail K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

QUESTIONS OF DEVELOPMENT OF CASSATION PROCEEDINGS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Key words: cassation, reasonable term, stability of sentence, justice, exclusiveness of cassation.

A number of drawbacks in cassation proceedings require elimination. To strengthen the stability of sentence the legislators reduced the number of its checks. Law presumes the validity of sentence to be verified only once – in the court of appeal. However, it is possible to ignore this rule and increase the number of verifications. If a cassation body cancels the sentence in connection with the violation of law and sends the case for a new trial in the court of first instance or the court of appeal, the case will always be reviewed in full (including the validity revision).

This can be done repeatedly. Therefore, the reduction of verifications of sentences is not always achievable indeed and this adversely affects the stability of sentences. To eliminate this it is necessary to restore the rule provided by the Charter of Criminal Legal Proceedings 1864 allowing the verification of final sentences only once. The law prescribes the cassation bodies to verify only the legality of sentences but not their reasonableness. This rule is not always feasible. Verification of legality is often impossible without the verification of reasonableness.

Disregard of the validity of sentences puts the cassation court in the position, which is not corresponding to the status of the court as a judicial body. The court of cassation studies the whole case, and at the same time, it is capable to find an error in the validity of sentence. However, checking nothing else but legality, it should not notice the lack of validity found by it. This seems to be unnatural. The court of cassation is also a tribunal, and in its capacity as such, it is obliged to react to any errors in

sentences. The following measures will help to eliminate the above drawbacks. It is expedient to include the verification of sentence validity into the subject of cassation. However, in this case cassation should have the features of exclusiveness. Unlike the appeal, there should be special grounds for cassation. Such grounds include not essential but only fundamental errors in sentences. It is expedient to reduce the activity of cassation to judicial errors. The courts of the first and appeal instances have to be involved in the correction of mistakes. It is required to keep the rule owing to which the cassation can cancel a sentence only when the existence of mistake has been established authentically.

References

1. Chervotkin, A.S. (2010) *Apellyatsiya i kassatsiya: posobie dlya sudey* [Appeal and cassation: A manual for judges]. Moscow: Prospekt.
2. Borodinova, T.G. (2014) *Teoreticheskie i pravovye osnovy formirovaniya instituta peresmotra prigovorov v ugolovno-protsessual'nom prave Rossii* [Theoretical and legal basis for the formation of the resentence institution in the criminal procedural law of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
3. Dikarev, I.S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh resheniy v ugolovnom protsesse* [Supervisory-cassation form of resentence in criminal proceedings]. Volgograd: Volgograd State University.
4. Kalnitskiy, V.V. (2016) *Stadiya kassatsionnogo (nadzornogo) proizvodstva v ugolovnom protsesse* [The stage of cassation (supervisory) proceedings in criminal process]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28 yanvarya 2014 goda № 2 "O primenении norm glavy 47-1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoy instantsii" [Decree No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2014 "On the application of the provisions of Chapter 47-1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing the proceedings in cassation court]. 7th February.
6. Valeev, A.T. (2016) *Obzhalovanie i peresmotr sudebnykh resheniy po ugolovnym delam* [Appeal and review of court decisions in criminal cases]. Moscow: Yurlitinform.
7. Bardamov, B.G. (2013) *Sushchnost', sodержanie i znachenie kassatsionnogo proizvodstva v rossiyskom ugolovnom protsesse* [The essence, content and significance of the cassation proceedings in the Russian criminal trial]. Moscow: Yurlitinform.

УДК 340.5

DOI: 10.17223/22253513/23/9

И.Г. Смирнова

РОССИЯ – МОНГОЛИЯ, РОССИЯ – КИТАЙ: ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ¹

Из трех основных направлений сотрудничества по уголовным делам одним из наиболее распространенных является оказание правовой помощи, которой и посвящена данная статья. Сделан акцент на взаимоотношения РФ с Монголией и Китаем. Автором дан анализ договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 20 апреля 1999 г. и договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 г. Приведена развернутая оценка таких особенностей правового регулирования оказания правовой помощи по уголовным делам, как порядок сношения сотрудничающих государств; круг процессуальных действий, которые могут быть проведены на основании запроса о правовой помощи; круг лиц, подлежащих допросу на основании запроса о правовой помощи; основания для отказа в правовой помощи.

Ключевые слова: уголовный процесс, права личности, международное сотрудничество, правовая помощь по уголовным делам.

Выживаемость государства в современных условиях немыслима без взаимодействия с иными странами [1. С. 187]. Действительно, территориальные особенности геополитического расположения РФ предопределяют необходимость взаимодействия не только с европейскими государствами, но и со странами Азии. Следует согласиться с С.Г. Алексеевым и Б.А. Лукичевым, которые констатируют, что успех взаимодействия между Российской Федерацией и евразийскими государствами во многом предопределяется тем, как глубоко мы понимаем культуру, традиции, а также особенности законодательства этих стран [2. С. 110].

Как известно, современная преступность приобретает не просто организованный, а международный, транснациональный характер [3], а также характеризуется появлением новых видов и форм [4, 5]. Следовательно, возможностей каждого отдельно взятого государства, как минимум, для контроля, сдерживания преступности может оказаться недостаточно. Поэтому указанная деятельность носит внешнеполитический, международный характер и требует дополнительного урегулирования путем заключения международных договоров и соглашений.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания № 29.1247.2014/К на выполнение научно-исследовательских работ в сфере научной деятельности в рамках проектной части. Проект №1247 «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ».

В отличие от УПК РСФСР в УПК РФ появилась самостоятельная часть V «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», регулирующая основные вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам, экстрадиции, а также передачи осужденного для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является.

Кроме того, в масштабах международного сообщества не менее значимы проблемы соблюдения и защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства. По данным правозащитной организации European Human Rights Advocacy Centre (EHRAC), средний прирост дел, находящихся на рассмотрении Европейского суда по правам человека, в год составляет почти 42 000¹. Особое значение охраны общечеловеческих ценностей в сфере уголовного судопроизводства также подтверждается при анализе общепризнанных принципов и норм международного права².

Традиционно вопрос о защите прав и свобод личности (в том числе и в сфере уголовного судопроизводства) рассматривается через призму основных европейских правозащитных стандартов. Вместе с тем международное сотрудничество в сфере уголовного преследования между странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) представляет в этой связи не меньший интерес.

Во-первых, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства осуществляется на основании международного соглашения, международного договора или принципа взаимности. С такими государствами, как Китай и Монголия (в отличие, кстати, от ряда европейских и иных государств), у Российской Федерации заключены договоры о правовой помощи в 1992 и в 1999 гг. соответственно.

Во-вторых, следует особо обратить внимание на стабильность правового регулирования вопросов взаимодействия между компетентными органами иностранных государств АТР по уголовным делам. Так, несмотря на то, что национальное уголовно-процессуальное законодательство претерпевает кардинальные изменения и в части концептуальных, фундаментальных основ, и в части конкретизации и изменения уголовно-процессуальной формы на отдельных стадиях уголовного судопроизводства, договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам, заключенный в г. Улан-Баторе 20 апреля 1999 г. (в редакции от 12 сентября 2002 г.), действует до сих пор и содержит концептуальные основы взаимодействия компетентных органов иностранных государств по гражданским и уголовным делам. Аналогичным образом исключительной стабильностью правового регулирования вопросов сотрудничества двух государств по уголовным делам характеризуется договор между

¹ EHRAC. 2006. № 6. С. 8.

² Венская декларация и программа действий от 25 июня 1993 г. // Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002. С. 78–93; Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/141 // Международные акты о правах человека : сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002. С. 94; Рекомендации ООН относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития от 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» и др.

Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (заключенный 19 июня 1992 г.)¹, а также договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче от 26 июня 1995 г., действующие по настоящее время в неизменном виде.

Территориальная близость Российской Федерации к Монголии и Китаю, активное развитие культурного, экономического и иного сотрудничества между странами обуславливают некоторое «стирание» культурных, экономических, правовых процессов, происходящих в этих государствах, их взаимное проникновение. Как следствие, возникает необходимость обратить более пристальное внимание на негативные последствия такого сближения (в виде роста преступности, развития ее международного, транснационального характера) и дать оценку особенностям правового регулирования международного сотрудничества между указанными государствами.

Основными направлениями прямого международного сотрудничества между государствами в сфере уголовного судопроизводства являются правовая помощь по уголовным делам, экстрадиция и передача осужденного для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является. Как известно, указанные вопросы регулируются частью V УПК РФ. Однако нормы этого раздела подлежат применению всякий раз, когда правовой основой взаимодействия между Российской Федерацией и иными государствами выступает принцип взаимности. Во всех иных случаях приоритетное значение приобретает договор или соглашение. В данной работе мы остановимся на особенностях правового регулирования взаимодействия государств по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам.

Итак, особенности правовой помощи по уголовным делам между Российской Федерацией с Китайской Народной Республикой и Монголией заключаются в следующем.

В соответствии с ч. 3 ст. 453 УПК РФ взаимодействие государств (направление запросов) допускается через Верховный Суд РФ, Министерство юстиции РФ, Следственный комитет РФ и Генеральную прокуратуру РФ. В договорах о правовой помощи РФ с рассматриваемыми государствами перечень данных органов конкретизирован. Так, со стороны РФ таковыми органами выступают Министерство юстиции РФ и Генеральная прокуратура РФ (а в договоре с Монголией также Министерство внутренних дел РФ). В свою очередь, со стороны Монголии и Китайской Народной Республики в качестве центральных учреждений признаны министерства юстиции, органы прокуратуры соответствующих государств (а согласно договору с Монголией – также Главное управление полиции Монголии). Более того, особый интерес представляет ч. 3 ст. 3 Договора между РФ и Монголией. Согласно этому договору установлен дополнительный порядок взаимодействия, не предусмотренный УПК РФ, а именно возможность в приграничных районах учреждениям юстиции соотноситься друг с другом *непосредственно* (особенности взаимодействия государств по вопросам оказания правовой помощи представлены в табл. 1).

¹ Бюллетень международных договоров. 2013. № 5.

Таблица 1. Особенности правового регулирования порядка сношений государств при оказании правовой помощи

УПК РФ (в случаях урегулирования взаимодействия на основе принципа взаимности)	Договор между РФ и Китайской Народной Республикой	Договор между РФ и Монголией
В соответствии с УПК РФ (ч. 3 ст. 453) законодатель дифференцирует систему учреждений, обладающих правом удостоверения принципа взаимности, и учреждений, через которые могут направляться запросы о правовой помощи. К последним, в частности, относятся: – Верховный Суд РФ; – Министерство юстиции РФ; – Следственный комитет РФ; – Министерство внутренних дел РФ; – Федеральная служба безопасности РФ; – Генеральная прокуратура РФ. Иными словами, не предусмотрен порядок направления запросов о правовой помощи через Министерство иностранных дел РФ	Ст. 2 К центральным учреждениям со стороны РФ относятся: – Министерство юстиции России; – Генеральная прокуратура России. К центральным учреждениям со стороны Китайской Народной Республики относятся: – Министерство юстиции КНР; – Верховная народная прокуратура КНР	Ст. 3 Центральными органами со стороны РФ являются: – Министерство юстиции РФ; – Министерство внутренних дел РФ; – Генеральная прокуратура РФ. Центральными органами со стороны Монголии являются: – Министерство юстиции Монголии; – Генеральная прокуратура Монголии; – Главное управление полиции Монголии. Центральные органы по взаимному согласию вправе решить, что по отдельным вопросам учреждения юстиции Договаривающихся Сторон в приграничных регионах могут сноситься друг с другом непосредственно

Еще одним аспектом реализации правовой помощи по уголовным делам РФ с Монголией и Китайской Народной Республикой, получившим свое специфическое правовое регулирование, выступает объем правовой помощи.

Во-первых, УПК РФ не содержит специальной нормы, посвященной кругу процессуальных действий, которые могут быть проведены на основании запроса о правовой помощи. Вместе с тем ч. 2 ст. 457 УПК РФ указывает на необходимость в первую очередь руководствоваться нормами УПК РФ при исполнении запроса. Это означает, что на основании запроса о правовой помощи могут осуществляться все действия, предусмотренные УПК РФ, а также те, производство которых не вступает в противоречие с законодательством РФ и ее международными обязательствами.

Более того, формулировка ч. 1 ст. 453 УПК РФ дает основания для двойственного толкования: «При необходимости производства на территории

иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий...» С одной стороны, речь может идти о следственных действиях (которые также являются и процессуальными действиями), перечисленных в ч. 1 ст. 453 УПК РФ, а также иных следственных действиях, в данной норме не указанных, но предусмотренных главами 24–27 УПК РФ. Вместе с тем представляется, что законодатель считает возможным производство конкретных следственных действий, а также иных процессуальных действий, не являющихся следственными (например, вызов свидетеля или эксперта, вручение документов и т.п.).

Данный вывод детерминирован анализом содержания Типового договора о взаимной помощи в области уголовного правосудия от 14 декабря 1990 г. (далее – Типовой договор): ст. 17¹⁶ Типового договора предусматривает возможность производства обыска, а ч. 2 ст. 1 Типового договора содержит указание на возможность допросов, осмотров, выемок и производства достаточно широкого перечня процессуальных действий (содействие в предоставлении задержанных или других лиц для дачи свидетельских показаний или оказания помощи в проведении расследований; предоставление судебных документов; предоставление информации и вещественных доказательств; предоставление оригиналов или заверенных копий соответствующих документов и др.).

Особенностями правового регулирования рассматриваемого аспекта правовой помощи по уголовным делам согласно договорам РФ с Китайской Народной Республикой и Монголией являются:

- четкая конкретизация следственных действий, производство которых возможно по запросу согласно договору с Монголией (обыски, экспертизы и допросы);

- наличие открытого перечня следственных действий в договоре РФ с Китайской Народной Республикой (допрос, обыск, экспертиза, осмотр и «другие процессуальные действия, связанные со сбором доказательств»).

Следовательно, для решения вопроса о том, какие следственные действия могут быть проведены по запросу одной из сторон, необходимо обратиться к анализу УПК РФ и КНР. В отличие от УПК РФ, процессуальный закон Китая более лаконичен в определении перечня тех процессуальных действий, которые связаны со сбором доказательств на территории Китайской Народной Республики. К таковым отнесены: допрос, осмотр, освидетельствование, обыск, наложение ареста на вещественные и письменные доказательства, экспертиза и розыск (§ 2–8 главы II УПК КНР). Полагаем, что такой подход следует признать обоснованным, поскольку он позволяет не разрешать научный вопрос о системе следственных действий в каждом из сотрудничающих государств (особенности правового регулирования объема правовой помощи представлены в табл. 2).

Таблица 2. Особенности правового регулирования объема правовой помощи по уголовным делам

УПК РФ (в случаях урегулирования взаимодействия на основе принципа взаимности)	Договор между РФ и Китайской Народной Республикой	Договор между РФ и Монголией
Ст. 453 Предусматривается возможность производства: – следственных действий (допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы); – иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ	Ст. 22 Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять по просьбе поручения по уголовным делам о: – производстве следственных действий (допрос, обыск, экспертизы, осмотр и другие процессуальные действия, связанные со сбором доказательств); – передаче вещественных доказательств и документов, ценностей, полученных в результате преступления; – вручении документов, связанных с производством по уголовному делу	Ст. 5 Договаривающиеся Стороны оказывают друг другу правовую помощь посредством совершения отдельных процессуальных действий , предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны , в частности путем: – составления, пересылки и вручения документов; – получения и передачи вещественных доказательств, материалов дел; – производства таких следственных действий , как обыски, экспертизы, допросы; – осуществления уголовного преследования; – принятия мер по обеспечению возврата имущества, полученного в результате преступления, ареста имущества для обеспечения гражданского иска; – взаимного исполнения судебных решений; – других действий по оказанию взаимной правовой помощи

Не меньшим количеством особенностей характеризуется такой вопрос, как круг лиц, подлежащих допросу на основании запроса о правовой помощи. Можно констатировать, что договор о правовой помощи РФ с Китайской Народной Республикой предусматривает закрытый перечень допрашиваемых лиц, а договор РФ с Монголией предоставляет договаривающимся сторонам широкие возможности для определения возможности допроса лиц, поскольку оставляет этот перечень открытым. Таким образом, например, во взаимодействии РФ с Монголией допускается допрос специалистов, в то время как при реализации правовой помощи по уголовным делам РФ и Китайской Народной Республики это следует признать недопустимым (особенности законодательного регулирования круга подлежащих допросу лиц представлены в табл. 3).

Таблица 3. Особенности правового регулирования круга лиц, подлежащих допросу на основании запроса о правовой помощи

УПК РФ (в случаях урегулирования взаимодействия на основе принципа взаимности)	Договор между РФ и Китайской Народной Республикой	Договор между РФ и Монголией
Вопрос решается на основании законодательства запрашиваемого государства. Ч. 2 ст. 457 По общему правилу при исполнении запроса применяются нормы УПК РФ. Следовательно, допрошены могут быть все те участники уголовного судопроизводства, в отношении которых такая возможность предусмотрена законом	Закрытый перечень лиц, подлежащих допросу. Ст. 22 Предусматривает возможность допроса свидетелей, потерпевших, экспертов, обвиняемых	Открытый перечень лиц, подлежащих допросу. Ст. 5 Предусматривает возможность допроса сторон, свидетелей, экспертов, подозреваемых, обвиняемых и других лиц

Наконец, особенности взаимодействия РФ с Китайской Народной Республикой и Монголией по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам касаются конкретизации оснований отказа в такой помощи. Статья 17 договора РФ с Монголией предусматривает следующие *факультативные* основания для отказа:

- если ее оказание может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим важным интересам;
- если ее оказание противоречит основным принципам законодательства или международным обязательствам запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

В любом случае используемая в ст. 17 Договора формулировка «может быть отказано» предоставляет сотрудничающим государствам свободу усмотрения.

Факультативные основания отказа в правовой помощи предусмотрены также и в Договоре РФ с Китайской Народной Республикой. Так, ст. 6 соответствующего Договора также защищает суверенитет, безопасность и публичный порядок сотрудничающих государств, однако содержит указание на то, что отказ от правовой помощи должен во всяком случае носить мотивированный характер. В свою очередь, ст. 25 Договора расширяет перечень случаев отказа от выполнения запроса следующими ситуациями:

- деяние, указанное в поручении, по законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны не является преступлением (данное положение гарантирует соблюдение правила двойной наказуемости деяния по законодательству обоих государств);
- подозреваемый или преступник, указанный в поручении, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны и не находится на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны.

Таким образом, только внимательное отношение и неукоснительное следование условиям и основаниям взаимодействия государств в вопросах

борьбы с преступностью гарантируют его эффективность и стабильное развитие.

Литература

1. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2011. 352 с.
2. Алексеев С.Г., Лукичев Б.А. Сведущие лица в уголовном процессе Китая и России // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия «Философия. Социология. Право». 2011. № 103. Вып. 16. С. 110–115.
3. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. 491 с.
4. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / под ред. И.Г. Смирновой. М.: Юрлитинформ, 2016. 312 с.
5. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / под ред. И.Г. Смирновой. М.: Юрлитинформ, 2016. 336 с.

Smirnova Irina G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

RUSSIA–MONGOLIA, RUSSIA–CHINA: PECULIARITIES OF INTERNATIONAL CO-OPERATION IN CRIMINAL CASES

Key words: criminal procedure, personal rights, international cooperation, legal aid in criminal cases.

The article deals with some urgent problems of cooperation of the Pacific Rim countries in the sphere of crime fighting. Such interaction implies three main directions: rendering legal aid in criminal cases, extradition and transfer of convicts for serving sentence in the state of their citizenship. However, it is necessary to pay attention, primarily, to rendering legal aid in criminal cases through the prism of protection of personal rights, taking into account mental features.

International cooperation in the sphere of criminal legal proceedings is based on international agreements, international treaties or the principle of reciprocity. Unlike a number of European and other states, the Russian Federation signed agreements on legal aid with China and Mongolia in 1992 and 1999 respectively.

The following conceptual conclusions were formulated under the analysis of the legal basis of cooperation. Firstly, norms of the Fifth Section of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are applied every time when the principle of reciprocity acts as a legal basis of interaction between the Russian Federation and other states. In all other cases, the contract or agreement prevails. Secondly, it is the stability of legal regulation of questions of interaction between the competent authorities of the Pacific Rim states in criminal cases. So, despite the fact that national criminal procedure legislation undergoes cardinal changes regarding the conceptual, fundamental bases, and concretization and change of a criminal procedure form at separate stages of criminal legal proceedings, the treaty between the Russian Federation and Mongolia on legal aid and legal relations in civil and criminal cases is still in force. It was signed in Ulaanbaatar on April 20, 1999 (in edition of September 12, 2002) and contains the conceptual bases of interaction of competent authorities of foreign states in civil and criminal cases. Similarly, the treaty between the Russian Federation and People's Republic of China on legal aid in civil and criminal cases 1992 is characterized by the exclusive stability of legal regulation of cooperation between two states in criminal cases. Thirdly, in the sphere of legal aid in criminal cases, the peculiarities of legal regulation center around such questions as the order of relations between the cooperating states; the circle of procedural actions which can be carried out on the basis of request for legal aid; the circle of people subject to interrogation on the basis of request for legal aid; the bases for rejection of legal aid.

References

1. Smirnova, I.G. (2011) *Sotsial'naya tsennost' ugolovnogo sudoproizvodstva* [The social value of criminal proceedings]. Moscow: YurLitinform.
2. Alekseev, S.G. & Lukichev, B.A. (2011) Expert witnesses in criminal procedure of China and Russia. *Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Seriya. "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"* –

Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law. 103(16). pp. 110–115. (In Russian).

3. Repetskaya, A.L. (2005) *Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost'* [Transnational Organized Crime]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law.

4. Smirnova, I.G. (ed.) (2016a) *Kiberprestupnost': kriminologicheskii, ugovno-pravovoy, ugovno-protsessual'-nyy i kriminalisticheskii analiz* [Cybercrime: Criminological, criminal, legal and forensic analysis]. Moscow: Yurlitinform

5. Smirnova, I.G. (ed.) (2016b) *Osobennosti rassledovaniya otdel'nykh kategoriy ugovnykh del i ugovnykh del v otnoshenii otel'nykh kategoriy lits* [Investigation of certain categories of criminal cases and criminal cases against certain categories of persons]. Moscow: Yurlitinform.

УДК 343

DOI: 10.17223/22253513/23/10

И.В. Чаднова, Н.С. Соколовская, А.Ю. Кирсанов

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ДАННЫХ»¹ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается процессуальная регламентация и информационный потенциал электронных носителей данных в их различных вариантах, в том числе через процессуальные и технические возможности верификации полученной в ходе следственных действий электронной информации. Приводится возможный алгоритм получения доказательственной информации с электронных носителей в зависимости от типа носителя, выдвигаются предложения по дифференциации механизма получения такой информации в ходе следственных действий.

Ключевые слова: процесс доказывания, следственное действие, электронные носители информации, доказательство, обыск, выемка.

В условиях динамичного развития и все расширяющегося использования электронных носителей и хранилищ информации перед предварительным расследованием и уголовным процессом в целом все более актуальными и востребованными становятся задачи как по получению и сохранению информации с электронных носителей данных, так и по разработке процессуальных правил трансформации полученных данных в доказательства.

Законодатель время от времени дополняет Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) различными нормами, внедряющими в той или иной форме в уголовное судопроизводство возможности использования как в процессе доказывания, так и в процедуре судопроизводства электронной системы документов и носителей информации. Однако такие дополнения вносились в разное время и по разному поводу, потому разнообразны и не систематизированы. В ряде случаев подобные уголовно-процессуальные правила в силу непоследовательного нормативного регулирования имеют неоднозначное понимание и создают проблемы в правоприменении.

Так, в УПК РФ используются понятия:

– «**электронные средства контроля**». Статья 107 УПК РФ, предусматривающая использование в целях осуществления контроля за лицом, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля. Перечень и порядок применения таких средств определен постановлением Правительства РФ и не требует дополнительной регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве;

¹ Носитель данных – материальный объект, предназначенный для записи и хранения данных (ГОСТ 15971–90).

– **«электронная почта»**. Статьи 42, 313 УПК РФ предусматривают возможность использования электронной почты для уведомления лица о принятом процессуальном решении. Имеющееся нормативное регулирование, как и довольно однозначное понимание понятия электронной почты, не требует его дополнительного уточнения в УПК РФ. В то же время возможность использования электронной почты для получения уведомлений сейчас носит в УПК РФ скорее частный характер (только в двух случаях);

– **«электронные сообщения»**. Статья 185 УПК РФ устанавливает необходимость осмотра и выемки сведений, имеющих значение для уголовного дела, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях. Указанная формулировка не отличается корректностью, так как оставляет неясность в том, что подлежит осмотру и выемке, – «сведения, имеющие значение для уголовного дела» или «электронные сообщения или иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения». Кроме того, может быть подвергнута сомнению достоверность полученного в результате данного следственного действия доказательства, проверяемость источника, так как при направлении электронных писем возможен подлог, письмо будет выслано с одного (указанного официально) сервера, тогда как на самом деле это может быть промежуточный «прокси» сервер, симулирующий настоящий. Протокол smtp, по которому передается электронная почта, не является верифицируемым и позволяет послать сообщение от имени любого пользователя сети любому. Причиной этому является наличие так называемых «открытых релеев». Без дополнительной процессуальной регламентации вышеуказанного мероприятия возможны произвольные (не всегда «процессуально корректные») действия по выемке сведений или сообщений;

– **«электронная подпись», «усиленная квалифицированная электронная подпись»**. В отдельных вопросах судопроизводства законодатель предусмотрел возможность использования разновидностей электронной подписи. В соответствии с ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью. В полномочиях суда предусмотрена возможность изготовления в форме электронного документа с заверением усиленной квалифицированной электронной подписью как судебного решения (ч. 2 ст. 474 УПК РФ), так и исполнительного листа (ч. 2 ст. 393 УПК РФ). Порядок использования электронной цифровой подписи (ЭЦП) при подписании документов регламентирован ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» [1]. Закон называет три вида электронной подписи: 1) простая – служит для подтверждения того, что документ исходит от определенного лица; 2) усиленная неквалифицированная – не только указывает на лицо, ее поставившее, но и подтверждает, что после ее проставления каких-либо изменений в документ не вносилось; 3) усиленная квалифицированная – обладает характеристиками неквалифицированной ЭЦП, но выдается только в специализированных центрах, имеющих аккредитацию от Минкомсвязи. Именно квалифицированная подпись согласно ФЗ «Об электронной подписи» придает документу полную юридическую силу (в полной мере заменяет рукописную подпись, а также

печать организации). Учитывая вышеизложенное, полагаем, что электронные документы в уголовном судопроизводстве могут быть подписаны только ЭЦП второго или третьего вида (никак не первого), что требует уточнения формулировки в ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ;

– **«электронный документ», «документ, выполненный электронным способом».** Согласно ст. 474 УПК РФ любой процессуальный документ в уголовном судопроизводстве может быть выполнен электронным способом. Логическое толкование положений ст. 474 УПК РФ позволяет предположить, что речь идет о составлении документа с использованием компьютерной техники с последующей его распечаткой на бумажном носителе.

Электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]). Согласно определению, представленному в п. 3.1 ГОСТ Р 7.0.8–2013. «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст) [3], электронный документ – это документ, информация которого представлена в электронной форме. Исходя из этого, можно сделать вывод, что электронный документ – это любой документ, который представлен в электронном виде, в том числе это может быть скан-образ документа, файл, набранный в текстовом редакторе, и т.п. Электронные документы могут быть формализованными, т.е. составленными в таком виде, который позволяет с помощью программных средств распознавать их содержимое, и неформализованными (например, скан-копия). Понятие электронного документа использовано в ст. 393, 474.1 УПК РФ, однако не конкретизировано в части формализации. Следовательно, в рамках обмена электронными документами участники уголовного судопроизводства могут использовать как формализованные, так и неформализованные документы;

– **«электронные носители информации»** – термин, наиболее часто используемый применительно к процессуальной регламентации изъятия, хранения и копирования содержащейся на этих носителях информации, вещественных доказательств (ст. 81, 81.1, 82, 166, 182, 183 УПК РФ). Исчерпывающее определение электронного носителя содержит ГОСТ 2.051–2013. «Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», устанавливающий, что под электронным носителем понимается «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники» [4].

Все вышеперечисленные положения УПК РФ касаются электронных носителей информации как локальных носителей данных, в то время как технологии хранения данных активно совершенствуются, что ведет к увеличению объема, повышению надежности, усложнению носителей данных. На уровне решений для предприятий (организаций) эта гонка приводит к усложнению

решений по хранению данных. Стремление вендора¹ к производительности линейно увеличивает количество физических дисков, участвующих в формировании одного логического носителя данных.

В наше время с развитием SSD-накопителей потребность к объему данных продолжает расти, что приводит к более высоким требованиям к скорости записи и чтения. Вендор для увеличения скорости доступа, в силу ограничения скорости доступа на один физический диск, строит системы хранения, соединяя несколько физических дисков как один логический, распределяя доступ информации сразу на все диски. С одной стороны, мы имеем более быстрые показатели записи и чтения на логический диск, но с другой – процесс восстановления или изъятия данных с физических дисков значительно усложняется (хотя возможность восстановления увеличивается, так, все системы логического объединения дисков (raid) преследуют цель максимального сохранения информации, а значит, они, как минимум, дублируют блок информации, чтобы в случае выхода из строя физического носителя информация не потерялась). Фактически файл, расположенный на логическом диске одним сплошным куском, может состоять из 20 кусочков и каждый кусок файла может лежать на отдельном физическом диске. В таких случаях неприменим заложенный в статьях УПК РФ алгоритм поиска и изъятия электронных носителей информации, например, в ходе обыска или выемки. Так, дата-центр² в организации может состоять из нескольких серверных стоек с расположенными на них 30–100 серверами, на которых распределен огромный объем информации. Извлечение физических дисков всего дата-центра в ходе обыска не принесет желаемого результата, так как логическое распределение информации на этих дисках позволяет ее извлечь только в самом дата-

¹ Вендор – это (от англ. vendor – торговец, продавец) физическое или юридическое лицо, которое поставляет объединенные в одну торговую марку товары и услуги. Различают независимый вендор аппаратных средств и вендор программного обеспечения – компании, которые специализируются на создании или продаже аппаратных средств либо программного обеспечения, разработанного для распространения его на массовом или нишевых (специализированных) рынках. Источник: <https://biznes-prost.ru/vendor.html>

² Дата-центр (от англ. data center), или центр (хранения и) обработки данных (ЦОД/ЦХОД) – это специализированное здание для размещения (хостинга) серверного и сетевого оборудования и подключения абонентов к каналам сети Интернет. Дата-центр исполняет функции обработки, хранения и распространения информации, как правило, в интересах корпоративных клиентов – он ориентирован на решение бизнес-задач путём предоставления информационных услуг. Консолидация вычислительных ресурсов и средств хранения данных в ЦОД позволяет сократить совокупную стоимость владения IT-инфраструктурой за счёт возможности эффективного использования технических средств, например, перераспределения нагрузок, а также за счёт сокращения расходов на администрирование. Источник: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/633220>

Типичный дата-центр состоит из информационной инфраструктуры, включающей в себя серверное оборудование и обеспечивающей основные функции дата-центра – обработку и хранение информации; телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимосвязь элементов дата-центра, а также передачу данных между дата-центром и пользователями; инженерной инфраструктуры, обеспечивающей нормальное функционирование основных систем дата-центра. Инженерная инфраструктура включает в себя прецизионное кондиционирование для поддержания температуры и уровня влажности в заданных параметрах; бесперебойное и гарантированное электроснабжение обеспечивает автономную работу дата-центра в случаях отключения центральных источников электроэнергии, а также повышает качество электропитания; охранно-пожарная сигнализация и система газового пожаротушения; системы управления и контроля доступом. Источник: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/107308>

центре. Перемещение же всех серверов дата-центра невозможно в силу сложности его инфраструктуры и большого объема оборудования.

Носители данных можно классифицировать по типу доступа, представленного в табл. 1.

Таблица 1

	Облачные	Сетевые	Локальные
Носители данных	Paas ¹ IaaS ² Облачные хранилища CMS ³	usb-over-ip IaaS Сетевые хранилища CMS	Локальные диски USB-флеш-накопитель Телефоны Смартфоны Карты памяти CD, DVD

¹ PaaS (Platform as a Service) – платформа как услуга.

² IaaS (Infrastructure-as-a-Service) – инфраструктура как услуга.

³ CMS (Content management system) – система управления содержимым (контентом).

При этом различные типы систем хранения (частные случаи носителей данных) могут относиться к нескольким типам доступа:

– локальные носители данных – с этим типом носителей все достаточно прозрачно, из-за форм-фактора последних, их изъятие не представляет сложности, что и регламентируют ст. 81, 81.1, 82, 166, 182, 183 УПК РФ;

– сетевые носители данных – могут представлять как простые элементы для изъятия, так и более сложно организованные элементы, изъятие которых требует глубоких познаний в технологиях организации хранилищ данных;

– облачные носители данных – это сложно организованные элементы, изъятие которых практически невозможно либо по причине сложной организации, либо территориальной распределенности (физическое хранилище может находиться на территории другого государства).

Для уяснения возможностей изъятия и доказательственного оформления электронной информации попробуем классифицировать носители данных по сложности извлечения данных с физических дисков. Для начала определим, что можно извлечь из носителя данных:

- сам носитель данных (внутренний накопитель на жестком магнитном диске, оптические диски различных видов, магнитно-оптические диски, карты памяти различных форматов, USB-флеш-накопители, гибкие магнитные диски, интегральная микросхема памяти, оперативное запоминающее устройство ЭВМ и др.);

- мета-данные (о носителе). Мета-данные – информация о носителе данных, уникально идентифицирующая носитель, его характеристики, также может содержать описание сложной структуры, частью которой является. На данный момент широко применяются следующие три класса мета-данных:

1. Внутренние мета-данные. Это информация, которая описывает составные части вещей, их структуру и что она собой представляет. В качестве примера можно привести размер и формат файла.

2. Административные мета-данные. Требуются для процессов обработки информации, а также для назначения вещи. Например, кто автор, редактор, когда был создан файл.

3. Описательные мета-данные. Используются, чтобы охарактеризовать природу файла и его признаки (к какой категории относится, с чем ещё связан)¹;

- данные. Для дальнейшего понимания правил работы с электронными носителями информации стоит определить часть извлекаемых сведений с физических носителей данных как «сырую» информацию, которую нужно обрабатывать, чтобы получить искомую информацию. Для удобства воспользуемся термином «данные» для описания сырой информации;

- информация (искомая).

Шифрование носителя данных никак не связано с его структурой организации, так как обычно шифрование применяют на самом верхнем уровне организации хранилища. Поэтому введем просто подкласс для шифрованных носителей данных. Итак, разделим носители данных на три класса (с учетом выделения подклассов для шифрованных носителей данных, представленных в табл. 2)

Таблица 2

№ п/п	Класс	Возможно извлечение				Носители данных
		Носитель	Мета-данные	Данные	Инф-ция	
1	1	Да	Да	Да	Да	Локальные диски USB-флеш-накопитель Телефоны
2	1ш	Да	Да	Да	Да	Смартфоны Карты памяти CD, DVD
3	2	Нет	Да	Да	Да	IaaS
4	2ш	Нет	Да	Да	Да	Сетевые хранилища usb-over-ip
5	3	Нет	Нет	Нет	Да	Paas IaaS
6	3ш	Нет	Нет	Нет	Да	Облачные хранилища CMS

Процедура извлечения информации для Классов 1 и 1ш:

- 1) обнаруживаем носитель данных (не требует специальных знаний);
- 2) обесточиваем/отключаем/вынимаем носитель (не требует специальных знаний);
- 3) фиксируем его мета-данные (требует специальных знаний);
- 4) изымаем носитель данных/данные/информацию (кроме 1ш) (возможно, требует специальных знаний);
- 5) (1ш) обнаруживаем или вычисляем ключ дешифрации (требует специальных знаний);
- 6) (1ш) дешифруем данные в информацию (требует специальных знаний).

Процедура извлечения для Классов 2 и 2ш:

- 1) обнаруживаем носитель данных (требует специальных знаний);

¹ Подробнее: <http://fb.ru/article/234327/metadannyye-eto-chto>.

- 2) физически ограничиваем доступ к носителю данных (не требует специальных знаний);
- 3) фиксируем его мета-данные (требует специальных знаний);
- 4) изымаем данные/информацию (кроме 2ш) (возможно, требует специальных знаний);
- 5) (2ш) обнаруживаем или вычисляем ключ дешифрации (требует специальных знаний);
- 6) (2ш) дешифруем данные в информацию (требует специальных знаний).

Процедура извлечения для Классов 3 и 3ш (требует специальных знаний):

- 1) определение типа носителя данных (фактически ip адреса (dns-имени) сервиса, предоставляемого вендором);
- 2) определение владельца и учетных данных;
- 3) подключение к сервису с учетными данными владельца и смена пароля, чтобы избежать вмешательства;
- 4) обнаруживаем носитель данных;
- 5) фиксируем его мета-данные;
- 6) изымаем информацию (кроме 2ш);
- 7) (2ш) обнаруживаем или вычисляем ключ дешифрации;
- 8) (2ш) дешифруем данные в информацию.

В некоторых случаях для Классов 2 и 3 определение носителя данных может быть сопряжено с некоторыми сложностями. Например, IaaS разрабатывался так, чтобы вливаться в текущую физическую инфраструктуру прозрачно. Поэтому могут быть проблемы с обнаружением носителей данных через этот сервис.

Как видно из данных процедур, уже Классы 1 и 1ш требуют специальных знаний, которые далеко не всегда могут быть обеспечены простым участием специалиста в ходе следственного действия.

В профессиональной экспертной деятельности в настоящее время уже имеются специальные разработки по получению информации с различных носителей данных. Так, для получения информации из облачных хранилищ существует программа «Мобильный Криминалист» – технико-криминалистическая экспертная программа, сделавшая возможным извлечение данных из облачного хранилища с помощью модуля Oxygen Forensic Extractor for Clouds [5]. Oxygen Forensic Extractor for Clouds может подключаться к облачному хранилищу, используя только данные учетной записи: адрес электронной почты и пароль. Как только соединение установлено, Oxygen Forensic Extractor for Clouds начинает извлечение данных. Сильной стороной данного модуля является не только извлечение данных, но и представление данных в удобном для анализа виде и наличие различных инструментов для анализа, что позволяет специалисту экономить очень много времени [6]. Другой пример: при использовании пользователями мобильных устройств на платформе Android приложения Play Market, Gmail и других приложений от компании Google при регистрации в них пользователь автоматически даёт согласие на отправку геоданных – это информация о географическом местоположении, хранящаяся в формате, который может быть использован в географических информационных системах. Это необходимо для

работы сервисов Google, чтобы ускорить поиск на Google-картах или рекламных объявлениях, которые пользователь видит на сервисах Google и сторонних сайтах. Отправка геоданных позволяет сохранять новые сведения о местоположении мобильного устройства, в том числе если пользователь перемещается по улице или совершает поездку на автомобиле [5]. Для того чтобы получить историю местоположений мобильного устройства, достаточно зайти на официальный сайт Google по ссылке: [https:// maps. google.com/ locationhistory/](https://maps.google.com/locationhistory/), выполнить аутентификацию и выбрать интересующий нас временной интервал местоположений [7].

Уголовный процесс в силу различных причин не настолько «мобилен», ограничен, в том числе рамками «понимания» законодателем механизмов получения информации с электронных носителей. В результате в существующие правила традиционных следственных действий (обыск и выемка) «встроены» положения об изъятии электронных носителей информации, без анализа различий между такими носителями. Однако изъятие жесткого диска с персонального компьютера конкретного пользователя и изучение базы данных ЦОД из 100 серверов – задачи разного уровня сложности, требующие дифференцированного подхода.

Такие носители данных, как сетевые хранилища, Paas, IaaS, облачные хранилища, CMS, позволяют получить только информацию, без возможности извлечения носителя (и получения мета-данных), что делает невозможным проведение необходимых процессуальных «манипуляций» для придания такому носителю статуса вещественного доказательства. Полагаем, что изучение вышеперечисленных носителей данных с целью получения доказательственной информации по делу не укладывается в рамки «классического» обыска или выемки и предусмотренное ч. 91.1 ст. 182, п. 3.1 ст. 183 УПК РФ участие специалиста не спасает ситуацию. В распоряжение должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, поступает только информация, без ее материального носителя, что требует некоего иного процессуального оформления с целью сохранения доказательственного значения такой информации. Для их изучения в ходе уголовного судопроизводства необходимы специализированный механизм и процессуальная форма, детальная регламентация (возможно, в виде «специального вида» выемки электронной информации (без получения носителя) – для облачных хранилищ либо в виде производства экспертизы в месте нахождения базы данных ЦОД).

Таким образом, говорить о возможном правовом регулировании процедуры использования электронных носителей информации в качестве доказательств по уголовным делам можно только в случае, если имеет место быть ситуация, предполагающая возможность обнаружения, изъятия и фиксации электронного носителя в материальном виде (в простом варианте – персональный компьютер в жилище или офисе). Если же доступ к материальному носителю электронной информации затруднен или невозможен, то следует констатировать тот факт, что действующий УПК РФ сегодня оставляет эти ситуации не урегулированными.

Литература

1. *Федеральный закон* от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 15. Ст. 2036.
2. *Федеральный закон* от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
3. *ГОСТ Р 7.0.8–2013*. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст). В соответствии с Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст данный документ введен в действие с 1 марта 2014 года. Документ опубликован не был.
4. *ГОСТ 2.051–2013*. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013 введен в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации с 1 июня 2014 г. (Докипедия: ГОСТ 2.051–2013 ЕСКД. Электронные документы. Общие положения).
5. *Нестеров А.Д.* Получение информации из облачных хранилищ при расследовании инцидентов в сфере информационной безопасности. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1433879423>
6. *Тушканова О.В.* Терминологический справочник судебной компьютерной экспертизы: справ. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2005. 56 с.
7. *Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1* / под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ИНТЕР-КРИМ-ПРЕСС, 2010. 568 с.

Chadnova Irina V., Sokolovskaya Natalia S., Kirsanov Artem Yu. Tomsk state University of control systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation)

TO THE QUESTION OF USE OF ELECTRONIC DATA STORAGE DEVICES IN CRIMINAL PROCEDURE

Key words: process of proof, investigative action, electronic data storage device, evidence, search, seizure.

The article deals with procedural possibilities for the use of different types of electronic data, including electronic data storage devices. Under the conditions of dynamic development and the extending use of electronic data storage devices, criminal trial faces more and more urgent and demanded tasks of receiving and saving information from electronic data storage devices, and of developing the procedural rules of transformation of the obtained data into proofs.

The Criminal Procedure Code of the Russian Federation operates with such concepts as "electronic control devices", "e-mail", "electronic messages", "digital signature", "the strengthened qualified digital signature", "electronic document", "the document drawn up in the electronic way" "electronic data storage devices" without establishing an accurate regulation for their use in appropriate cases. The research of electronic data storage devices in the course of investigative operations and transformation of the received data in proofs cause the greatest number of questions.

Having analyzed the types of electronic data storage devices and the algorithm for obtaining data from different types of devices, the authors conclude that traditional legal rules for search and seizure cannot be applied to such systems of storage as network and cloudy media due to their specificity. Nowadays, regulations on the withdrawal of electronic media of information, without analysis of distinctions between them "are built in" the existing rules of traditional investigative actions (search and seizure). Whereas network storages, Paas, IaaS, cloudy storages, SMS allow to obtain only information, without the possibility of extracting electronic media, it is impossible to carry out any necessary procedural "manipulations" for giving such electronic media the status of physical evidence. The officer involved in criminal proceedings will have only the information without its material storage device and this requires some other procedural registration for preserving the evidentiary value of such information. Their research during criminal legal proceedings requires a specialized mechanism, procedural form, and a detailed regulation with fixing in separate procedural (investigative) action (in the form of

"a special type" of seizure of electronic information (without receiving the storage device) – for cloudy storages, or in the form of expert examination in the location of database of DPC).

References

1. Russian Federation. (2011) Federal'nyy zakon ot 06.04.2011 № 63-FZ (red. ot 23.06.2016) "Ob elektronnoy podpisi" [Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011 (as amended on June 23, 2016) "On electronic signature"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 15. Art. 2036.
2. Russian Federation. (2006) Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 19.12.2016) "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" [Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on December 19, 2016) "On Information, Information Technologies and Information Protection"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 31(1). Art. 3448.
3. Russian Federation. (2013a) *GOST R 7.0.8-2013. National standard of the Russian Federation. The system of standards on information, librarianship and publishing. Office work and archival business. Terms and definitions (approved by Order № 1185-sm of Rosstandart of October 17, 2013)*. (In Russian). [The document was not published].
4. Russian Federation. (2013b) *GOST 2.051-2013. Interstate Standard. The unified system of design documentation. Electronic documents. General provisions*. (In Russian).
5. Nesterov, A.D. (2015) *Poluchenie informatsii iz oblachnykh khranilishch pri rassledovanii incidentov v sfere informatsionnoy bezopasnosti* [Obtaining information from cloud storages while investigating incidents relating to information security]. [Online] Available from: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1433879423>.
6. Tushkanova, O.V. (2005) *Terminologicheskiy spravochnik sudebnoy komp'yuternoy ekspertizy* [Terminological Reference Book of Forensic Computer Expertise]. Moscow: ETC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7. Dildin, Yu.M. & Martynov, V.V. (eds) (2010) *Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv* [Typical expert techniques for the study of physical evidence]. Moscow: INTERKRIM-PRESS.

УДК 343.34

DOI: 10.17223/22253513/23/11

А.В. Шеслер, О.А. Беларёва

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В ВАНДАЛИЗМЕ

В статье раскрывается содержание такого квалифицирующего признака вандализма, предусмотренного ч. 2 ст. 214 УК РФ, как совершение деяния группой лиц. Отмечается, что вандализм следует квалифицировать как совершенный группой лиц в тех случаях, когда соучастники преступления являются соисполнителями, т.е. полностью или частично выполняют действия, входящие в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ. Критически оценивается практика квалификации как совершение преступления группой лиц действий тех соучастников вандализма, которые во время и на месте совершения преступления только оказывают содействие исполнителю преступления.

Ключевые слова: вандализм, совершение преступления группой лиц, соисполнительство, подстраховывание от обнаружения преступления.

Действующее уголовное законодательство предусматривает в качестве квалифицирующего признака вандализма его совершение группой лиц (ч. 2 ст. 214 УК РФ). В связи с тем, что данный квалифицирующий признак влечет повышенную наказуемость по сравнению с основным составом вандализма, предусмотренного в ч. 1 ст. 214 УК РФ, необходимо дать уголовно-правовое понятие группового посягательства данного преступления. Представляется, что при этом следует исходить из законодательного определения преступления, совершенного группой лиц.

В ч. 1 ст. 35 УК РФ под ним понимается совместное участие в совершении преступления двух и более исполнителей без предварительного сговора. Наряду с совершением преступления группой лиц разновидностью группового преступления является его совершение группой лиц, действующих по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ). Независимо от того, действуют участники группового посягательства по предварительному сговору или без него, общим для таких посягательств является то, что они представляют собой соучастие в форме соисполнительства. Для данной формы соучастия характерно совместное совершение преступления двумя и более лицами, каждый из которых является субъектом соответствующего преступления (общим или специальным), а также полное или частичное выполнение объективной стороны конкретного состава преступления, прежде всего основной его части – деяния [1. С. 51–55].

В ч. 1 ст. 214 УК РФ объективная сторона вандализма определена как осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Исходя из законодательного определения вандализма, соисполнительство при его совершении группой лиц могут образовывать действия только тех соучастников, которые принимали непосредственное участие в осквернении зданий или иных сооружений,

порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, либо использовали для этого лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности или иных, предусмотренных законом обстоятельств.

Соисполнители могут действовать «параллельно», когда каждый из них наносит удары, разрушая или повреждая имущество, наносит рисунки на здания или сооружения, оскверняя их. Действия соисполнителей могут быть последовательными – сначала один повреждает имущество, наносит оскверняющие надписи, а затем эти действия продолжает другой, возможно также техническое разделение – один повреждает имущество, а другой наносит оскверняющие надписи или рисунки. Общим для соисполнителей должно являться то, что совершенные ими действия полностью или частично входят в объективную сторону вандализма.

Следует поддержать позицию тех судов, которые квалифицируют действия соучастников вандализма как совершенные группой лиц в тех случаях, когда соучастники полностью или частично выполняют действия, предусмотренные в ст. 214 УК РФ. Так, суд Ступинского судебного района Московской области обоснованно квалифицировал действия подсудимых Гнилякова и Гасанова по ч. 2 ст. 214 УК РФ как вандализм, совершенный группой лиц при следующих обстоятельствах. Реализуя предварительную договоренность о порче имущества на общественном транспорте путем нанесения рисунков «граффити» на кузова вагонов электропоезда, подсудимые 26 марта 2016 г. прибыли на станцию Яганово Московской кольцевой железной дороги. Затем совместно и непосредственно своими действиями реализовали свой умысел [2]. Аналогичным образом осуществляется квалификация действий соисполнителей вандализма в решениях других судов [3], в том числе при совершении ими преступления в составе организованной группы, УК РФ [4].

В практике применения уголовного закона особую сложность представляет уголовно-правовая оценка действий тех соучастников преступления, которые во время и на месте совершения преступления оказывают содействие исполнителю преступления. Если указанных лиц признавать соисполнителями преступления (лицами, полностью или частично выполнившими объективную сторону конкретного состава преступления), то следует квалифицировать совершенное преступление как групповое. Если содействие этих лиц исполнителю не признавать полным или частичным выполнением объективной стороны конкретного состава преступления, то преступление следует квалифицировать как совершенное в соучастии с юридическим разделением ролей в смысле ст. 33 УК РФ.

В теории уголовного права не раз обращалось внимание на складывающуюся в судебной практике тенденцию к расширительному толкованию такой формы соучастия, как соисполнительство, когда «соисполнителями реально признаются не только лица, совместно исполнившие деяние, описанное в диспозиции статьи Особенной части УК, но и лица, одно из которых на месте и во время совершения преступления согласно предварительной договоренности выполняло фактически пособнические действия, оказывая второму лицу существенную помощь в достижении преступного результата» [5. С. 210]. Комментируя положения Постановления Пленума Верховного Суда

РФ № 29 от 27.12.2002 г., Н.А. Лопашенко пришла к выводу, что некоторые его положения расходятся с положениями уголовного закона, содержат ограничительное толкование понятия устранения препятствий при пособничестве, которое не согласуется с редакцией ч. 5 ст. 33 УК РФ [6]. В частности, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» рекомендовано относить к соисполнителям хищения лиц, которые не изымают имущество, а оказывают непосредственное содействие исполнителю в совершении преступления: не проникают в жилище, но участвуют во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозят похищенное, подстраховывают других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления [7. С. 3]. Проанализировав указанное положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ, А.В. Бриллиантов и П.С. Яни оценили его как призыв к применению по аналогии нормы о соисполнительстве и нормы об ответственности за групповое хищение (в части квалификации действий подстраховывающего лица) [8. С. 35].

Применительно к теме нашего исследования заслуживает внимания уголовно-правовая оценка подстраховывания от возможного обнаружения совершаемого преступления. Причиной тому является практика расширительного толкования соисполнительства, которая сложилась и в отношении применения группового признака вандализма. Так, приговором Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан Гайфуллин, Чулочников и Тлспаев признаны виновными в совершении вандализма группой лиц при следующих обстоятельствах. 16 декабря 2010 г. указанные лица в ходе переписки через Интернет договорились о встрече для учинения по предложению Гайфуллина на стенах зданий и сооружений г. Нефтекамска различных надписей, в том числе нецензурного характера. На следующий день указанные лица с помощью баллончиков с аэрозольной краской черного цвета эти надписи нанесли, осквернив несколько зданий и сооружений города. При этом согласно предварительной договоренности, состоявшейся в ходе встречи до совершения преступления, Гайфуллин наносил текстовые надписи, а Чулочников и Тлспаев оказывали ему помощь, наблюдая по сторонам с той целью, чтобы никто не мог помешать нанесению надписей и предупредить Гайфуллина в случае появления посторонних лиц. Кроме того, Чулочников оказал содействие Гайфуллину, предоставив ему свой баллончик с аэрозольной краской для нанесения надписи на стене здания, когда у последнего закончился баллончик, которым он наносил соответствующие надписи. Суд квалифицировал действия указанных лиц по ч. 2 ст. 214 УК РФ как вандализм, совершенный группой лиц [9].

Полагаем, что такая квалификация вандализма, совершенного в соучастии, как группового преступления является ошибочной. Наша критика судебной практики по применению этого группового признака основывается на том, что законодатель, выделив отдельно участников группового преступления (соисполнителей) и соучастников с юридическим распределением ролей (ст. 33 УК РФ), дифференцировал их уголовную ответственность [10. С. 27–29].

Критерии разграничения соисполнительства и пособничества сформулированы в ст. 33 УК РФ. Соисполнителя от иных соучастников, в том числе и пособника, отличает совершение действия или бездействия, соответствующего признаку объективной стороны, указанному в статье Особенной части УК РФ, либо непосредственно, либо посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу указанных в законе обстоятельств. Роль пособника иная – способствовать совершению преступления, оказывать необходимую помощь лицу, которое собирается выполнить или выполняет объективную сторону конкретного преступления. Иными словами, поведение пособника лежит за пределами объективной стороны преступления, в котором он умышленно принимает участие совместно с другими лицами.

Как следует из приговора Нефтекамского городского суда, между соучастниками изначально была достигнута договоренность о том, что текстовые надписи будет наносить Гайфуллин, а Чулочников и Тлспаев, оказывая ему непосредственную помощь, будут наблюдать по сторонам, чтобы никто не мог помешать Гайфуллину в момент нанесения надписей и предупредить его в случае появления посторонних лиц. Чулочников и Тлспаев утверждали, что они даже не знали, каково будет конкретное содержание написанного. Поэтому приведенный пример свидетельствует о том, что действия, образующие объективную сторону вандализма (осквернение зданий и сооружений), выполнены Гайфуллиным. Действия Чулочникова и Тлспаева, несмотря на их нахождение на месте и во время совершения вандализма, оказались лишь пособничеством этому преступлению и должны квалифицироваться со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Именно такой подход к уголовно-правовой оценке роли соучастников вандализма обоснован в приговоре Таганского районного суда г. Москвы. Преступление было совершено при схожих обстоятельствах. Исполнителем акта вандализма было признано лицо, которое осквернило здание, расположенное по адресу: г. Москва, Котельническая набережная, д. 1/15, являющееся объектом культурного наследия, путем покраски звезды, венчающей шпиль указанного здания. Действия Подрезова были квалифицированы как пособничество вандализму, его участие в акте вандализма выразилось в том, что он провел исполнителя в указанное здание к шпилю, минуя охрану, после чего оставался на площадке, наблюдая за окружающей обстановкой, в целях оповещения исполнителя о возможной опасности. Таганский районный суд г. Москвы пришел к выводу, что Подрезов своими действиями способствовал совершению преступления исполнителем, и квалифицировал содеянное им со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Кроме того, органами предварительного следствия действия Подрезова были квалифицированы по ч. 2 ст. 214 УК РФ как вандализм, совершенный группой лиц, но, расценив его действия как пособничество, суд исключил из обвинения признак совершения вандализма группой лиц, поскольку исполнителем являлось лишь одно лицо [11].

Квалифицируя вандализм, совершенный группой лиц (ч. 2. ст. 214 УК РФ), как соисполнительство, считаем допустимым в качестве участников группового посягательства рассматривать только тех соучастников, которые полностью или частично сами выполнили объективную сторону вандализма, прежде всего составляющие его действия – осквернение зданий или соору-

жений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах – или осуществили эти действия посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности или иных, предусмотренных законом обстоятельств. Если считать соисполнителями вандализма тех соучастников, кто во время и на месте совершения преступления оказывает содействие лицам, выполняющим действия, входящие в объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, то невозможно будет установить отличие между соисполнителями и лицами, действия которых уголовный закон отличает от исполнительства, придавая им иное уголовно-правовое значение, называя таких лиц организатором, подстрекателем или пособником (ст. 33 УК РФ).

Литература

1. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк, 2014. 84 с.
2. Приговор и.о. мирового судьи судебного участка № 254 Ступинского судебного района Московской области Российской Федерации от 14 июля 2016 г по уголовному делу № 1-15/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-254-mirovogo-sudi-stupinskogo-sudebnogo-raiona-moskovskoj-oblasti-s/act-230922294/>
3. Определение мирового судьи Хиславичского района Смоленской области по уголовному делу № 1-48/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-49-mirovogo-sudi-hislavichskogo-raiona-smolenskoj-oblasti-s/act-231927853/>
4. Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2010 г. № 9-О10-40. URL: <https://www.lawmix.ru/vas/10073>
5. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2010. 277 с.
6. Лопашенко Н. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ по хищениям // Законность. 2003. № 3. С. 31–35.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
8. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование // Законность. 2013. № 6. С. 31–36.
9. Приговор Нефтекамского городского суда по уголовному делу № 1-221/2011. URL: <http://судебныерешения.рф/bsr/case/3115532>
10. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2014. 112 с.
11. Приговор Таганского районного суда г. Москвы по уголовному делу 1-243/2015. URL: <http://судебныерешения.рф>

Shesler Alexander V., Belaryova Olga A. Kuzbass Institute of Federal service of execution of punishments (Novokuznetsk, Russian Federation)

TO THE ISSUE OF QUALIFICATION OF JOINT PARTICIPATION IN VANDALISM

Key words: vandalism, commission of crimes by a group of persons, joint participation, securing against crime detection.

Current criminal legislation considers the commission of vandalism by a group of persons (Part 2, Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation) to be its defining characteristic.

This form of crime is characterized by joint commission of crime by two or more persons, each of which is a subject of the corresponding crime (general or special), as well as by full or partial implementation of *actus reus* of a concrete *corpus delicti*, and ultimately, its main part – act. It is necessary to support the position of those courts, which qualify the actions of accomplices of vandalism as com-

mitted by a group of persons when accomplices are involved in acts under Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation fully or partially.

In practice of criminal law application, the most complicated issue is criminal legal evaluation of actions of those accomplices of crime who render assistance to the actual perpetrator in the course of crime commission. In relation to the subject of our research, the criminal legal evaluation of securing against crime detection deserves special attention. This is caused by a broad interpretation of joint participation concerning the application of a group element of vandalism. The article gives some sentences containing a criminal legal evaluation of actions of persons, who during the commission of acts of vandalism secured the perpetrator from possible detection of crime. Such actions can be recognized as joint participation or accessory in crime.

The criteria for differentiation between joint participation and complicity are formulated in Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. The role of an accomplice is to promote the commission of crime, to give necessary help to the person who is going to carry out or carries out the *actus reus* of a concrete crime. In other words, the behavior of the accomplice lies beyond the *actus reus* of a crime in which he deliberately takes part together with other persons. Considering vandalism committed by a group of persons (Part 2, Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation), as joint participation, we take into account only those accomplices who, being the participants of a group encroachment, carried out the *actus reus* of vandalism either fully or partially.

Those participants who in the course of crime commission help the people to carry out the acts constituting the *actus reus* of *corpus delicti* provided for in Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be considered accomplices. Otherwise, it will be impossible to establish the difference between accomplices and those people whose actions the criminal law distinguishes from performance, giving them another criminal and legal significance, calling such persons the organizers, instigators or accomplices (Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation).

References

1. Shesler, A.V. (2014) *Souchastie v prestuplenii* [Participation in a crime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
2. Rospravosudie. (2016a) *Decision of the Acting Magistrate of Judicial Section No. 254 of Stupino Judicial District, Moscow Region, the Russian Federation, of July 14, 2016, in criminal case No. 1-15 / 2016*. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-254-mirovogo-sudi-stupinskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-230922294/>. (In Russian).
3. Rospravosudie. (2016b) *Decision of the magistrate in Khislavichsky district, Smolensk Region, in criminal case No. 1-48 / 2016*. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-49-mirovogo-sudi-xislavichskogo-rajona-smolenskoj-oblasti-s/act-231927853/>. (In Russian).
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2010) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 26.08.2010 g. № 9-O10-40* [Decision No. 9-O10-40 of the Supreme Court of the Russian Federation of August 26, 2010]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/vas/10073>.
5. Pudovochkin, Yu.E. (2010) *Uchenie o prestuplenii* [The doctrine of crime]. 2nd ed. Moscow: Yurlitinform.
6. Lopashenko, N. (2003) *Novoe Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF po khishcheniyam* [New resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on embezzlement]. *Zakonnost'*. 3. pp. 31–35.
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2003) *Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 29 ot 27.12.20.02 "O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe"* [Decision No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002, "On judicial practice in cases of theft and robbery"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
8. Brilliantov, A.V. & Yani, P.S. (2013) *Primenenie norm o souchastii: analogiya ili tolkovanie* [Application of the rules of complicity: Analogy or interpretation]. *Zakonnost'*. 6. pp. 31–36.
9. Sudebnyeresheniya.rf. (2011) *Prigovor Neftekamskogo gorodskogo suda po ugovnomu delu № 1-221/2011* [Verdict of the Neftekamsk City Court in the criminal case No. 1-221 / 2011]. [Online] Available from: <http://sudebnyeresheniya.rf/bsr/case/3115532>.

10. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2014) *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty prestupleniy protiv sobstvennosti* [Criminal, legal and criminological aspects of crimes against property]. Novosibirsk: Al'fa-Porte.

11. Sudebnyeresheniya.rf. (2015) *Prigovor Taganskogo rayonnogo suda g. Moskvy po ugolovnomu delu 1-243/2015* [Decision of the Tagansky District Court of Moscow in Criminal Case 1-243 / 2015]. [Online] Available from: <http://sudebnyeresheniya.rf>.

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 349.6

DOI: 10.17223/22253513/23/12

А.П. Анисимов

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО СОСЕДСКОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье доказывается, что возникшее в эпоху Древнего Рима как институт частного права соседское право претерпело за последующие столетия существенную трансформацию. Проблемы современного соседского права приобретают все признаки комплексности, а их надлежащее регулирование возможно только путем синтеза достижений и методов различных общественных, гуманитарных и иных наук. Единого правового механизма разрешения всех соседских конфликтов не существует. Поэтому задача современной юридической науки заключается в разработке сложной системы «сдержек и противовесов», которая будет включать как классические римские механизмы, так и публичные методы разрешения конфликтов, выработанные в эпоху глобализации.

Ключевые слова: *соседские споры, законопроект, сельское хозяйство, зонирование, животноводческие фермы, жилищная застройка, шум, запах, климат, нанотехнологии.*

Появление соседских отношений первоначально было вызвано переходом родовых общин от охоты и собирательства к оседлому земледелию. Первые конфликты между соседями разрешались согласно обычаям и традициям соответствующих народов, и лишь много позднее, с появлением позитивного права, разрешение соседских споров и конфликтов начинает переходить на более формализованную основу. Уже в своде законов вавилонского царя Хаммурапи мы встречаем первые формулы разрешения конфликтов между соседями, однако наиболее удачными и подробными оказались соседские нормы Рима. Дальнейшее развитие правового регулирования соседских отношений приобретает ярко выраженную национальную основу, а с середины XIX в. к «классическим» угрозам и конфликтам добавляются обусловленные научно-техническими и экологическими факторами. Особенно ярко это начинает проявляться в XXI в. Несмотря на эту тенденцию, анализ законодательства, правовой доктрины и судебной практики России и стран СНГ показывает неготовность наших правовых систем к разрешению даже «классических» соседских споров, существующих без особых изменений со времен римского права. Новейшие вызовы и угрозы соседским отношениям просто игнорируются. Так, на данный момент в России отсутствует глава в Гражданском кодексе (ином законе), прямо посвященная соседским правам.

Аналогичную ситуацию мы прослеживаем в ГК Армении, Украины, Беларуси и Кыргызской Республики, законодатели которых ограничиваются упоминанием соседских прав применительно к сервитутам или правам соседей жилых помещений. Лучше обстоят дела в ГК Грузии, включающем спе-

циальный раздел о соседских правах и определяющем принципы соседского права (обязанность взаимного уважения; обязанность терпеть соседское воздействие; недопустимость посягательства на права соседа и т.д.). В статьях ГК Грузии подробно (под влиянием римского права и действующих европейских кодексов) описываются стандарты поведения при межевых конфликтах, в случае свисания ветвей на участок соседа, сбора плодов и т.д. Аналогичные главы содержатся в ГК Туркменистана и Азербайджана.

С учетом этих примеров Государственная Дума Российской Федерации разработала законопроект № 47538-6, предусматривающий внесение изменений в Гражданский кодекс России в части соседских отношений [1]. Подробный анализ текста этого законопроекта позволяет сделать вывод о том, что хотя он текстуально немного и отличается от глав ГК Грузии, Азербайджана и Туркменистана, но по своей сути содержит аналогичные нормы, регулирующие соседские отношения в стиле римского права (свисающие ветки, корни, шум со стороны соседа, стоки дождевой воды и т.д.).

Несмотря на отсутствие в настоящий момент в ГК РФ норм о разрешении соседских конфликтов, обобщение судебной практики приводит к выводу о том, что суды в целом справляются с разрешением «классических» соседских споров, применяя нормы как частного, так и публичного права [2, 3, 4]. Между тем современный этап развития соседских отношений демонстрирует появление следующих принципиально новых и сложных угроз:

1. В эпоху массового жилищного строительства самый типичный соседский конфликт в мегаполисах происходит не между двумя владельцами коттеджей, а между несколькими сотнями собственников квартир (земельные участки которых находятся в общей долевой собственности), которые не могут определить порядок распределения машиномест в подземном паркинге или на открытой автостоянке, расположенной между их многоквартирными домами. Столь же типичными будут и споры о признании права общей долевой собственности собственников помещений многоквартирного дома на отдельные нежилые помещения дома (например, подземные гаражи), принадлежащие другим собственникам [5], или споры о праве собственности на участки, предназначенные для размещения автостоянок, не включенные в состав имущества, находящегося в общей долевой собственности жильцов дома [6].

Отдельного упоминания заслуживают споры коллективных собственников домов по поводу размещения в соседнем дворе вышки сотовой связи [7].

Такие конфликты хорошо известны и в других странах мира. В ходе их разрешения сосед, обжалующий размещение на другом участке вышки сотовой связи, должен доказать, что такое изменение ограничивает использование его собственности и уменьшает ее стоимость. Истец вправе обратиться в суд с требованием о компенсации и в том случае, если орган местной власти своим решением изменил условия землепользования, нарушив его права [8]. Продолжаются дискуссии и о возможности размещения на соседних участках рекламных знаков, степени публичного регулирования и форм преодоления «соседских неудобств» (эстетического, информационного и иного плана) [9].

2. Сегодня весьма распространены соседские конфликты между собственником промышленного предприятия, когда-то построенного на окраине города, но впоследствии оказавшегося в центре жилой застройки, и жителями

частных и многоквартирных домов, имеющих на праве частной собственности (или общей долевой собственности) соответствующие земельные участки. Для определения вреда здоровью исходящих от такого завода «запахов» используются экологические нормативы предельно допустимого воздействия вредных веществ. Никак иначе урегулировать параметры и размеры таких выбросов невозможно. Более того, если предлагаемые изменения в ГК РФ будут приняты, это скорее затруднит, чем облегчит судам рассмотрение даже обычных соседских конфликтов. Возьмем для примера «классический» соседский спор, связанный с размещением на участке чрезмерного количества скота, что влечет для соседа неприятные запахи. В настоящий момент этот вопрос разрешается посредством публично-правовых инструментов (санитарных норм и правил). Разрешить его путем реализации римских представлений о «границах терпения» соседа будет довольно сложно, поскольку отсутствует сколько-нибудь объективный критерий измерения этих неудобств.

3. Еще более негативные последствия последуют в случае, если вступят в силу нормы законопроекта, относящие к числу «соседских» вопросы о строительстве зданий и сооружений, которые могут «не понравиться» соседу. Причины такого «недовольства» могут заключаться в том, что жители покупали квартиры или дома потому, что в этом микрорайоне сложились подходящие условия (отсутствие шума, автомобильных и железных дорог, небольшое количество жителей и т.д.). Однако в этом случае такие граждане, запрещая новую застройку в своем или соседнем квартале, будут нарушать публичные интересы. Необходимость отказать им в таком праве заключается в том, что у домовладельцев уже есть «право вето» через градостроительные процедуры, включая зонирование и выборы местных властей [10. Р. 853].

Существующие в большинстве развитых стран мира процедуры градостроительного зонирования означают, что вся территория городского округа делится на территориальные зоны. Для каждой из них устанавливается градостроительный регламент. Именно он и определяет высоту и этажность, процент застройки участка, отступы от края участка, цели использования возводимого объекта (промышленный, жилой, торговый и т.д.). Такие нормы и правила позволяют разрешать не только соседские споры по поводу строительства домов, но и многие другие. Так, в США истец посчитал незаконным вызванное зонированием ограничение его прав на добычу песка и гравия. Он потребовал равной защиты, указав, что его конкуренту правила зонирования разрешили извлекать песок и гравий на 125 акрах соседнего участка. Однако Верховный Суд США пришел к заключению, что в данном случае имеют место существенные различия ландшафта и степени развития этих двух смежных земельных участков. Зонирование осуществляется посредством проведения линий, которые могут принести больше пользы одному владельцу, чем другому. Однако утверждение, что в результате зонирования конкурент мог бы процветать, не достаточно для применения принципа равной защиты [11. Р. 56].

Если же вместо всех этих современных правил использовать предлагаемые российскими парламентариями римские принципы разрешения соседских конфликтов, то гражданское (соседское) и градостроительное право вступят в искусственно созданную коллизию, что едва ли целесообразно.

Другое дело, что соседей можно уведомлять о намечаемом строительстве, как это делается в ряде стран Европы. Однако запрещать строительство недвижимости, отвечающей требованиям закона, такой сосед не вправе.

4. Типичным примером современных соседских конфликтов является воздействие на соседние участки загрязненного воздуха и воды с земельных участков, занятых крупными животноводческими фермами. При этом их соседи несут, во-первых, крупные экономические потери, поскольку такое соседство снижает стоимость их недвижимости. Во-вторых, экологические воздействия промышленного животноводства (загрязнение воздуха, воды) влекут разнообразные медицинские последствия для сельских жителей, которые не могут избежать потребления загрязненной колодезной воды и токсичной воздушной эмиссии. Вредные запахи ухудшают качество жизни соседей, что также влечет значительно более высокий уровень напряженности и депрессии среди жителей-собственников соседних домов и земельных участков [12. Р. 360–361]. В настоящий момент эти проблемы решаются (хотя и не всегда успешно) публично-правовыми методами – путем разработки системы санитарных правил и экологических нормативов, регламентирующих уровень загрязнения водоемов и воздуха животноводческими фермами и устанавливающих вокруг них санитарно-защитные зоны – территориальный барьер до соседней жилой застройки. Попытки решения таких соседских проблем в сельской местности только методами частного права не дадут эффекта.

5. В настоящий момент в России никак не регламентирован такой аспект соседских отношений, как размещение подземных городских объектов. Эти подземные объекты могут быть самыми различными, начиная от автомобильных паркингов или размещения под землей цистерн автозаправочных станций и до прокладки систем инженерных коммуникаций. Сегодня нет никакого реального способа подсчитать общее число подземных резервуаров, которые остаются в земле, последствия от пролитого бензина или других жидкостей. Есть мнение, что такая инвентаризация и ликвидация последствий подземного загрязнения только в США превысит \$ 41 миллиард и займет больше 30 лет [13. Р. 187]. Кроме того, рост с каждым годом информации о провалах асфальта и пострадавших от этого граждан позволяет предложить обсуждение и этого аспекта соседских отношений. Решение данной проблемы может заключаться в том, чтобы распространить действие градостроительных регламентов не только на наземные, но и на подземные объекты, определив тем самым параметры и виды их разрешенного использования в разных территориальных зонах городов, установив ряд запретов. При этом целесообразно и расширение сферы действия публичных слушаний.

6. Отдельную проблему представляет распределение ответственности между продавцом и покупателем участка, загрязненного опасными веществами, причинившими вред соседям. Этот вопрос активно обсуждается в юридической науке США. Отмечается, что разрешение вопросов ответственности будет зависеть от того, знал ли добросовестный приобретатель, что приобретаемая им недвижимость является загрязненной и может оказать негативное воздействие на собственность истца-соседа. При рассмотрении таких дел часто возникает проблема доказывания причинно-следственных связей между наличием опасного вещества и размером причиненного вреда. Это необходи-

мо для пропорционального распределения ответственности между виновными соседями (или прошлыми собственниками участка). Дело в том, что многочисленные типы опасных веществ могут присутствовать в разных местах и происходить из различных источников выбросов, а потому отсутствие потенциальной информации о периоде между выбросом и причинением вреда создает трудности в доказывании причинной обусловленности [14. Р. 273].

Наряду с этим можно выделить специфику соседских конфликтов при наличии рядом земельного участка, используемого для добычи полезных ископаемых (поскольку горная промышленность мало совместима с иными видами землепользования), что особенно очевидно в случае добычи на соседнем участке сланцевого газа или нефти посредством использования технологии гидроразрыва пласта. В этом случае многократно фиксируются жалобы жителей соседних населенных пунктов на загрязненную воду, разрушенные сельскохозяйственные угодья, а также головные боли от переносимых по воздуху токсинов. Они часто рассержены шумом, грузовиками, пылью и странствующими рабочими, живущими на территориях добычи, наводнившими их мирный сельскохозяйственный город [15. Р. 220].

Свою специфику также имеет соседство с участками, занятыми портами, вокзалами, аэропортами (ограничения на отдельные виды деятельности, шум и т.д.); участками, занятыми энергетическими объектами (линиями электропередачи); строительство на соседнем участке каналов, прудов, дамб или иных подобных объектов, что влечет угрозу безопасности соседним участкам из-за возможного прорыва гидротехнических сооружений [16. Р. 117]; создание особо охраняемых природных территорий (при создании рядом с участком гражданина заповедника в его охранных зонах на граждан налагается ряд запретов и ограничений). Отдельно выделим специфику соседских отношений с военными объектами.

Между тем наряду с сохранением соседских конфликтов, существующих со времен римского права, и появлением современных, до конца не решенных проблем соседского права постепенно прорисовываются контуры новых угроз соседским правам, которые обусловлены вызовами эпохи глобализации. К разрешению этого нового поколения соседских конфликтов российская правовая наука, законодательство и суды не готовы в принципе.

1. Уже с конца XX в. происходит бурный рост «зеленой энергетики», связанной с ее получением главным образом от солнечных батарей и ветрогенераторов. Это обусловило значительное изменение соседских отношений, вызванное совершенно другим набором факторов. Данные изменения могут означать выделение в ходе зонирования территорий муниципалитетов отдельных мест, где запрещено осуществлять любое строительство или посадку деревьев, которые могли бы нарушить «солнечные права» соседей, как это уже происходит в США [17]. Кроме того, есть сведения о том, что массовое скопление ветрогенераторов может влиять на климат, ухудшая вентилирование местности. Солнечные батареи вызывают затенение земель, что приводит к изменениям почвенных условий и гибели растительности. Нежелательным экологическим последствием их работы считается нагрев воздуха при прохождении через него солнечного излучения, что ведет к изменению теплового

баланса, влажности, направления ветра. Важным фактором влияния ветрогенераторов на окружающую среду является акустическое воздействие.

Шумовые эффекты от ветровых энергетических установок имеют разную природу и подразделяются на механические (шум от редукторов, подшипников и генераторов) и аэродинамические воздействия. Помехи, вызванные отражением электромагнитных волн лопастями ветровых турбин, могут сказываться на качестве телевизионных и микроволновых радиопередач, а также различных навигационных систем в районе размещения ветрового парка [18].

Наконец, многие граждане считают вид ветряных мельниц не эстетичным, нарушающим их право на «вид из окна». Они жалуются на прямые физиологические последствия работы ветрогенераторов, включая ускоренное сердцебиение, тошноту и ухудшение зрения, вызванные ультранизкочастотным звуком и колебаниями от машин. Возможно появление комплексных соседских исков, где будет утверждаться, что ветряной двигатель громкий, влияет на здоровье, а грязь и пыль попадают на соседний участок, уменьшая его стоимость [19. Р. 520–521].

2. Одной из самых серьезных проблем современности является угроза глобального изменения климата. Согласно официальным докладом, климатические изменения характеризуются изменением температуры воздуха и уровня атмосферных осадков. Тенденции роста температуры воздуха фиксируются в России уже несколько лет. Последствия от таких изменений климата могут быть самые неожиданные. Например, в Волгоградской области, в Волго-Ахтубинской пойме, в 2015 г. разразилась самая сильная в истории региона засуха, повлекшая целый спектр неожиданных последствий.

Во-первых, в мае–июне 2015 г. в деревнях, расположенных в границах Волго-Ахтубинской поймы, были зафиксированы случаи конфликтов между соседями – местными жителями различных поселков из-за доступа к пересыхающим озерам, необходимым для полива сельскохозяйственных культур.

Во-вторых, в Волго-Ахтубинской пойме, а также в самом городе Волгограде стали фиксироваться новые виды растений и насекомых, не свойственных данной местности. Так, впервые за долгие годы наблюдений в окрестностях Волгограда были массово зафиксированы укусы паука каракурта, обитающего южнее в пустынях Средней Азии. Каракурт строит свои убежища на склонах оврагов, канав, в заброшенных строениях, кучах мусора. Из этого следует, что неисполнение собственниками земельных участков своих обязанностей по их рациональному использованию, складирование веток, иного мусора возле своих участков может привести к гнездованию там опасных насекомых, которые угрожают жизни и здоровью всех окрестных соседей. Отмечу также, что в случае размножения таких опасных для человека насекомых невозможно урегулировать конфликт с соседом методами частного права, поскольку рассмотрение гражданского иска займет много времени, зато вмешательство санитарно-эпидемиологических служб даст быстрый эффект.

3. Выше уже отмечался такой «классический» аспект соседских отношений, как конфликты соседей по поводу содержания домашнего скота. Однако кроме неприятных запахов или уничтожения животными посевов, «животно-водческий» аспект соседских отношений в XXI в. все чаще отягощается мас-

совыми болезнями домашнего скота, птичьим или свиным гриппом. Особенно велика вероятность распространения этих болезней на крупных фермах, часто характеризующихся теснотой и антисанитарными условиями содержания птиц или животных, что создает идеальную среду для распространения вирусных болезней среди животных и их передачи человеку. В этой ситуации возникают вопросы о возмещении вреда соседом, не принявшим мер по ветеринарному обследованию больных животных. Необходима разработка новых методик подсчета размера такого вреда и доказывания причинных связей, поскольку от одного зараженного животного такие эпидемии распространяются на весь скот (птицу) в деревне и часто влекут заболевания людей, нередко со смертельным исходом. Необходима разработка и новых методов профилактики таких эпидемий с участием в них всех соседей.

4. Одним из наиболее обсуждаемых технологических прорывов XXI в. является изобретение и массовое использование нанотехнологий. В интересующем нас разрезе следует заметить, что наноматериалы могут попадать в окружающую среду посредством их использования в сельском хозяйстве, промышленности и т.д. При этом медицинские и биологические исследования показывают, что наночастицы далеко не всегда безвредны для здоровья человека и окружающей среды. Попавшие в окружающую среду наночастицы очень трудно биологически разлагаются и усваиваются. Это новый класс загрязнений, вред от которых обусловлен их необычными свойствами, включая мобильность, устойчивость в почве, воде, воздухе, бионакопление, непредсказуемое взаимодействие с химическими и биологическими материалами [20]. И если экологические последствия использования, например, обычных пестицидов достаточно хорошо известны и юристам, и биологам [21], то дальнейшее развитие нанотехнологий повлечет новые выбросы современных заводов или использование нанопестицидов и нано-агрохимикатов в сельском хозяйстве с причинением вреда здоровью или имуществу соседей. И это будет уже совсем новый тип соседских споров.

Таким образом, возникнув в Древнем Риме как институт частного права, соседское право существенно изменилось за последующие столетия. Проблемы современного соседского права приобретают все признаки комплексности, а их надлежащее регулирование возможно только путем синтеза достижений и методов различных общественных, гуманитарных и иных наук. На усиление этой специфики сильно влияет динамика расселения населения, что влечет появление гигантских городов-мегаполисов, в которых одновременно проживают миллионы человек. Это ведет к возникновению новых видов и форм соседских отношений, не существовавших ранее.

Очевидно, что никакого единого правового механизма разрешения всех соседских конфликтов не может быть в принципе. Поэтому речь должна идти о развитии сложной системы сдержек и противовесов, которая будет включать как классические римские механизмы, так и публичные методы разрешения конфликтов, выработанные в эпоху глобализации. Применительно к России большую роль в снижении накала соседских проблем могло бы сыграть не только внесение изменений в Гражданский кодекс, но и развитие системы общественного контроля, внедрение системы соседской медиации, развитие полномочий органов местного самоуправления.

При этом необходимость развития публичных методов регулирования отношений между соседями не означает полного отказа от римской идеи толерантности в соседских отношениях, необходимости «терпения воздействия со стороны соседа». Скорее речь идет о дальнейшем развитии критериев недопустимого воздействия с учетом новых потребностей жизни, с субсидиарным применением имеющихся в публичном праве норм и правил как основных критериев выхода за допустимое воздействие в отношениях соседей.

Литература

1. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов Российской Федерации)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=47538-6&02> (дата обращения: 29.04.2016).
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18 декабря 2014 г. по делу № 33-18100/2014 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2016).
3. Апелляционное определение Московского областного суда от 27 августа 2014 г. по делу № 33-18883/2014 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2016).
4. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 9 сентября 2012 г. по делу № 33-20323/2012 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2016).
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 марта 2015 г. по делу № А46-7540/2014 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2016).
6. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 января 2014 г. № ВАС-16030/13 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2016).
7. Определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2015 г. № 309-ЭС15-5293 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.04.2016).
8. *Sommers L.* A Practical Guide to Measure 37 // *Journal of Environmental Law and Litigation*. 2005. Vol. 20. P. 218–219.
9. *Loshin J.* Property in the Horizon: The Theory and Practice of Sign and Billboard Regulation // *Environ.* 2006. Vol. 30. P. 144–153.
10. *Lewyn M.* Yes to Infill, no to Nuisance // *Fordham Urban Law Journal*. 2015. Vol. XLII.
11. *Kramer B.M.* Local Land Use Regulation of Extractive Industries: Evolving Judicial and Regulatory Approaches // *Journal of Environmental Law*. 1996. Vol. 14.
12. *Murphy L.B.* CAFO Grief: Using Tax Grieving Procedures to Protest Industrial Animal Factories // *Journal of Environmental Law and Litigation*. 2008. Vol. 23.
13. *Johnson J.E.* Environmental Stigma Damages: Speculative Damages in Environmental Tort Cases // *Journal of Environmental Law*. 1996/97. Vol. 15.
14. *Sarlo C.H.* A Comparative Analysis: The Affirmative Defense of an Innocent Landowner versus the Prima Facie Case of a Toxic Tort Plaintiff: Can CERCLA's Innocent Landowner Provision Be Used as a Defense in a Toxic Tort Suit? // *Pace Environmental Law Review*. 1999. Vol. 16. № 2. P. 272–278.
15. *Apple B.E.* Mapping Fracking: an Analysis of Law, Power, and Regional Distribution in the United States // *Harvard Environmental Law Review*. 2014. Vol. 38.
16. *Pensley D.S.* The Legalities of Stream Interventions: Accretive Changes to New York State's Riparian Doctrine Ahead? // *Pace Environmental Law Review*. 2008. Vol. 25.
17. *Klass A.B.* Property Rights on the New Frontier: Climate Change, Natural Resource Development, and Renewable Energy // *Ecology Law Quarterly*. 2011. Vol. 38. P. 97–103.
18. *Сылкина С.М.* Международно-правовые аспекты рационального использования альтернативных источников энергии. URL: http://rusnauka.com/Page_ru.htm (дата обращения: 09.04.2016).

19. Walker R.K. The answer, my friend, is blowin' in the wind: nuisance suits and the perplexing future of American wind farms // *Drake Journal of Agricultural Law*. 2011. Vol. 16.

20. Анциферова И.В. Источники поступления наночастиц в окружающую среду // *Вестн. Перм. национ. иссл. политех. ун-та. Машиностроение, материаловедение*. 2012. Т. 14, № 2. С. 54–66.

21. Morriss A.P., Meiners R.E. Market Principles for Pesticides // *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. 2003. Vol. 28. P. 67–70.

Anisimov Aleksey P. Volgograd Institute of management (Volgograd, Russian Federation)

INFLUENCE OF AN ECOLOGICAL FACTOR ON THE CONTENT OF MODERN LAW OF NEIGHBORING TENEMENTS: SOME PROBLEMS AND WAYS OF THEIR DECISION

Key words: disputes between neighbors, bill, agriculture, zoning, livestock farms, housing estate, noise, smell, climate, nanotechnologies.

Being the institute of private law in Ancient Rome, the law of neighboring tenements underwent essential transformations during the next centuries. The problems of modern neighboring tenements law have all signs of complexity, and their due regulation is possible only by synthesis of achievements and methods of various social, humanitarian and other sciences.

The dynamics of resettlement of population has the impact on the emergence of huge cities - megalopolises where millions of people live at the same time. This results in the formation of new kinds and types of relations between neighbors including the conflicts between neighbors-residents of blocks of flats, placement of underground objects, solar rights of neighbors and damage by nanotechnologies.

It is obvious that no universal legal mechanism for resolving all conflicts between neighbors can exist in principle. Therefore, we can speak about the development of a complicated system of checks and balances, which includes both classical Roman mechanisms and public methods for resolving conflicts that were elaborated in the epoch of globalization. In relation to Russia not only the introduction of amendments to the Civil Code, but the development of public control system, the implementation of the system of neighbors' mediation and the enlargement of local bodies' powers could decrease the tension of neighbors' problems.

Moreover, the need to develop public methods for the regulation of relations between neighbors does not mean total disregard of the Roman idea of tolerance in disputes between neighbors, the need "to endure the actions of neighbors". We speak about further development of the criteria of inadmissible actions taking into account new requirements of life, a subsidiary application of the existing norms and rules as the basic criteria of admissible actions in relations between neighbors.

References

1. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *Zakonoproekt № 47538-6 "O vnesenii izmeneniy v chasti vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu zakonodatel'nykh aktov (otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii)"* [Bill No. 47538-6 "On Amendments to Part Two and Fourth of the Civil Code of the Russian Federation and the Repeal of Legislative Acts (Certain Provisions of the Legislative Acts of the Russian Federation)"]. [Online] Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=47538-6&02>. (Accessed: 29th April 2016).

2. The Supreme Court of the Republic of Bashkortostan. (2014) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 18 dekabrya 2014 g. po delu № 33-18100/2014* [Appeal Decision of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of December 18, 2014 in Case No. 33-18100 / 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1085329#0>. (Accessed: 29th April 2016).

3. Moscow Regional Court. (2014) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 27 avgusta 2014 g. po delu № 33-18883/2014* [Appeal Decision of Moscow Regional Court of August 27, 2014 in Case No. 33-18883 / 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1003980#0>. (Accessed: 29th April 2016).

4. Krasnodar Territory Court. (2012) *Apellyatsionnoe opredelenie Krasnodarskogo kraevogo suda ot 9 sentyabrya 2012 g. po delu № 33-20323/2012* [Appeal of the Krasnodar Krai Court of September 9, 2012, in Case No. 33-20323 / 2012]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=480813#0>. (Accessed: 29th April 2016).
5. Arbitration Court of the West Siberian District. (2014) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 19 marta 2015 g. po delu № A46-7540/2014* [Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of March 19, 2015, in Case No. A46-7540 / 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=125155#0>. (Accessed: 29th April 2016).
6. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. (2014) *Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 13 yanvarya 2014 g. № VAS-16030/13* [Decision of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 13, 2014 No. VAS-16030/13]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=372251#0>. (Accessed: 29th April 2016).
7. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 25 maya 2015 g. № 309-ES15-5293* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of May 25, 2015 No. 309-ES15-5293]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=427287#0>. (Accessed: 29th April 2016).
8. Sommers, L. (2005) A Practical Guide to Measure 37. *Journal of Environmental Law and Litigation*. 20. pp. 218–219.
9. Loshin, J. (2006) Property in the Horizon: The Theory and Practice of Sign and Billboard Regulation. *Environs*. 30. pp. 144–153. DOI: 10.2139/ssrn.902669
10. Lewyn, M. (2015) Yes to Infill, no to Nuisance. *Fordham Urban Law Journal*. XLII.
11. Kramer, B.M. (1996) Local Land Use Regulation of Extractive Industries: Evolving Judicial and Regulatory Approaches. *Journal of Environmental Law*. 14.
12. Murphy, L.B. (2008) CAFO Grief: Using Tax Grieving Procedures to Protest Industrial Animal Factories. *Journal of Environmental Law and Litigation*. 23.
13. Johnson, J.E. (1996/97) Environmental Stigma Damages: Speculative Damages in Environmental Tort Cases. *Journal of Environmental Law*. 15.
14. Sarlo, C.H. (1999) A Comparative Analysis: The Affirmative Defense of an Innocent Landowner versus the Prima Facie Case of a Toxic Tort Plaintiff: Can CERCLA's Innocent Landowner Provision Be Used as a Defense in a Toxic Tort Suit? *Pace Environmental Law Review*. 16(2). pp. 272–278.
15. Apple, B.E. (2014) Mapping Fracking: an Analysis of Law, Power, and Regional Distribution in the United States. *Harvard Environmental Law Review*. 38.
16. Pensley, D.S. (2008) The Legalities of Stream Interventions: Accretive Changes to New York State's Riparian Doctrine Ahead? *Pace Environmental Law Review*. 25.
17. Klass, A.B. (2001) Property Rights on the New Frontier: Climate Change, Natural Resource Development, and Renewable Energy. *Ecology Law Quarterly*. 38. pp. 97–103. DOI: 10.15779/Z38NZ73
18. Sylkina, S.M. (n.d.) *Mezhdunarodno-pravovye aspekty ratsional'nogo ispol'zovaniya al'ternativnykh istochnikov energii* [International legal aspects of rational use of alternative energy sources]. [Online] Available from: http://rusnauka.com/Page_ru.htm. (Accessed: 9th April 2016).
19. Walker, R.K. (2011) The answer, my friend, is blowin' in the wind: nuisance suits and the perplexing future of American wind farms. *Drake Journal of Agricultural Law*. 16.
20. Antsiferova, I.V. (2012) Sources of nanoparticles inflow to the environment. *Vestn. Perm. natsion. Issl. politekh. un-ta. Mashinostroenie, materialovedenie – Bulletin PNRPU. Mechanical engineering, materials science*. 14(2). pp. 54–66. (In Russian).
21. Morris, A.P. & Meiners, R.E. (2003) Market Principles for Pesticides. *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. 28. pp. 67–70.

УДК 34.03

DOI: 10.17223/22253513/23/13

А.Д. Кириллова

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ СУДЬИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКРЕЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

В статье исследуются правовые позиции, формируемые в процессе реализации судьями дискреционных полномочий; сделан вывод о возможности существования устных правовых позиций судей; рассмотрены особенности применения норм процессуального права при реализации дискреционных полномочий судей.

Ключевые слова: правовые позиции, дискреционные полномочия, судья, правоприменительная деятельность.

Судебная власть является неотъемлемым институтом любого демократического государства. Потребность в судебной власти вызвана, с одной стороны, необходимостью защиты конституционного строя, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а с другой стороны, необходимостью разрешения споров, постоянно возникающих в различных сферах жизни общества.

Правоприменительная деятельность судебных органов по рассмотрению юридических споров осуществляется исключительно с помощью правовых средств и направлена на реализацию норм закона. Неопределенность и противоречивость нормы закона, наличие в них пробелов и дефектов значительно затрудняют правоприменительную деятельность судей. В настоящее время представители юридической науки высказывают различные предложения по преодолению недостатков законодательства в процессе судебного правоприменения. Так, например, Б.Я. Бляхман считает, что для оперативного восполнения пробелов в законодательстве необходимо предусмотреть специальную процедуру в деятельности судебных учреждений, в процессе которой суды оценивают факты, действия, ситуации и на основе убежденности в их истинности вырабатывают правовые позиции, которые становятся своеобразным правилом как для принятия решения по конкретному делу, так и для решения аналогичных дел в последующем [1. С. 74]. В настоящее время подобная процедура в законодательстве официально не закреплена, однако в деятельности судьи в процессе правоприменительной деятельности на основе закона и своего усмотрения могут формулировать собственные правовые позиции в целях преодоления пробелов, дефектов и неопределенностей в законодательстве, а также в целях эффективного осуществления функции по отправлению правосудия. Указанная деятельность судей опирается на их профессиональный опыт и внутреннее убеждение, принципы права и представляет собой реализацию дискреционных полномочий судей.

Дискреционные полномочия – довольно распространенное явление в правоприменительной деятельности судей. Данный факт можно объяснить тем, что неопределенность и абстрактность, являясь неотъемлемыми свойствами

норм закона, а также наличие пробелов или дефектов в законодательстве зачастую заставляют судью по своему усмотрению решать жизненные ситуации правового характера. Довольно часто само законодательство содержит достаточно большое количество норм, которые непосредственно предоставляют судье свободу действий или устанавливают конкретные пределы судебного усмотрения.

В подтверждение того, что судьи нередко прибегают к использованию дискреционных полномочий, можно привести следующие статистические данные: из трехсот изученных автором решений судей арбитражного суда Калининградской области 30% принято с использованием дискреционных полномочий. Анализ данных судебных актов также позволил сделать вывод, что результат реализации судьями дискреционных полномочий отражен в судебных решениях в виде правовых позиций, лежащих в основе правоприменительного решения или действия. Представляется, что правовая позиция является дополнительным итогом реализации судьями дискреционных полномочий, который формируется попутно с основным результатом в виде рассмотрения судебного дела или разрешения процессуального вопроса. Если представить дискреционные полномочия судей как особую юридическую конструкцию, то правовую позицию можно рассматривать в качестве одного из элементов такой конструкции, включающей также нормы права, субъективное право и свободу усмотрения судьи в выборе модели поведения.

В современной юридической литературе правовая позиция рассматривается в качестве общетеоретического понятия. Н.А. Власенко определяет правовую позицию как идею, основанную на правовых мотивах юридического решения фактической ситуации [2. С. 80, 84]. При этом ученый отмечает, что основу правовой позиции составляют мыслительные операции. Б.Я. Бляхман считает, что правовая позиция – это результат оценки фактической реальности и система аргументов, выводов и предложений по её правовому урегулированию [1. С. 74].

Многие авторы обращают внимание на то, что правовая позиция имеет выражение в тексте официального правоприменительного акта. Так, А.Г. Самусевич под правовой позицией понимает собственное мнение (убеждение) субъекта правоприменения, которое сформировалось в процессе оценки фактических обстоятельств конкретного юридического дела, действующих норм права, правовых принципов и обыкновений правоприменительной практики, реализованное в правоприменительном решении и отображенное в акте применения права [3. С. 299]. По мнению Н.А. Власенко, материальным носителем правовых позиций выступает текст правоприменительного акта [2. С. 84]. Однако такое положение не всегда однозначно. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу процессуального законодательства.

По общему правилу судебные акты должны быть мотивированы, о чем указано в ч. 4 ст. 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 4 ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 4 ст. 7 и ст. 305 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Совокупность отраженных в судебном акте аргументов выражает правовую позицию судьи по делу. Однако имеют место случаи, когда у судьи отсутствует обязанность выражать развернутую аргументацию и выносить

мотивированный судебный акт относительно отдельных процессуальных действий. Так, например, факт удовлетворения или отказа в удовлетворении ходатайств, заявленных участвующими в деле лицами в ходе судебного заседания, в обязательном порядке отражается в протоколе судебного заседания, однако у судьи отсутствует обязанность отражать его в судебном акте.

В качестве конкретного примера можно привести ч. 2 ст. 161 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в силу которой результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания. При этом в случае необходимости судья все же может аргументировать в судебном акте свое решение по данному вопросу, что не является обязательным, но в то же время не считается нарушением норм закона или правовых принципов. Указание в судебном акте на разрешение ходатайства и изложение мотивов его удовлетворения или отказа в удовлетворении представляет собой правовую позицию. Отсутствие подобного указания в судебном акте не означает, что судья не имеет правовой позиции по рассмотренному в судебном процессе ходатайству. Такая правовая позиция может быть высказана судьей в судебном заседании в устной форме.

Возможность существования устных правовых позиций прямо следует из действующего российского законодательства. С 2013 г. в силу чч. 3 и 4 ст. 199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации мировой судья может не составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу, если лицо, участвующее в деле, не заявило о составлении такого решения.

Из сказанного вытекает, что правовые позиции могут выражаться как в письменной, так и в устной форме.

В подтверждение изложенной нами позиции можно сослаться на тот факт, что Верховный Суд Российской Федерации может высказываться по любым спорным вопросам судебной практики, в том числе и в отношении вопросов, которые не обязательны для фиксации судьями в судебных актах и обычно высказываются в устном виде при проведении судебного заседания. Из этого следует, что по одним и тем же правовым вопросам могут формулироваться как письменные, так и устные правовые позиции.

Иными словами, наличие у судьи правовой позиции не зависит от факта отражения ее в официальном судебном акте, вынесенном судьей при рассмотрении дела, или в судебных актах вышестоящих инстанций. Таким образом, отображение правовой позиции в правоприменительном акте нельзя рассматривать как ее признак.

Основу правовой позиции, выступающей в качестве итога мыслительной деятельности судьи, всегда составляет какой-либо принцип или идея. По нашему мнению, правовая позиция состоит из окончательного вывода и его обоснования, соответствующих праву и закону. Особенностью устной правовой позиции является то обстоятельство, что вывод по рассматриваемому вопросу заносится в протокол судебного заседания в виде ясной формулировки, при этом обоснование заносится кратко. Обоснование правовой позиции включает в себя изложение фактической основы дела, оценку судом до-

казательств и фактических обстоятельств дела, а также ссылки на применяемые нормы закона.

Судебные акты, составленные в письменной форме, как правило, содержат правовые позиции с развернутым и подробным обоснованием и в силу этого представляют собой достаточно большие по объему тексты. В свою очередь, протокол судебного заседания, в котором отражаются результаты рассмотрения всех заявленных в ходе судебного заседания ходатайств, выступает в качестве средства фиксации всего процесса проведения судебного заседания. Данный процессуальный документ имеет вспомогательный характер и составляется секретарем судебного заседания или помощником судьи. Указанные работники аппарата суда вносят в протокол судебного заседания устные (протокольные) определения со слов судьи, председательствующего в судебном заседании. Сказанное представляет собой сложный процесс, который требует от судьи большой концентрации внимания, умения оперативно разрешать возникающие в ходе судебного процесса вопросы, в том числе и заявленные сторонами ходатайства. В силу указанного, по нашему мнению, подробная мотивировка устных правовых позиций на практике не находит выражения в протоколах судебного заседания. Изложенное свидетельствует о сложности, а порой и невозможности научного и практического анализа устных правоприменительных позиций судей, не отраженных в судебных решениях.

Анализ судебных актов, принимаемых на основе дискреционных норм российского законодательства, показал, что устная правовая позиция, сформированная в рамках реализации дискреционных полномочий судей, чаще всего используется при применении судьями норм процессуального права. В научной доктрине процессуальные нормы рассматриваются как обеспечивающие деятельность по реализации норм материального права. Как утверждает Л.Н. Берг, процессуальное право – это так называемое организационное право, наличие которого обусловлено потребностью в специфической юридической технологии, организации поступательного процесса реализации норм материального права [4. С. 59]. В настоящее время в области общей теории права не часто поднимается вопрос о применении процессуальных норм. Правоприменение рассматривается как деятельность компетентных органов по реализации правовых норм путем вынесения индивидуально-конкретных предписаний [5. С. 347, 348]. Подобное классическое понимание правоприменения подразумевает процесс применения норм материального права. Основные общепринятые в теории права понятия и концепции, по сути, описывают различные аспекты норм материального права, однако особенности процессуальных норм редко изучаются исследователями.

В то же время формально процессуальные нормы равны по юридической силе нормам материального права, обладают теми же признаками общеобязательности, формальной определенности, гарантированности государством, так же устанавливают права и обязанности участников общественных отношений, которые являются предметом их регулирования. В связи с указанным, по нашему мнению, необходима более детальная научная разработка вопроса об общетеоретическом понятии правоприменения в единстве с нормами процессуального права.

Являясь своеобразным элементом правоприменительной деятельности (в общепринятом смысле этого понятия), дискреционные полномочия реализуются при установлении фактических обстоятельств дела в процессе сбора доказательств, когда свобода выбора вариантов поведения предусмотрена процессуальной нормой, а также при вынесении окончательного судебного акта путем формирования аргументированной правовой позиции по рассматриваемому делу [6. С. 199]. Из приведенного высказывания можно сделать вывод о том, что применение норм процессуального закона входит в процедуру правоприменения норм материального права как его неотъемлемая часть. Сказанное позволяет констатировать, что применение норм процессуального права и реализация дискреционных полномочий на основе этих норм происходит на одном из этапов правоприменения в его классическом понимании. Порядок применения процессуальных норм носит упрощенный характер. Согласно общепринятой теории существует три этапа в правоприменительной деятельности: установление фактических обстоятельств дела, установление юридической основы дела, принятие правоприменительного акта [5. С. 348]. Как нам представляется, этапы применения процессуальных норм имеют определенные особенности:

- фактические обстоятельства дела не подлежат выявлению, поскольку судья руководствуется доводами ходатайства и приобщенными к делу доказательствами, объяснениями стороны и делает выводы на основе уже имеющихся сведений;
- применяемые процессуальные нормы определены и ограничены пределами процессуального закона;
- принятие правоприменительного акта в письменном виде не всегда является обязательным, поскольку возможно вынесение протокольного определения, фиксируемого в протоколе судебного заседания.

Реализация дискреционных полномочий в процессе применения судьями норм процессуального права имеет некоторые особенности. В качестве одной из таких особенностей мы рассматриваем выявленную выше возможность существования устных правовых позиций в рамках реализации дискреционных полномочий судей при применении процессуальных норм.

Являясь ненормированной процессуальным законодательством деятельностью, реализация дискреционных полномочий порой может стать причиной судебных ошибок. Устный характер правовой позиции, сформулированной в рамках использования дискреционных полномочий, усложняет проверку правомерности реализации этих полномочий, эффективности и качества правоприменительной деятельности судей в целях предотвращения правоприменительных ошибок. Вышестоящие судебные инстанции при отсутствии развернутого обоснования реализации дискреционных полномочий зачастую могут только предположить, какие доводы легли в основу правоприменительного решения, и высказать свою позицию по рассматриваемому вопросу. Описанное можно проиллюстрировать судебными актами по арбитражному делу № А40-5894/2014, рассматриваемому в арбитражном суде города Москвы. В решении и определениях арбитражного суда первой инстанции по данному делу не отражена правовая позиция суда относительно ходатайства о фальсификации доказательств. Проверяющие инстанции, согласившись с

тем, что данное ходатайство не подлежит удовлетворению, обосновали правовую позицию судебного органа в письменном виде [7].

При использовании дискреционных полномочий судьи, обладая известной свободой, реализуют субъективное право действовать по своему усмотрению в определенных законом границах, осуществляя мыслительную деятельность по выбору варианта действий и обоснованию такого выбора. Устный характер аргументации правомерности реализации дискреционных полномочий предполагает более широкую степень самостоятельности судьи, что требует большего профессионализма и опыта.

Правовые позиции можно рассматривать не только как итог реализации судьями дискреционных полномочий. В результате таких процессов, как толкование правовых норм и их конкретизация, также формируются правовые позиции. Данные процедуры рассматриваются учеными как средства преодоления дефектов и пробелов в законодательстве [8. С. 68]. Однако они имеют другую природу, нежели дискреционные полномочия судей. В процессе конкретизации и толкования у судьи нет свободы как таковой, нет выбора вариантов действий, нет необходимости вырабатывать новые способы разрешения спора, опираясь на правовые принципы, как это имеет место при реализации дискреционных полномочий. Кроме того, дискреционные полномочия имеют официальный характер, они вытекают из норм закона и осуществляются на основе закона, в то время как конкретизация и толкование как внутренние мыслительные процессы не имеют нормативно закрепленных оснований (возможность их осуществления нельзя вывести из норм современного законодательства). Конкретизация и толкование норм права – это мыслительные операции, которые протекают совместно с правоприменительной деятельностью, не являются ее целью, а служат для уяснения смысла нормы права и применения ее к конкретным жизненным ситуациям.

Литература

1. Бляхман Б.Я. Формирование правовых позиций в процессе судебного правоприменения // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». 2009. № 4 (21).
2. Власенко Н.А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77–86.
3. Самусевич А.Г. Правовая позиция – отражение правосознания правоприменителя // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2015. № 3 (98).
4. Берг Л.Н. Правоприменительная деятельность в аспекте системного исследования // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 54–61.
5. Теория государства и права / С.С. Алексеев [и др.]. М.: Норма, 2005. 484 с.
6. Кириллова А.Д. Место дискреционных полномочий в правоприменительной деятельности судей // Изв. Тул. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 194–201.
7. Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/0b5b13ba-58fe-408a-b190-07538c62c0e9> (дата обращения: 31.05.2016).
8. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 60–75.

Kirillova Aleksandra D. Baltic Federal University of Kant (Kaliningrad, Russian Federation)

LEGAL POSITION OF THE JUDGE IN THE COURSE OF REALIZATION OF DISCRETIONARY POWERS

Key words: legal positions, discretionary powers, judge, law-enforcement activity.

Discretionary powers are a widespread phenomenon in the law enforcement activity of judges. This can be explained by the fact that uncertainty and abstractness, being the integral properties of the rules of law, and existence of gaps or defects in legislation often force judges to solve life situations of legal character at their discretion. Quite often legislation contains a large amount of norms, which directly give free rein to the judge or set concrete limits for judicial discretion.

In confirmation of the fact that judges use discretionary powers quite often, it is possible to provide the following statistical data: 30% of 300 judgments in the arbitration court of the Kaliningrad region were passed with the use of discretionary powers. The analysis of the above judicial acts also allowed drawing a conclusion that the result of realization by judges of discretionary powers is reflected in judgments in the form of legal positions that form the cornerstone for a law-enforcement decision or action.

Legal position is considered an additional result of realization by judges of discretionary powers that are formed together with the main result in the form of legal proceedings or adjudication of a procedural question. If discretionary powers of judges are thought to be a special legal construction, then legal position can be considered as one of the elements of such a construction, which includes the rules of law, the subjective right and freedom of discretion of the judge when choosing a behavior model. Legal positions can constitute both the result of realization by judges of discretionary powers and the result of such processes as interpretation of legal rules and their specification. Scientists believe that the above procedures can serve as means for overcoming defects and gaps in the legislation. However, their nature is different from the one of discretionary powers of judges.

In the course of specification and interpretation, a judge has no freedom per se, there is no choice of options for actions and there is no need to develop new ways of adjudication of disputes relying on legal principles as in the course of realization of discretionary powers. Moreover, discretionary powers have an official character, they result from the provisions of law and their implementation is based on law while, being inner thought processes, specification and interpretation have no legally enforceable basis (their implementation is regulated by modern legislation). Specification and interpretation of the rules of law are intellectual operations which take place together with law-enforcement activity, are not its purpose but serve for the explanation of the sense of legal rules and its application to concrete life situations.

References

1. Blyakhman, B.Ya. (2009) Formirovanie pravovykh pozitsiy v protsesse sudebnogo pravoprimeneniya [Formation of legal positions in the process of judicial enforcement]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. "Pravo" – Herald of Omsk University. Law.* 4(21).
2. Vlasenko, N.A. (2008) Pravovye pozitsii: ponyatie i vidy [Legal positions: Concept and types]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law.* 12. pp. 77–86.
3. Samusevich, A.G. (2015) Legal proposition as a reflection of law enforcer's legal consciousness. *Vestnik Irkutskogo gos. tekhn. un-ta – Proceedings of Irkutsk State Technical University.* 3(98). (In Russian).
4. Berg, L.N. (2011) Law enforcement activity in systematic research aspect. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal.* 1. pp. 54–61.
5. Alekseev, S.S., Arkhipov, S.I. et al. (2005) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma.
6. Kirillova, A.D. (2016) Limits of judicial discretion in the implementation of discretionary powers. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki.* 1–2. pp. 194–201. (In Russian).
7. *Elektronnoe pravosudie.* [n.d.] [Online] Available from: <http://kad.arbitr.ru/Card/0b5b13ba-58fe-408a-b190-07538c62c0e9>. (Accessed: 31st May 2016).
8. Vlasenko, N.A. (2014) Konkretizatsiya v prave: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Specification in law: The methodological basis for research]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law.* 7(211). pp. 60–75.

УДК 349.6:342

DOI: 10.17223/22253513/23/14

В.Г. Мельникова

ОТКРЫТЫЕ ДАННЫЕ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются современное состояние и перспективы совершенствования правового механизма реализации права граждан на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды в свете развития института открытых данных. Полученные результаты позволили поставить вопрос о необходимости на законодательном уровне закрепить обязанность органов государственной власти публиковать имеющуюся у них информацию о состоянии окружающей среды в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в формате открытых данных. Ключевые слова: открытые данные, право на информацию о состоянии окружающей среды, экологические права граждан.

Право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды закреплено в Конституции РФ (ст. 42) [1]. В ст. 3 ФЗ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [2] в числе принципов охраны окружающей среды указаны «соблюдение права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду, в соответствии с законодательством». Таким образом, в нормативно-правовых актах Российской Федерации закреплены соответствующие современным международным стандартам принципы обеспечения прав граждан на информацию о состоянии окружающей среды и на участие граждан в принятии экологически значимых решений. Необходима более детальная регламентация в отечественном законодательстве механизмов реализации рассматриваемых прав с учетом современных возможностей, обусловленных в том числе развитием информационного общества.

На международном уровне современные стандарты правового регулирования в сфере обеспечения прав граждан на получение информации о состоянии окружающей среды и участия граждан в принятии экологически значимых решений нашли закрепление в принципе 10 «Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию»: экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне. На национальном уровне каждый человек имеет соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которой располагают государственные органы, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации [3].

Эти положения получили развитие в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусской конвенции) [4]. В 1998 г. в данной Конвенции были не только сформулированы основные положения об обязанностях органов государственной власти предоставлять гражданам информацию о состоянии окружающей среды, но и предусмотрена публикация экологической информации в электронных базах данных, являющихся легкодоступными для общественности через публичные сети связи. Таким образом сформулирована задача обеспечения их доступности. Примечательно, что именно экологическая информация стала тем видом информации, доступности которой для граждан уделено значительное внимание в международных документах. В Государственном докладе Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2013 году» отражена работа по присоединению Российской Федерации к Орхусской конвенции [5]. На уровне ЕС принята Директива 2003/4/EG О доступе общественности к информации об окружающей среде [6]. Она гарантирует доступ общественности к информации об окружающей среде, имеющейся у государственных органов, как по запросу, так и при активном распространении. Директивой регламентируются правила ответов на запросы граждан, ограничиваются случаи, в которых возможен отказ от предоставления информации, сроки ответов на запросы. При этом также предусматривается, что государственные службы прилагают усилия к тому, чтобы информация была доступна в воспроизводимой форме и в электронном виде.

Второй блок норм посвящен регламентации активного распространения экологической информации государственными органами. Установлен минимальный перечень сведений, доступность которых должна быть обеспечена в электронной форме. Он включает в себя: тексты международных договоров, конвенций или соглашений, а также политик, планов и программ; отчеты о прогрессе, достигнутом в реализации указанных документов; отчеты о состоянии окружающей среды; данные мониторинга деятельности, которые могут оказать влияние на окружающую среду; лицензии (разрешения) на виды деятельности, которые могут оказать значительное воздействие на окружающую среду; результаты исследований переносимости и оценки рисков. Другая информация размещается при наличии необходимых ресурсов. Страны ЕС должны обеспечивать актуальность, полноту и сопоставимость размещаемой информации.

Имплементация данной директивы в ФРГ была осуществлена путем принятия или изменения 18 земельных (региональных) и федеральных нормативно-правовых актов. В Законе об экологической информации (Umweltinformationgesetz) [7] конкретизированы виды информации, относящейся к экологической; круг субъектов, обязанных обеспечивать доступ к ней; способы предоставления информации и способы защиты права на получение экологической информации. При этом предусматривается, что такая информация должна распространяться в понятной форме, легко доступных форматах, в том числе в электронной форме.

Таким образом, можно констатировать, что для современного международного, европейского и российского права общей чертой является развитие

и совершенствование правового механизма реализации права граждан на доступ к достоверной информации о состоянии окружающей среды с учетом процессов формирования информационного общества.

Наряду с развитием экологического законодательства в последние годы актуальной задачей стало обеспечение открытости органов государственной власти. В Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р [8], закреплены основные принципы открытости федеральных органов исполнительной власти, задачи и механизмы (инструменты) их реализации и содержится система стратегических ориентиров в области обеспечения открытости и прозрачности государственного управления, подотчетности и подконтрольности власти гражданскому обществу и формирования эффективного диалога федеральных органов исполнительной власти с гражданами, общественными объединениями и предпринимательским сообществом. Для обеспечения открытости предусматривается необходимость решения ряда задач, в числе которых, в частности, указаны:

- совершенствовать технологии предоставления и разъяснения информации путем расширения способов и форм ее получения разными пользователями и группами пользователей, обеспечивая при этом возможность выбора удобного формата, доступность, простоту, понятность и визуализацию предоставленной информации;

- повышать доступность открытых государственных данных для использования гражданами, общественными объединениями и предпринимательским сообществом, в том числе для повторного использования, обеспечивая свободный доступ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет к открытым данным, содержащимся в информационных системах федеральных органов исполнительной власти, без каких-либо ограничений на их безопасное использование;

- совершенствовать процессы публикации и инфраструктуру открытия данных, определяя приоритеты их формирования и раскрытия с учетом их ценности для общества и затрат на открытие, в том числе на основе обратной связи с пользователями, выявляя и распространяя передовой опыт раскрытия государственных данных, повышая качество опубликованных данных, переводя их в более удобные форматы, добавляя описания (классификацию) и интегрируя (связывая) данные из разных наборов.

В связи с этим представляется актуальным исследование и использование возможностей института открытых данных в целях совершенствования механизма реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Ежедневно государственные органы, граждане, бизнес-структуры используют в своей работе огромный массив информации, которая в силу различных причин не всегда бывает легко доступна. В связи с чем основной целью публикации открытых данных является упрощение доступа к информации, в которой нуждается современное общество. В 2013 г. в Лох-Эрне была принята Хартия открытых данных «Группы восьми» [9]. Данная инициатива направлена на увеличение уровня открытости и прозрачности государственного управления с целью повышения его эффективности, предоставление гражда-

нам большего количества информации, обеспечивая при этом предоставление информации в легкодоступной форме, в машиночитаемых форматах. Это должно способствовать развитию различных сервисов, позволяющих гражданам получать имеющуюся у государственных органов информацию в удобной форме. В Хартии определены принципы обеспечения доступа к открытым данным: 1) открытые данные по умолчанию; 2) качество и количество; 3) использование всеми; 4) опубликование данных для оптимизации управления; 5) опубликование данных для инноваций.

В Российской Федерации ведется системная работа по размещению имеющейся у государственных органов информации в формате открытых данных. Принят ряд методических документов, созданы федеральный и региональные порталы открытых данных. Выработано следующее определение: открытые данные (англ. open data) – данные в свободном доступе, предоставляемые органами государственной власти и (или) местного самоуправления Российской Федерации, представленные в машиночитаемом формате и раскрывающие деятельность органа власти в рамках исполнения им своих функций. Все данные, признаваемые открытыми, подлежат публикации в открытых источниках с целью обеспечения доступа к ним и дальнейшего свободного использования со стороны внешних технических средств [10]. Размещение открытых данных должно способствовать созданию удобных для граждан сервисов, основанных на размещенной информации. Очевидно, что сервисы, обеспечивающие граждан достоверной информацией об экологической информации в местах их проживания, будут востребованы.

Вместе с тем существует недостаточная определенность в отношении состава сведений, подлежащих опубликованию в формате открытых данных, периодичности их публикации и обновления. В утвержденных Правительством РФ Перечнях [11] информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, размещаемой в сети Интернет в форме открытых данных, указаны следующие виды экологической информации: наименования органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия в области экологической экспертизы; план проведения государственной экологической экспертизы на объектах, подлежащих государственному экологическому контролю, осуществляемому органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; информация о результатах проведения государственной экологической экспертизы на объектах, подлежащих государственному экологическому контролю, осуществляемому органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; государственный лесной реестр (в отношении лесов, расположенных в границах территории субъектов Российской Федерации); наименования органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия в области охраны и использования объектов животного мира; государственный охотхозяйственный реестр.

Анализ портала открытых данных показывает, что пока не все из указанных данных представлены в формате открытых данных. Также анализ указанных перечней и размещенных на порталах органов государственной власти пакетов открытых данных позволяет сделать вывод о том, что наибольшее внимание уделяется первоочередному раскрытию информации о дея-

тельности органов государственной власти, в том числе и о деятельности органов государственной власти в сфере охраны окружающей среды. Кроме того, представляется необходимым проанализировать и обсудить в рамках общественной дискуссии состав информации, имеющейся в распоряжении органов государственной власти и органов местного самоуправления, которая может представлять интерес для граждан, институтов гражданского общества, и внести изменения в состав подлежащих опубликованию сведений. Важно отметить, что именно в сфере охраны окружающей среды значительный интерес для общества представляет не только информация о деятельности органов государственной власти, но и та информация, которая имеется в распоряжении органов государственной власти. Прежде всего, речь идет, конечно, об информации о состоянии окружающей среды и об объемах негативного воздействия на окружающую среду в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности.

Безусловно, достоверная информация о состоянии окружающей среды имеет большое значение для реализации гражданами своих экологических прав, деятельности общественных экологических объединений. Значительные объемы информации находятся в распоряжении органов государственной власти, и актуальной задачей является решение вопроса о том, какие сведения должны раскрываться в форматах, обеспечивающих возможность их автоматической обработки. При этом необходимо детально проработать критерии разграничения сведений, которые могут быть отнесены к различным видам конфиденциальной информации, с тем, чтобы избежать необоснованного исключения представляющих общественный интерес сведений из состава информации, размещаемой в формате открытых данных.

В силу большой общественной значимости информации о состоянии окружающей среды в целях совершенствования механизма реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды предлагается на законодательном уровне закрепить обязанности органов государственной власти размещать имеющуюся у них информацию о состоянии окружающей среды в формате открытых данных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2014).
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2016).
3. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992 // Международное публичное право: сб. документов. М.: БЕК, 1996. Т. 2. С. 135–138.
4. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Заключена в г. Орхус 25.06.1998 г. // СПС «КонсультантПлюс».
5. Государственный доклад Минприроды России «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2013 году» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Richtlinie 2003/4/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 28. Januar 2003 über den Zugang der Öffentlichkeit zu Umweltinformationen und zur Aufhebung der Richtlinie 90/313/EWG des Rates / [http:// data.europa.eu/eli/dir/2003/4/oj](http://data.europa.eu/eli/dir/2003/4/oj)

7. Umweltinformationsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 27. Oktober 2014 (BGBl. I S. 1643). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/uig_2005/gesamt.pdf

8. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-п «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 03.02.2014).

9. Хартия открытых данных «Группы восьми»: принята на саммите «Группы восьми» (G8) в Лох-Эрне (Великобритания), июнь 2013 [Электронный ресурс] // Сайт Открытого Правительства [http:// открытыеданные.большоеправительство.рф/documents/](http://открытыеданные.большоеправительство.рф/documents/) (дата обращения: 15.09.2016).

10. Открытые данные [Электронный ресурс]. URL: [http:// opendata.open.gov. ru/ upload/iblock/646/646bb50aa4254f608df79dc79b226d33.pdf](http://opendata.open.gov.ru/upload/iblock/646/646bb50aa4254f608df79dc79b226d33.pdf)

11. Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2013 № 1187-п «О Перечнях информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, размещаемой в сети «Интернет» в форме открытых данных» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.07.2013).

Melnikova V.G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

OPEN SOURCE DATA IN THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE RIGHT OF CITIZENS TO TRUE INFORMATION ABOUT THE ENVIRONMENTAL CONDITIONS

Key words: open source data, right to information about the environmental conditions, ecological rights of citizens.

The article deals with the current state and prospects for improving legal mechanism for implementation of the right of citizens to information about environmental conditions in the light of development of the open data institute. The research was done on the basis of methodology of a system approach with the use of vertical and horizontal methods in comparative law research. Modern tendencies in the development of the mechanism for implementing the right of citizens to reliable information about environmental conditions are examined on the basis of the analysis of international legal acts (The Aarhus convention, the Charter of open data of the Group of eight) and legislation of Germany.

The general tendency towards increasing the level of openness of public authorities and local governments is traced. Specificity of ecological information is revealed since not only information on activity of public authorities, but information about environmental conditions available for public authorities in considerable volumes is of serious public interest. The results of the examination of Russian legislation and subordinate normative legal acts stress the need to fix the obligation of public authorities to publish the information on environmental conditions in a format of open data in the Internet. Such an obligation shall be entrenched in legislation.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 1st August 2014).

2. Russian Federation. (2002) *Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 03.07.2016) "Ob okhrane okruzhayushchey sredy"* [Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 (Edited on July 3, 2016) "On Environmental Protection"]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 4th July 2016).

3. Bekyashev, K.A. & Khodakov, A.G. (eds) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. Vol. 2. Moscow: BEK. pp. 135–138.

4. *Mezhdunarodnoe pravo. (1998) Konventsiya o dostupe k informatsii, uchastii obshchestvennosti v protsesse prinyatiya resheniy i dostupe k pravosudiyu po voprosam, kasayushchimsya okruzhayushchey sredy. Zaklyuchena v g. Orkhus 25.06.1998 g.* [Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in

Environmental Matters. Concluded in Aarhus on June 25, 1998]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=6223#0>.

5. Ministry of Natural Resources of Russia. (2013) *Gosudarstvennyy doklad Minprirody Rossii "O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federatsii v 2013 godu"* [State report of the Ministry of Natural Resources of Russia "On the state and on the protection of the environment of the Russian Federation in 2013"]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=641750#0>.

6. EU. (2003) *Richtlinie 2003/4/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 28. Januar 2003 über den Zugang der Öffentlichkeit zu Umweltinformationen und zur Aufhebung der Richtlinie 90/313/EWG des Rates* [Directive 2003/4 / EC of the European Parliament and of the Council of 28 January 2003 on public access to environmental information and repealing Council Directive 90/313 / EEC]. [Online] Available from: <http://data.europa.eu/eli/dir/2003/4/oj>.

7. *Bundesgesetzblatt (BGBl)*. (2014) Umweltinformationsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 27. Oktober 2014 (BGBl. I S. 1643) [Environmental information law in the version of the notice of 27 October 2014 (BGBl. I pp. 1643)]. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/uig_2005/gesamt.pdf.

8. Russian Federation. (2014) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.01.2014 № 93-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii otkrytosti federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti"* [Order No. 93-r of the Government of the Russian Federation of January 30, 2014, "On the Approval of the Concept of Openness of Federal Executive Bodies"]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 3rd February 2014).

9. The Open Government website. (2013) *Khartiya otkrytykh dannykh "Gruppy vos'mi": prinyata na sammite "Gruppy vos'mi" (G8) v Lokh-Erne (Velikobritaniya), iyun' 2013* [The G8 Open Data Charter: adopted at the Group of Eight (G8) Summit in Loch Ern (UK), June 2013]. [Online] Available from: <http://otkrytyedannye.bol'shoepravitel'stvo.rf/documents/>. (Accessed: 15th September 2016).

10. The Open Government website. (n.d.) *Otkrytye dannye* [Open data]. [Online] Available from: <http://opendata.open.gov.ru/upload/iblock/646/646bb50aa4254f608df79dc79b226d33.pdf>.

11. Russian Federation. (2013) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 10.07.2013 № 1187-r "O Perechnyakh informatsii o deyatelnosti gosudarstvennykh organov, organov mestnogo samoupravleniya, razmeshchaemoy v seti 'Internet' v forme otkrytykh dannykh"* [Decree No. 1187-r of the Government of the Russian Federation dated by July 10, 2013, "On Lists of Information on the Activities of State Bodies and Local Governments Placed in the Internet in the Form of Open Data"]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 20th July 2013).

УДК 349:681

DOI: 10.17223/22253513/23/15

С.М. Трошина, А.В. Павловская

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Высокие темпы информатизации современных технологий повышают риски уязвимостей в системах информационной безопасности организаций и используются нарушителями для несанкционированного получения персональных данных и интеллектуальной собственности. Для повышения защищенности информации предложена система комплексных мер организационно-правового характера. Внесены законодательные предложения по совершенствованию статей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов и приказа МВД России. Также внесены предложения по утверждению процедуры использования полицейскими органами ИТИСНТ в досудебном уголовном процессе. Кроме того, даны рекомендации в области издания локальных нормативных актов по защите персональных данных. Рекомендовано разработать процедуру предоставления всем пользователям бесплатной электронной подписи.

Ключевые слова: персональные данные, клевета, уязвимости, внутренний нарушитель, организованная преступная группа.

В общественной жизни необходимость предоставления персональных данных является условием реализации прав и свобод граждан: права на труд и образование, права собственности, права передвижения и проч. При подписании договоров с банками, страховыми компаниями, поставщиками лицо дает согласие на передачу собственных персональных данных третьим лицам. При заполнении регистрационных форм на сайтах службы занятости или при поступлении на работу в организацию претендент на должность обязан заполнить все поля формы бланка организации.

Понятие персональных данных закреплено в Федеральном законе от 07.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Согласно ст. 3 закона № 152-ФЗ персональными данными является любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы и т.д. [1. Ст. 3]. Таким образом, при помощи персональных данных возможно идентифицировать конкретное физическое лицо. Поэтому доступ к подобной информации ограничен законом по кругу лиц.

В связи с широким использованием персональных данных встает вопрос о реальном состоянии защищенности правового поля личности. По статистическим данным американского центра исследования Pew Research Center эксперты прогнозируют следующие приватности Интернета: большинство американцев (64%) сами лично сталкивались с серьезной проблемой утечки информации, в связи с этим нарастает общественное недоверие в области защиты персональных данных в ключевых сайтах институтов государственной

власти, особенно в сайтах федерального правительства и социальных медиа-сайтов [2]. При этом формулируются выводы, что личная жизнь становится публичной по умолчанию, так как в современном мире невозможно существовать, не открывая персональную информацию государству и корпорациям; немногие физические лица или сообщества обладают ресурсами для противодействия «электронной слежке»; процесс обеспечения безопасности персональных данных осложняется из-за наличия Интернета; углубляются противоречия различных конфессий по поводу реализации гражданских свобод в интернет-пространстве.

Статья 5 закона «О персональных данных» устанавливает следующие принципы обработки персональных данных. Во-первых, обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Во-вторых, не допускается обработка персональных данных, не отвечающих целям их обработки. И, наконец, содержание и объем обрабатываемых персональных данных должны соответствовать заявленным целям обработки, т.е. обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными [1. Ст. 5].

Исходя из вышеперечисленного, включение в гражданско-правовой или трудовой договор требования обязательности предоставления избыточных персональных данных является прямым нарушением закона. Однако законодательством не определен необходимый минимум персональных данных и, следовательно, не установлена юридическая ответственность [3]. Поэтому на практике имеет место злоупотребление операторами правом сбора и обработки персональных данных.

Также в п. 7 ст. 5 установлено, что персональные данные должны храниться не дольше времени, требующегося для достижения целей их обработки. Обрабатываемые персональные данные должны быть уничтожены либо обезличены после достижения целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом [1. Ст. 5]. Организации руководствуются собственными локальными нормативными актами. Например, ООО «ВЕКА Рус» в своем регламенте установило срок хранения персональных данных клиентов – 75 лет [4]. Возникают законные сомнения в необходимости хранения персональных данных клиентов в течение всей их жизни. Следует законодательно ограничить срок хранения персональных данных и ввести обязательную процедуру их уничтожения.

Обработка персональных данных осуществляется с письменного согласия субъекта на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 6 закона «О персональных данных» [1. Ст. 6]. Однако субъекту персональных данных в организации не предоставляются гарантии защиты его персональных данных.

В нормативном акте «Требованиях к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (утв. постановлением Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119) говорится о том, что безопасность персональных данных при их обработке в информационной системе обеспечивает оператор этой системы или лицо, осуществляющее обработку персональных данных по поручению оператора [5]. При этом под

информационной системой персональных данных понимается совокупность содержащихся в базах данных персональных данных и обеспечивающих их обработку информационных технологий и технических средств [1]. Оператором может являться государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных [1].

Защита персональных данных законодательством возложена на оператора.

Механизм защиты оператором персональных данных субъектов позволяет определить три типа актуальных угроз [5. П. 6]:

- угрозы 1-го типа – актуальны при наличии недокументированных (недекларированных) возможностей в системном программном обеспечении, используемом в информационной системе;

- угрозы 2-го типа – актуальны при наличии недокументированных (недекларированных) возможностей в прикладном обеспечении, используемом в информационной системе;

- угрозы 3-го типа – актуальны при отсутствии недокументированных (недекларированных) возможностей в системном и прикладном программном обеспечении, используемом в информационной системе.

Информационные системы классифицируются по типу персональных данных и по типу субъектов персональных данных:

- обрабатывающие специальные категории персональных данных;
- обрабатывающие биометрические персональные данные;
- обрабатывающие общедоступные персональные данные;
- обрабатывающие иные категории персональных данных;
- обрабатывающие персональные данные сотрудников оператора.

Уровень защищенности определяется с учетом выбранного типа угроз, категории персональных данных и количества субъектов. Настоящие требования устанавливают четыре уровня защищенности персональных данных [5. Пп. 9–12], которыми устанавливаются условия обеспечения информационной безопасности каждого из уровней.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что работодатель обязан ознакомить работника с уровнем защиты его персональных данных и условиями обеспечения информационной безопасности его персональных данных. Для этой цели на локальном уровне необходимо разработать нормативный акт информационной безопасности персональных данных.

В соответствии с «Требованиями к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» устанавливается регулярный контроль за выполнением требований безопасности не реже 1 раза в 3 года, который организуется и проводится оператором самостоятельно и (или) с привлечением на договорной основе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на осуществление деятельности по технической защите конфиденциальной информации [5. П. 17].

Управлением по защите прав субъектов персональных данных подведены итоги осуществления государственного контроля (надзора) за период один-

надцать месяцев 2015 г. Уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных в отношении операторов было проведено 805 проверок, из них 58 внеплановых (т.е. по жалобам). Было выявлено 1 188 нарушений в области защиты персональных данных по результатам 1 738 мероприятий систематического наблюдения, выдано 613 предписаний об устранении нарушений закона № 152-ФЗ, наложено штрафов на сумму более 8,2 млн руб. [18].

Можно сделать вывод, что деятельность по проверке выполнения законодательства ведется. Однако наблюдается высокий процент нарушений, что свидетельствует о недостаточном внимании операторов к состоянию защищенности информационных систем, обрабатывающих персональные данные внутренних и внешних субъектов.

Большое число правонарушений в области персональных данных имеет место в сети Интернет. Данный вид правоотношений подпадает под действие закона о персональных данных, поскольку закон № 152-ФЗ регулирует правоотношения, возникающие при обработке персональных данных, с помощью средств автоматизации [1. Ст. 3].

Для обработки информации необходимо согласие субъекта на обработку его персональных данных, при этом согласие должно быть дано в любой форме, позволяющей подтвердить факт его получения [1. Ст. 9]. Такой формой может быть согласие, представленное на бумажном носителе в письменной форме, собственноручно подписанное субъектом персональных данных либо представленное в виде электронного документа, подписанного электронной подписью [6. Ст. 6]. Пользователи Интернета в действительности не имеют электронной подписи, что осложняет защиту их персональных данных.

В случае несанкционированного использования злоумышленником персональных данных третьего лица, не подозревающего об использовании его персональных данных, ответственность будет нести оператор.

На большинстве сайтов в личном профиле сотрудника организации предлагается загрузить фотографию сотрудника. В п. 1 ст. 3 закона «О персональных данных» не указано, что фотография является объектом, на основании которого можно идентифицировать человека, хотя перечень не исчерпывающий. Однако использование фотографии без согласия субъекта не допускается в соответствии со ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [7. Ст. 152.1].

Изображение сотрудника, размещенное на корпоративном сайте организации, является общедоступной информацией. Однако изображение гражданина защищается законом, и использование данного изображения возможно только с письменного согласия лица, изображенного на фотографии. Очевидно, что изображение гражданина, размещенное на корпоративном сайте, не может быть использовано с целью опорочить его доброе имя и деловую репутацию. Как, например, в фильме «Розыгрыш» злоумышленник, имея профессиональную квалификацию по работе с электронными изображениями, используя «фотошоп» или другое программное обеспечение, подставляет изображение сотрудника организации в рекламу порносайтов, экстремистских и террористических организаций, а

также для создания посредством пластической хирургии двойников и поддельных документов. В фильме справедливость восторжествовала.

Однако в правоприменительной практике имеются в настоящее время значительные сложности организационно-технического, кадрово-профессионального и правового характера.

Во-первых, отсутствуют программное обеспечение, организационно-техническая база и профессиональные кадры, имеющие компетенцию «информационная безопасность в телекоммуникационных системах». Соответствующим оборудованием для сбора доказательств в совершении компьютерных преступлений оснащен только один отдел «К» в структуре Главного управления МВД по Свердловской области. При этом возбуждение уголовного дела производится по территориальному принципу, т.е. отделением полиции того района города, где было совершено преступление. В территориальных районных отделениях полиции отсутствуют организационные средства и кадровый состав полицейских, специализированный на информационной безопасности телекоммуникационных систем. Кроме того, как правило, не представляется возможным достоверно определить территорию, на которой было совершено компьютерное преступление, так как злоумышленник может пользоваться удаленным доступом.

В отношении заявления о возбуждении уголовного дела, поступившего в отдел «К» ГУ МВД по Свердловской области, выносится постановление о передаче его по территориальному признаку в отделение полиции соответствующего района города, где выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) или отсутствия в деяниях состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [8. Ст. 24]. Очевидно, отделы «К», оснащенные оргтехникой и профессионалами в области информационной безопасности в телекоммуникационных системах, должны быть в каждом отделении полиции. Требованиям всех перемен в информационном обществе должен соответствовать высоко информатизированный уголовный процесс досудебного производства.

Во-вторых, имеется сложность с определением предмета и объекта преступления, его квалификации и сбора доказательств, подтверждающих сам факт совершения преступления – клевета и виновность лиц, его совершивших. Потерпевшее от клеветы в Интернете лицо, как правило, не имеет в собственном ведении клеветнической информации: порноизображение с вставленной в него головой потерпевшего, поскольку злоумышленники распространяют клеветнические измышления третьим лицам – сослуживцам и знакомым потерпевшего [9. Ст. 128.1]. Последние из опасения предъявления им обвинения в распространении клеветнических измышлений уклоняются от сотрудничества с правоохранительными органами. Кроме того, злоумышленники распространяют вместе с клеветой в электронной форме легенду о том, что якобы потерпевший собственноручно выкладывает приватные сведения в социальную сеть.

Клевета – уголовный состав, относящийся к делам частного обвинения, т.е. возбуждается по заявлению потерпевшего. Потерпевший должен

подтвердить факт распространения сведений, т.е. передачу клеветнических измышлений третьим лицам. Существует множество сайтов и операторов, разнообразные способы передачи информации с мобильных и стационарных устройств. Злоумышленники часто меняют операторов и сим-карты. У потерпевшего, в отличие от спецслужб, отсутствуют специальные устройства, улавливающие потоки исходящей информации. При таких обстоятельствах очевидно, что в эпоху стремительной информатизации необходимо состав преступления, предусмотренный ст. 128.1 УК РФ, перевести в категорию уголовных дел частного-публичного обвинения.

В-третьих, для того чтобы сотрудники правоохранительных органов могли получить доказательства о распространении при помощи Интернета сфабрикованной злоумышленниками информации, составляющей квалифицированный состав клеветы, необходимо преодолеть ограничения ст. 13 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Для достижения цели следователю или дознавателю надо получить судебное решение, удовлетворяющее ходатайство (ч. 1 ст. 13 УПК РФ) [8. Ст. 13], поскольку контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 13 УПК РФ) [8. Ст. 13]. Для внесения судом в мотивировочную часть постановления об удовлетворении ходатайства на разрешение получать информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) [8. Ст. 29] следователю или дознавателю необходимо представить допустимые доказательства причастности подозреваемых лиц в совершении преступлений, которые, как правило, отсутствуют в материалах уголовного дела в связи с ограничением доступа к сведениям в соответствии с ч. 1 ст. 13 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 165 УПК РФ в случаях, предусмотренных п. 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносятся постановления. Рассмотрев указанное ходатайство, судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа (ч. 4 ст. 165 УПК РФ) [8. Ст. 165]. Громоздкость процессуальных действий очевидна и вряд ли целесообразна.

В исключительных случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УК РФ, когда проведение следственных действий не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. В этом случае следователь или дознаватель не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его

производстве. Получив указанное уведомление, судья в срок, предусмотренный ч. 2 ст. 165 УК РФ, проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности [8. Ст. 165]. Однако данное правило не распространяется на случаи получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Очевидно, данный законодательный пробел необходимо восполнить, расширив процессуальные права следователя и дознавателя, поскольку основной задачей МВД России является обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности, предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел (пп. 4 п. 2 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации) [10. П. 2]. При этом отсутствуют опасения, сравнимые с публикациями в США, освещающие в печати факты допущения обращения, связанного с насилием полицейских сотрудников, в которых формируется общественное мнение о нелегитимности правоохранительных органов [11. Р. 38–40]. Печатные издания США свидетельствуют о том, что напряженность отношений между полицией и обществом возрастает [12].

Проблема в России состоит в отсутствии достаточной полноты полномочий у полицейских для раскрытия и пресечения преступлений (пп. 12, 17, п. 11 Положения) [10], что отражается в статистических данных: возрастает количество отказных материалов. Права потерпевшей стороны не восстанавливаются в уголовном процессе, в связи с этим основная задача органов МВД – обеспечение в пределах своих полномочий защиты прав и свобод человека и гражданина (пп. 4 п. 2 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации) – остается не выполненной [10. П. 2]. Очевидно, нормоположения, перечисленные в Приложении № 1 к Приказу МВД России от 17.01.2006 № 19 «Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», должны быть изменены в сторону расширения полномочий полицейских органов в процессе осуществления профилактической деятельности. Сотрудникам полиции в информационном обществе должно быть предоставлено право широкого использования всех инноваций информатизации для защиты правопорядка с целью обеспечения информационного преимущества над нарушителями. В настоящее время уделяется большое внимание развитию информационно-технологической инфраструктуры сферы науки и технологий в России и за рубежом [13]. В связи с подготовкой новой редакции приказа МВД о профилактике преступлений актуально внесение в его содержание нормоположения, направленного на практическое решение задачи по развитию доступа полицейских органов к ИТИСНТ, что в значительной мере расширит поле правоохранительной деятельности и разнообразит перечень превентивных мер. В противном случае меры по предупреждению преступлений останутся декларацией. Бездействие правозащитников может привести к нелегитимности полицейских органов и к серьезным общественным беспорядкам.

Как правило, злоумышленником, несанкционированно использующим персональные данные, является внутренний нарушитель, т.е. лицо, состоящее с организацией в трудовых отношениях, имеющее доступ к персональным данным других работников. Внутри организации режим информационной безопасности зачастую имеет множество уязвимостей, которые использует внутренний нарушитель для достижения преступной цели. Мотивы могут быть различные: от личной неприязни до организованно спланированных действий по устранению сотрудников, профессиональная компетенция которых может быть помехой для реализации преступных планов хищения интеллектуальной собственности работников и организации.

В настоящее время такого рода внутренние диверсии имеют широкое распространение. Действуют организованные преступные группировки, специализирующиеся на промышленном шпионаже. Состоящий в трудовых правоотношениях внутренний нарушитель оказывает помощь по трудоустройству соучастнику, которому впоследствии передаются ключевые функции организационно-управленческого процесса, сосредотачивая в области ведения ОПГ все рычаги планово-финансовой и хозяйственной деятельности (ст. 210 УК РФ) [9. Ст. 210].

Как правило, продвигается по служебной лестнице член ОПГ – молодая привлекательная женщина, поскольку само присутствие красавицы является отвлекающим маневром. Члены преступной группы заведомо вводят в управленческий процесс и хозяйственную деятельность ошибочные решения, дезинформируют личный состав организации и создают для себя информационное преимущество в обладании ключевой информацией. Последствия таких действий имеют результатом дезорганизацию производственного процесса, несанкционированное получение и передачу внешним нарушителям интеллектуальной собственности и устранение сотрудников, противодействующих реализации преступных планов ОПГ.

Вопрос о соразмерности тяжести совершенного преступления и мере наказания, предусмотренного за него, сохраняет свою актуальность как для России, так и для США [14. Р. 431, 450]. Позиция, осуждающая длительность сроков тюремного заключения, ошибочна. Продолжительное тюремное заключение в одиночной камере лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, имеет правовое, социальное и психологическое обоснование, поскольку наказание должно быть соразмерно тяжести совершенного лицом преступления. Наказание, предусмотренное ст. 128.1 УК РФ, безусловно, является необоснованно мягким. Клевета – это лишь результат, как правило, продолжаемого или длящегося преступления в отношении потерпевшего, сопряженного с рядом других преступлений, совершенных против общества и личности. Последствия распространения клеветнических измышлений для потерпевшего трагичны: ухудшение состояния здоровья, потеря работы, утрата родственных и социальных связей, опороченность доброго имени и деловой репутации. Безусловно, ст. 128.1 УК РФ должна инкриминироваться злоумышленникам по совокупности со ст. 117 УК РФ (истязание). В некоторых случаях клевета перерастает в смежный состав преступления против личности, предусмотренный ст. 110 УК РФ – доведение до

самоубийства. Однако доказать наличие данного состава сложно вследствие причинения смерти.

Ужесточение наказания в виде лишения свободы на длительные сроки не противоречит практике применения уголовного наказания зарубежных стран. Россия не лидирует по статистическим данным, отражающим численность лиц, содержащихся под стражей и в местах лишения свободы. В США 716 человек из 100 тыс. жителей содержатся под стражей, эта доля в 5 раз превышает статистические показатели большинства стран мира [15].

Недобросовестное использование чужих персональных данных является основным видом уязвимости организации. Человеческий фактор служит основной угрозой информационной безопасности организации [16]. Субъекты персональных данных, пользователи сайта, размещая в социальных сетях избыток личной информации, неосознанно предоставляют свободный доступ к собственным персональным данным внешним нарушителям. Злоумышленники, воспользовавшись информацией с сервиса, могут получить интересующие их данные о сотрудниках организации и впоследствии использовать их для достижения преступных целей.

Таким образом, основной проблемой информационной безопасности персональных данных является субъективный фактор: добропорядочность операторов, их заинтересованность в выполнении нормативных требований, с одной стороны, и с другой – внимательность самих обладателей персональных данных. Напоминание пользователям о необходимости соблюдения правил информационной безопасности должно быть основным правилом работы каждого оператора и работодателя. Пренебрежение к принципам безопасности может привести к значительным экономическим потерям [17].

Обучение пользователей сайтов процедурам ограничения предоставления информации, повышая уровень их грамотности в вопросах освоения возможностей информационных технологий, необходимо начинать со школьного возраста [19]. В литературе предложена заслуживающая внимания система мер обеспечения безопасности персональных данных при работе в Интернете [20].

Одной из мер защиты собственных персональных данных является электронная подпись. Процедура получения электронной подписи для подтверждения своей личности в сети Интернет доступна, однако не каждый пользователь имеет возможность внести плату за ее предоставление. Все вышеизложенное дает основание полагать, что необходимо разработать систему безвозмездного предоставления всем пользователям доступной электронной подписи, гарантирующей ее целостность и подлинность.

В целях совершенствования действующего законодательства в области защиты персональных данных на основании проведенных исследований вносим следующие предложения:

Статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации перевести в категорию уголовных составов частно-публичного обвинения с ужесточением санкции.

Предусмотреть возможность наложения судом наказания за квалифицированный состав клеветы в виде тюремного заключения на длительный срок.

Расширить полномочия следователя и дознавателя в ч. 5 ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусмотрев возможность проведения неотложных следственных действий по контролю и записи телефонных и иных переговоров и получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами с последующим уведомлением в течение 3 суток судьи и прокурора.

Разработать систему безвозмездного предоставления каждому пользователю доступной электронной подписи, гарантирующей ее целостность и подлинность.

Создать условия для организации высоко информатизированного досудебного производства уголовного процесса.

Создать отделы «К», оснащенные оргтехникой и профессионалами в области информационной безопасности телекоммуникационных систем, в каждом районном отделении полиции муниципального образования.

Законодательно ограничить срок хранения персональных данных в организации и ввести обязательную процедуру их уничтожения после истечения срока хранения.

Обязать работодателей вести процедуру ознакомления сотрудников с уровнем защиты и условиями обеспечения информационной безопасности персональных данных. Для этой цели на локальном уровне необходимо разработать нормативный акт, предусматривающий методы и способы обеспечения информационной безопасности персональных данных на локальном уровне.

Предоставить полицейским право широкого использования всех инноваций информатизации для защиты правопорядка с целью обеспечения информационного преимущества над нарушителями.

В связи с подготовкой новой редакции приказа МВД о профилактике преступлений ввести процедуру, обеспечивающую доступ полицейских органов к ИТИСНТ.

Расширить объекты правоохранительной деятельности и перечень превентивных мер противодействия преступности в приказе МВД России о профилактической деятельности органов полиции.

Таким образом, совершенствование системы организационно-нормативных мер повышения информационной безопасности личности, общества и государства с использованием инноваций информатизации автоматизированных систем станет гарантом профилактики компьютерных преступлений и соблюдения прав человека и гражданина в Российской Федерации.

Литература

1. *О персональных данных*: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#02>.
2. *Americans and Cybersecurity*: Pew Research Center, January 26, 2017 [Электронный ресурс]. URL: www.pewresearch.org
3. *Шередин Р.В.* Защита персональных данных: новые требования: интернет-интервью 10.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://obltelet.ru/2012/10-01-2012-zashhita-personalnykh-dannykh-novye-trebovaniya/>

4. Регламент о защите персональных данных клиентов ООО «ВЕКА Рус»: локальный нормативный акт [Электронный ресурс]. URL: http://www.veka.ru/reglament_o_zashhite_personalnyh_dannyh.html
5. Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 № 1119 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>
6. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть Первая. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51 (ред. от 28.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 (в ред. 19.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>
10. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>
11. Westley W. Violence and the Police // American Journal of Sociology. 1953. Vol. 59. P. 34–41.
12. Weitzer R. Incidents of police misconduct and public opinion // Journal of Criminal Justice. 2002. Vol. 30, iss. 5. P. 397–408.
13. Ижванов Ю.Л., Куракин Д.В. О концепции развития информационно-технологической инфраструктуры сферы науки и технологии // Информатизация образования и науки. 2016. № 2(30). С. 92–105.
14. Conley A. Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement Under International Law // Vienna Journal on International Constitutional Law. 2013. Vol. 7, № 4. P. 415–453.
15. Walmsley R. World Prison Population List [Electronic resource] / R. Walmsley. 10th ed. Mode of access: https://www.prisonstudies.org/sites/prisonstudies.org/files/resources/downloads/wppl_10.pdf.
16. Трошина С.М., Рязанова Т.П. Человеческий фактор как угроза информационной безопасности // Вестн. Урал. финансово-юридического ин-та. 2016. № 2(4). С. 93–97.
17. Петров Ю.И. Защищенность как одна из наиболее актуальных характеристик современного программного обеспечения // Информатизация образования и науки. 2016. № 2(30). С. 106–116.
18. Контеримов Ю.Е. Особенности государственного контроля за деятельностью операторов, осуществляющих обработку персональных данных. Применение риск-ориентированного подхода и обеспечение взаимодействия регулятора и отрасли: доклад // Междунар. конф. защиты персональных данных. М.: Ренесанс Москва Монарх Центр, 08.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://zpd-forum.com/programm.html>
19. Солдатова Г.В. Российские школьники: приватность и безопасность в Сети: доклад // Междунар. конф. защиты персональных данных. М.: Ренесанс Москва Монарх Центр, 08.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://zpd-forum.com/>
20. Емельяников М. Как защищать персональные данные в интернете// infosec.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/zaschita-personalnih-dannyh/kak-zaschischat-personalnye-dannye-v-internete>

Troshina Svetlana M., Pavlovskaya Ann V. Department radio-electronics and communication IRIT-RTF Ural Federal University First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF PERSONAL DATA PROTECTION MEASURES

Key words: personal data, slander, vulnerabilities, internal violator, organized criminal group.

High rates of informatization of modern technologies increase the risks of vulnerabilities in information security systems of organizations and are used by violators for unauthorized receiving of personal data and intellectual property. This determines the urgency of the present research.

The concept of personal data is enshrined in the Federal law 152-FZ "On personal data" 07.07.2006. According to Article 3 of the law personal data is any information relating to the person (the subject of personal data) including his surname, name, middle name; date and place of birth; address; marital, social and property status; education; profession; income etc. Thus, it is possible to identify a concrete person by means of personal data. Therefore, according to law the access to such information is limited by the scope of persons. Due to the wide use of personal data, there is a question of protection of the legal framework of a person. Article 5 of the law "On personal data" establishes the following principles of processing personal data. Firstly, processing of personal data has to be limited by achieving concrete, predetermined and lawful purposes. Secondly, processing of personal data, which do not serve the purpose of their processing, is not allowed. Moreover, the content and volume of the personal data under procession have to correspond to the stated purposes of processing, that is the processed personal data should not be superfluous.

Subjective circumstances are the main reason for the leakage of key information. The internal violator uses a human factor for establishing the organized criminal group and reports information to the external violator. To increase the protection of information, the system of complex organizational and legal measures is offered. Legislative suggestions for improving the articles of criminal and criminal procedure codes and the order of the RF Ministry of Internal Affairs have been made. Suggestions on the approval of the procedure for application of ITISNT by police in the course of pre-trial criminal proceedings have been made. Moreover, the authors make recommendations in the field of publication of local regulations on the protection of personal data. It is recommended to develop the procedure for providing the free digital signature to all users.

References

1. Russian Federation. (2006) *O personal'nykh dannykh: federal'nyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 03.07.2016)* [On personal data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as amended on July 3, 2016)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#02>.
2. Olmstead, K. & Smith, A. (2017) *Americans and Cybersecurity*. [Online] Available from: www.pewresearch.org.
3. Sheredin, R.V. (2012) *Zashchita personal'nykh dannykh: novye trebovaniya: internet-interv'yu 10.01.2012* [Protection of personal data: new requirements: Online interview January 10, 2012]. [Online] Available from: <http://oblteleset.ru/2012/10-01-2012-zashhita-personalnyx-dannyx-novye-trebovaniya/>.
4. LLC Veka Rus. (n.d.) *Reglament o zashchite personal'nykh dannykh klientov OOO "VEKA Rus": lokal'nyy normativnyy akt* [Regulation on the protection of personal data of customers LLC VEKA Rus: a local regulatory act]. [Online] Available from: http://www.veka.ru/reglament_o_zashhite_personalnyh_dannyh.html.
5. Russian Federation. (2012) *Ob utverzhdenii trebovaniy k zashchite personal'nykh dannykh pri ikh obrabotke v informatsionnykh sistemakh personal'nykh dannykh: postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 01.11.2012 № 1119* [On the approval of the requirements for the protection of personal data when processing them in personal information systems: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1119 of January 11, 2012]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>.
6. Russian Federation. (2011) *Ob elektronnoy podpisi: federal'nyy zakon ot 06.04.2011 N 63-FZ (red. ot 23.06.2016)* [About the electronic signature: Federal law N 63-FZ of April 6, 2011 (as of June 23, 2016)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>.

7. Russian Federation. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' Pervaya. Federal'nyy zakon ot 30.11.1994 № 51 (red. ot 28.12.2016)* [Civil Code of the Russian Federation. Part one. Federal Law No. 51 of November 30, 1994 (as amended on December 28, 2016)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>.
8. Russian Federation. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. ot 19.12.2016)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 19, 2016)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>.
9. Russian Federation. (1996) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Federal'nyy zakon ot 13.06.1996 № 63 (v red. 19.12.2016)* [The Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law No. 63 of June 13, 1996 (as amended on December 19, 2016)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>.
10. Russian Federation. (2016) *Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii po sub'ektu Rossiyskoy Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21.12.2016 № 699* [On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Provisions on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation: Presidential Decree No. 699 of December 21, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=137356#0>.
11. Westley, W. (1953) Violence and the Police. *American Journal of Sociology*. 59. pp. 34–41.
12. Weitzer, R. (2002) Incidents of police misconduct and public opinion. *Journal of Criminal Justice*. 30(5). pp. 397–408. DOI: 10.1016/S0047-2352(02)00150-2
13. Izhvanov, Yu.L. & Kurakin, D.V. (2016) O kontseptsii razvitiya informatsionno-tekhnologicheskoy infrastruktury sfery nauki i tekhnologii [On the concept of development of information technology infrastructure of science and technology]. *Informatizatsiya obrazovaniya i nauki*. 2(30). pp. 92–105.
14. Conley, A. (2013) Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement Under International Law. *Vienna Journal on International Constitutional Law*. 7(4). pp. 415–453. DOI: 10.1515/icl-2013-0402
15. Walmsley, R. (n.d.) *World Prison Population List*. 10th ed. [Online] Available from: https://www.prisonstudies.org/sites/prisonstudies.org/files/resources/downloads/wppl_10.pdf.
16. Troshina, S.M. & Ryazanova, T.P. (2016) Chelovecheskiy faktor kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti [The human factor as a threat to information security]. *Vestnik Uralskogo finansovoyuridicheskogo instituta*. 2(4). pp. 93–97.
17. Petrov, Yu.I. (2016) Zashchishchennost' kak odna iz naibolee aktual'nykh kharakteristik sovremennogo programmnogo obespecheniya [Security as one of the most actual characteristics of modern software]. *Informatizatsiya obrazovaniya i nauki*. 2(30). pp. 106–116.
18. Konterimov, Yu.E. (2016) [The state control over the activities of operators that process personal data. Application of the risk-oriented approach and ensuring the interaction of the regulator and the industry]. *International Conference on Protection of Personal Data*. Moscow: Renesans Moskva Monarkh Tsentr. [Online] Available from: <http://zpd-forum.com/programm.html>. (In Russian).
19. Soldatova, G.V. (2016) Rossiyskie shkol'niki: privatnost' i bezopasnost' v Seti [Russian schoolchildren: privacy and security on the Net]. *International Conference on Protection of Personal Data*. [Online] Available from: <http://zpd-forum.com/>.
20. Emelyannikov, M. (n.d.) *Kak zashchishchat' personal'nye dannye v internete* [How to protect personal data on the Internet]. [Online] Available from: <http://www.iso27000.ru/chitalnyi-zai/zaschita-personalnyh-dannyh/kak-zaschischat-personalnye-dannye-v-internete>.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 347

DOI: 10.17223/22253513/23/16

Н.Г. Соломина, С.К. Соломин

**ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ КАРИБЯН С.О.
«СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СУЩНОСТЬ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ» [1], ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
(Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право)**

В отзыве на автореферат дается оценка работе на соответствие ее требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Рецензенты критически оценивают содержание автореферата и в итоге приходят к выводу о несоответствии диссертации установленным требованиям.

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность, научная новизна, автореферат, диссертация, семейное право.

В современной юридической науке вопросы, непосредственно затрагивающие понятие семейно-правовой ответственности, являются достаточно разработанными, в том числе и на монографическом уровне, что требует от любого «нового» исследователя данной темы проявления должной щепетильности. Диссертанту, приступающему к изучению общих вопросов семейно-правовой ответственности, уже недостаточно просто присоединиться к чужому мнению или последовательно изложить существующие подходы. От него требуется большее: он как минимум должен предложить новое решение «старых» проблем, а как максимум – сформировать новую авторскую теорию семейно-правовой ответственности. При этом основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях.

Между тем ознакомление с шестью публикациями С.О. Карибян, которые относятся к числу рецензируемых, позволило сделать вывод о том, что в четырех из них («Правовое регулирование социального сиротства в России» [2], «Вопросы усыновления и пути их решения (из опыта регионального законодательства)» [3], «Становление института усыновления в дореволюционной России» [4], «Проблемы обеспечения исполнения алиментных обязательств родителей перед детьми и ответственности при их неисполнении») [5] не нашло отражение ни одно из девяти положений, вынесенных автором на защиту. Содержание статьи под названием «Понятие, правовая природа и место семейно-правовой ответственности в системе юридической ответственности» [6] исключительно сводится к обобщению существующих на этот

счет точек зрения и выводу автора о невозможности присоединения ни к одной из них. И только в последней работе («Реализация признаков и особенностей семейно-правовой ответственности в рамках ретроспективного и позитивного подходов к ее правопониманию» [7]) находим материал, который в некоторой степени сопоставим со смыслом положения № 5, выносимого на защиту (с. 14 автореферата). Однако если по тексту научной публикации о поощрении определенных действий или их осуждении (как действий, характеризующих реализацию семейно-правовой ответственности) автор ведет речь как о само собой разумеющемся, то в автореферате указанный аспект она относит уже к своим заслугам, трансформируя его в научную новизну. Изложенное свидетельствует о том, что основные выводы диссертации С.О. Карибян не получили какого-либо освещения на уровне тех публикаций, которые должны в первую очередь приниматься во внимание при вынесении решения о принятии диссертации к публичной защите (п. 11 Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»).

Что касается содержания автореферата, то, начиная с формулировки самого названия работы (которое, на наш взгляд, выглядит весьма некорректно), в нем присутствуют смысловые конструкции, которые с точки зрения отечественной доктрины семейного (гражданского) права характеризуются неясностью и противоречивостью, что не позволяет в полной мере уяснить смысл представленных автором основных теоретических умозаключений. Прежде чем остановиться на замечаниях, отметим, что наша оценка является субъективной. Однако, задаваясь целью решения научной задачи, имеющей значение для развития правовой науки, ученый-правовед не вправе искажать, ломать общие представления о правовых явлениях в угоду собственным интересам, пусть даже самым безобидным. Ведь одно дело предложить новую концепцию семейно-правовой ответственности, по-новому взглянуть на существующую систему взглядов по вопросам семейно-правовой ответственности, а другое – используя набор слов, соотносимых с терминологическим аппаратом науки семейного (гражданского) права и действующего семейного (гражданского) законодательства, создать «новые» правовые модели, содержание которых не поддается оценке по причине их абсолютной ложности.

1. По содержанию автореферата неоднократно встречаются несогласованные между собой предложения, что ухудшает восприятие сути проведенного С.О. Карибян исследования. Так, на с. 4 автореферата имеет место следующее предложение: «Ту грань, когда частные отношения переходят в разряд публичных, и государство вправе вмешаться в частные дела семьи, применять меры семейно-правовой ответственности, должен определить закон». Очевидно, что такие ошибки не допустимы и их можно было бы устранить на стадии подготовки диссертации и автореферата.

В автореферате имеют место и предложения, которые лишены какого-либо смысла. Например, на той же с. 4 содержится предложение: «Представляется, что *осмысление* вопросов ответственности в семейном праве *олицетворяет* в настоящий момент первоочередную задачу...» Каким образом осмысление может олицетворять задачу? На с. 9 автореферата имеет место следующее предложение: «...определить место семейно-правовой ответст-

венности в семейном праве, *сформулировать понятие и дать авторскую оценку* данной правовой категории». Каким образом можно дать авторскую оценку тому, что сам же сформулировал? Присутствует в данной фразе и ошибка методологического характера, поскольку нельзя определить место семейно-правовой ответственности в семейном праве, однако можно определить ее место, например, в системе защитных средств.

На с. 6 автореферата присутствует выражение: «законодательные положения об институте семейно-правовой ответственности». Если понятие «институт семейно-правовой ответственности» заменить выражением «совокупность норм, регулирующих...», то бессмысленность приведенной фразы объяснять уже не придется.

2. На с. 9 диссертант определяет цель своего исследования: «разработка и обоснование системы взглядов и представлений о семейно-правовой ответственности, ее сущности и правоприменении...». Всем известно, что смысловая конструкция «система взглядов и представлений» используется, в частности, для раскрытия понятия «наука права». Суть такой смысловой конструкции заключается в том, что каждого индивида (ученого-правоведа) характеризует только ему присущий взгляд (представление) на тот или иной вопрос, связанный с особенностями правового регулирования соответствующих отношений. Каким образом диссертант хочет сначала разработать систему взглядов, а потом еще и обосновать ее? Эта система взглядов уже существует в доктрине семейного (гражданского) права. Ее нельзя разработать и тем более обосновать. Она подлежит лишь изучению, что составляет теоретическую основу любого исследования. Что касается конкретного диссертанта, то у него может возникнуть лишь собственный взгляд (в единственном числе. — *От рецензентов*) по вопросам правового регулирования, в том числе отношений, связанных с возникновением семейно-правовой ответственности.

Одна из задач диссертации (с. 9) сформулирована автором следующим образом: «... разработать понятийно-категориальный аппарат анализируемого правового явления». В подобной ситуации можно лишь порекомендовать диссертанту ознакомиться с теоретическими работами, затрагивающими общие вопросы правовых категорий (см., напр.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.).

Некорректно сформулирован объект исследования (с. 10). В качестве такового выступают *«общественные отношения, возникающие в связи с определением, применением и реализацией семейно-правовой ответственности»*. Каким образом общественные отношения могут возникать в связи с определением чего-либо, в том числе семейно-правовой ответственности? Науке права подобные механизмы неизвестны.

На с. 13 (положение № 3, выносимое на защиту) автор излагает подход к восприятию правового института семейно-правовой ответственности. По ее мнению, он представляет собой *«совокупность правовых норм, основных категорий, приемов и средств, имеющих относительную устойчивость, самостоятельность функционирования и реализации, регулирующих не только отношения между субъектами семейного права...»* Возможно, в науке права и существуют различные подходы к пониманию правового института, но тот

подход, на котором основан изложенный тезис, науке неизвестен. Совокупность категорий, приемов и средств никогда не определяла содержание правового института, равно как совокупность категорий, приемов и средств не может регулировать общественные отношения. Что касается совокупности правовых норм, то она может характеризоваться относительной устойчивостью и самостоятельностью функционирования, но никогда не может характеризоваться самостоятельностью реализации (о которой говорит диссертант) лишь по той причине, что нормы права реализуют субъекты права. Указанные ошибки не позволяют воспринимать положение № 3 с точки зрения достоверности, тем более новизны.

3. На с. 12 диссертант определяет новизну исследования. По ее мнению, диссертацию отличает тот факт, что в ней «разработано комплексное представление о семейно-правовой ответственности как самостоятельном виде юридической ответственности и институте семейного права, установлены ее особенности».

Во-первых, заметим, что нельзя разработать *комплексное представление* о семейно-правовой ответственности. Во-вторых, обратим внимание на заявленную С.О. Карибян «новую» направленность исследования, а именно восприятие семейно-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, а совокупности норм о семейно-правовой ответственности в качестве самостоятельного института семейного права. Полагаясь на достоверность заявленной С.О. Карибян новизны, обратимся к одной из последних диссертаций по аналогичной тематике, а точнее, к автореферату диссертации О.С. Турусовой «Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и в зарубежных государствах» [8], где положение № 4, выносимое на защиту О.С. Турусовой, гласит: «*Семейно-правовая ответственность* обладает признаками, необходимыми и достаточными для выделения ее в качестве *самостоятельного вида юридической ответственности...*», а положение № 5 содержит следующий вывод: «Правовая природа и содержание семейно-правовой ответственности раскрываются через её цели, задачи, функции и принципы, являющиеся фундаментом для формирования *семейно-правовой ответственности как важного института семейного права*».

Заметим, что восприятие семейно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности вообще для семейного права не является новым. Еще в конце 60-х годов прошлого столетия В.А. Рясенцев допускал существование такого вида юридической ответственности, который впоследствии стал весьма популярным среди современных правоведов, занимающихся проблемами семейного права (например, Ю.Ф. Беспалов, А.Е. Казанцева, А.М. Нечаева, Н.А. Иванова и др.).

Выходит, что заявленная С.О. Карибян научная новизна диссертации на самом деле таковой не является. Не спасает «новизну» диссертации и указание ее автором на то, что ею «разработан авторский подход к изучению семейно-правовой ответственности с позиции интегративной теории юридической ответственности, включающей в себя как наиболее ключевые категории и процессы, характеризующие каждый из этих подходов: ретроспективный и позитивный» (с. 12). Во-первых, данный тезис страдает несогласованностью

слов и выражений, что делает его непонятным. Во-вторых, восприятие семейно-правовой ответственности в ретроспективном (негативном) и перспективном (позитивном) плане вряд ли может отвечать за новизну диссертации, поскольку на современном этапе развития науки семейного права есть правоведы, как критикующие такой подход [9], так и поддерживающие его [10].

4. Проанализируем положения диссертации, выносимые автором на защиту.

Положение № 1. Вряд ли восприятие семейно-правовой ответственности через призму правового института, санкции и правоотношения обладает научной новизной. Однако диссертант настаивает, что ею «обоснован многоаспектный и многоплановый характер такого уникального правового явления, как семейно-правовая ответственность, рассматриваемого... как целостная система». Элементами этой системы диссертант предлагает считать институт семейного права, санкцию, особый вид правоотношения (все это, видимо, должно соотноситься с семейно-правовой ответственностью. – *От рецензентов*). Что скрывается за выражением «многоаспектный и многоплановый характер»? Как можно обосновать этот характер? Чем многоаспектный характер отличается от многопланового? Почему именно семейно-правовая ответственность является уникальным правовым явлением?

Аргументированные ответы на эти вопросы получить невозможно лишь по той причине, что вместо термина «семейно-правовая ответственность» в положение № 1 можно поставить любой другой известный правовой термин, включающий слово «ответственность» (например, административная ответственность, гражданско-правовая ответственность и т.п.), и это никак не отразится на содержании положения. Что касается построенной диссертантом «целостной системы», то по существу она таковой не является. В теории права достаточно подробно разработана конструкция «системных образований», в том числе с точки зрения того, что представляют собой элементы любой целостной системы.

Положение № 2. Предложенное диссертантом восприятие семейно-правовой ответственности как «осознанное исполнение добровольных взятых на себя обязательств... а в случае неисполнения таковых – принудительное их исполнение и (или) претерпевание дополнительных лишений и неблагоприятных последствий для лица, допустившего правонарушение...» не обладает признаками новизны. Мы намеренно в цитируемом положении опустили некоторый текст (в нем содержатся фразы семейно-правовой направленности типа «состояние брака», «родство», «нормы семейного права») с тем, чтобы показать, что автор заимствовала один из уже существующих подходов к пониманию ответственности через позитивную и негативную составляющие (который, по нашему мнению, является крайне неудачным) и усложнила его семейно-правовой терминологией. Иначе говоря, выполнила в чистом виде техническую работу, которая не имеет отношения к науке.

Положение № 3. По тексту положений диссертант непоследовательна в используемой терминологии. Если в положении № 3 использованы термины «позитивный аспект» и «ретроспективный аспект», то в положениях № 4 и 5 – «позитивный аспект» и «негативный аспект». Но самое главное в том, что в положении № 3 эти два аспекта отвечают за нормативное установление и

реализацию семейно-правовой ответственности, а в положении № 5 выделены «два аспекта единого явления – семейно-правовой ответственности». Создается впечатление, что диссертант так и не разобралась, в каком контексте следует использовать термины «позитивный» и «негативный» («ретроспективный»).

По содержанию **положения № 4** замечания уже были высказаны выше. Что касается **положения № 5**, то само восприятие семейно-правовой ответственности в качестве правоотношения не является новым. Однако диссертант называет его «*особым* правоотношением», в чем, по всей видимости, и проявляется новизна.

Положение № 6. В современной доктрине достаточно полно представлена концепция восприятия семейно-правовой ответственности в качестве самостоятельной ответственности (о чем уже было сказано выше. – *От рецензентов*), а также изложены те признаки, которые позволяют отличить семейно-правовую ответственность от гражданско-правовой. По этой причине положение № 6 также не отвечает признаку новизны.

Не отличается новизной и содержание **положения № 7**. Все предложенные диссертантом функции семейно-правовой ответственности нашли широкую проработку, в том числе на уровне учебной литературы.

Содержание **положения № 8** изобилует крайне неудачными словесными оборотами. Кроме того, некоторые выводы автора являются недостоверными. Так, например, С.О. Карибян выделяет стадии динамики развития семейно-правовой ответственности, одной из которых выступает стадия «установления нормами права». Если речь идет о нормах, которые предусматривают семейно-правовую ответственность, то вряд ли нормы позитивного права можно назвать стадией развития исследуемой ответственности. Если же речь все-таки идет о возникновении семейно-правовой ответственности, то такое не может относиться к стадии динамики ее развития, поскольку о таких стадиях можно вести речь только тогда, когда ответственность уже возникла. Неудачные формулировки в принципе не позволяют понять, что означает «стадия определения для участников правоотношения». Не поддается объяснению вывод автора и о том, что «*семейное правонарушение... включает механизм* привлечения к ответственности, переводя межличностные *правоотношения* во *властеотношения*». Как с точки зрения права можно осознать фразу «*включает механизм*»? Разве такое включение может перевести правоотношения в отношения?

Содержание **положения № 9** не отличается новизной: в современной юридической литературе широко представлена дискуссия о взаимодействии разноотраслевых механизмов защиты и восстановления нарушенных прав в семейном праве. В то же время фраза «освобождает от семейно-правовой ответственности лишь прекращение правоотношения» требует дополнительного пояснения.

Изучив содержание положений, выносимых на защиту, мы так и не обнаружили того, как диссертант восполнила те недостатки научных исследований, которые она адресовала другим правоведам. Так, в адрес О.С. Турусовой было заявлено, что она не уделила внимание «разграничению понятий обязанностей и обязательств в семейном праве», а также «не проанализировала

положительный аспект семейно-правовой ответственности» (с. 8). Однако, судя по автореферату, этого не было сделано и самой С.О. Карибян. Кроме того, диссертант обвинила всех исследователей в том, что ими не выработано единого понятия семейно-правовой ответственности. Разве можно в упрек ученым ставить то, что они не смогли договориться об одинаковом восприятии семейно-правовой ответственности? Полагаем, что и С.О. Карибян эту проблему вряд ли сможет когда-нибудь решить.

Нельзя сказать, что диссертант решила все поставленные перед собой задачи. В частности, одной из задач исследования было «дать понятие стадий семейно-правовой ответственности». Несмотря на то, что «дать» можно только определение (но не понятие, поскольку понятие раскрывается), ни в одном из положений, выносимых на защиту, диссертант так и не определилась с тем, что она понимает под стадией семейно-правовой ответственности.

Учитывая вышеизложенное, считаем, что диссертация Карибян Сусанны Ониковны «Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право), не соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода научным работам (п. 9 и 11 Постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»), а ее автор не заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Литература

1. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 27 с.
2. Карибян С.О. Правовое регулирование социального сиротства в России // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 145–155.
3. Карибян С.О. Вопросы усыновления и пути их решения (из опыта регионального законодательства) // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2013. № 4 (79). С. 6–12.
4. Карибян С.О. Становление института усыновления в дореволюционной России // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2015. № 2 (82). С. 279–283.
5. Карибян С.О. Проблемы обеспечения исполнения алиментных обязательств родителей перед детьми и ответственности при их неисполнении // Власть закона. 2016. № 2. С. 182–187.
6. Карибян С.О. Понятие, правовая природа и место семейно-правовой ответственности в системе юридической ответственности // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 64–72.
7. Карибян С.О. Реализация признаков и особенностей семейно-правовой ответственности в рамках ретроспективного и позитивного подходов к ее правопониманию // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2016. № 3 (110). С. 55–61.
8. Турусова О.С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации в зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
9. Иванова Н.А. К вопросу о семейно-правовой ответственности родителей // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 10 (138). С. 136–142.
10. Матвеев П.А. Позитивная юридическая ответственность в семейном праве // Правовая инициатива. 2014. № 1. URL: <http://www.49e.ru/gu/2014/1/19> (дата обращения: 14.01.2017).

Solomina Natalya G., Solomin Sergey K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

Feedback on the abstract of the thesis by Karibyan Susanna Onicovna "Matrimonial liability: the essence and enforcement according to the legislation of Russian Federation", presented to pursue the academic degree of the candidate of jurisprudence (specialty 12.00.03 – civil law; enterprise right; family law; international private law)

Key words: matrimonial liability, academic novelty, abstract, thesis, family law.

As on one of types of academic researches the number of essential requirements is imposed on the content of a thesis. The thesis must contain the new scientific results and provisions which are presented for the public defense. Reviewing of abstracts acts as one of forms of ensuring the compliance of the thesis to the established requirements. Separate scientific works draw attention with respect of the chosen subject matter, depth of theoretical research. However controversial works can be found. Incorrect title of the thesis, existence of huge number of stylistic mistakes, wrong definition of a subject matter and the purpose of the thesis, lack of novelty, etc. All this determines that the work can't be allowed to the public defense. The purpose of the given response is to react to one of works which both on formal grounds, and in the essence, doesn't meet the established requirements. The abstract of the thesis by Karibyan Susanna Onicovna "Matrimonial liability: the essence and enforcement according to the legislation of Russian Federation", presented to pursue the academic degree of the candidate of jurisprudence (specialty 12.00.03 – civil law; enterprise right; family law; international private law) is the matter of discussion.

Although the thesis of S.O. Karibyan has been written on the substantial theme devoted to problems of the matrimonial liability, the content of the abstract demonstrates the unsatisfactory level of the research conducted by the author.

Throughout the content of the feedback the reviewers repeatedly point out the errors of methodological nature. In the abstract, there are designs which from the domestic doctrine of the family (civil) law viewpoint are characterized by an ambiguity and discrepancy. It doesn't allow to fully understand the matter of the main theoretical conclusions presented by the author.

Reviewers reveal some shortcomings of formulations of all key elements of a general characteristic of the thesis: object of research, its subject matter, purpose and tasks of the research. The analysis of the provisions submitted for defense showed that provisions don't sustain criteria of novelty. Some conclusions correspond to the designs which have settled in the law; others act as an example of one of the existing views on the solution of theoretical problems of the essence and the content of matrimonial liability; the third types of provisions have no value only for the reason of basing on the wrong perception of specific legal models.

Thus, reviewers concluded that the thesis S.O. Karibyan "Matrimonial liability: the essence and enforcement according to the legislation of Russian Federation" doesn't comply with requirements imposed on this type of scientific works, and its author doesn't deserve the awarding of the seeking academic degree.

References

1. Karibyan, S.O. (2017) *Semeyno-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimerenie po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Family and legal responsibility: The essence and enforcement under the laws of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Karibyan, S.O. (2013a) *Pravovoe regulirovanie sotsial'nogo sirotstva v Rossii* [Legal regulation of social orphanhood in Russia]. *Vestnik Volzh. un-ta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2(78). pp. 145–155.
3. Karibyan, S.O. (2013b) *Voprosy usynovleniya i puti ikh resheniya (iz opyta regional'nogo zakonodatel'stva)* [Adoption and ways to solve its problems (from the experience of regional legislation)]. *Vestnik Volzh. un-ta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 4(79). pp. 6–12.
4. Karibyan, S.O. (2015) *Stanovlenie instituta usynovleniya v dorevolutsionnoy Rossii* [Formation of the institution of adoption in prerevolutionary Russia]. *Vestnik Volzh. un-ta im. V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2(82). pp. 279–283.
5. Karibyan, S.O. (2016) *Problems of ensuring alimony obligations fulfilment of parents against children and the liability at their failure*. *Vlast' zakona – The Reign of Law*. 1(25). pp. 182–187. (In Russian).

6. Karibyan, S.O. (2016) Ponyatie, pravovaya priroda i mesto semeyno-pravovoy otvetstvennosti v sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti [Concept, legal nature and place of family-legal responsibility in the system of legal liability]. *Vestnik Tverskogo gos. universiteta*. 2. pp. 64–72.
7. Karibyan, S.O. (2016) Realizatsiya priznakov i osobennostey semeyno-pravovoy otvetstvennosti v ramkakh retrospektivnogo i pozitivnogo podkhodov k ee pravoponimaniyu [Realisation of signs and features of family-legal responsibility within the framework of retrospective and positive approaches to its legal understanding]. *Vestnik Saratovskoy gos. yurid. akademii*. 3(110). pp. 55–61.
8. Turusova, O.S. (2011) *Semeyno-pravovaya otvetstvennost' v Rossiyskoy Federatsii v zarubezhnykh gosudarstvakh* [Family-legal responsibility in the Russian Federation in foreign states]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. Ivanova, N.A. (2014) On family-legal parental responsibility. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki" – Tambov University Reports. Humanities*. 10(138). pp. 136–142. (In Russian).
10. Matveev, P.A. (2014) Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost' v semeynom prave [Positive legal responsibility in family law]. *Pravovaya initsiativa*. 1. [Online] Available from: <http://www.49e.ru/ru/2014/1/19>. (Accessed: 14th January 2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВ Алексей Павлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: anisimovap@mail.ru

АРХИПОВ Андрей Валерьевич – кандидат юридических наук, судья Томского областного суда. E-mail: aav180@mail.ru

БЕЛАРЕВА Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: belarev@mail.ru

ГЕЙМБУХ Надежда Генриховна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: nadgeym@mail.ru

ИСАЕВА (Агафонова) Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КИРИЛЛОВА Александра Дмитриевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, помощник судьи, Арбитражный суд Калининградской области. E-mail: tatarova-aleksandra@rambler.ru

КИРСАНОВ Артем Юрьевич – специалист по базам данных, администратор баз данных – эксперт компании ООО «Генезис телекоммуникационные лаборатории». E-mail: Umnik77@gmail.com.

КУКУШКИНА Анна Викторовна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: gregetlet@hotmail.com

МЕЗИНОВ Дмитрий Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mez_da@mail.ru

МЕЛЬНИКОВА Валентина Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: walmel@mail.ru

МИЦ Денис Сергеевич – кандидат юридических наук, эксперт экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, эксперт Объединенной комиссии при МПА СНГ по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург). E-mail: a-83@bk.ru

ПАВЛОВСКАЯ Анна Владимировна – аспирант Департамента радиоэлектроники и связи ИРИТ-РТФ УрФУ (г. Екатеринбург). E-mail: ann-pavlovskaya11@mail.ru

ПОЛЕЖАЙКИНА Екатерина Владимировна – курсант Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: p-o-l-y-a94@yandex.ru

РЕПЬЕВ Артем Григорьевич – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: retev-artem@yandex.ru

СВИРИДОВ Михаил Константинович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mikhael.sviridov.38@mail.ru

СМИРНОВА Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: smirnova-ig@mail.ru

СОКОЛОВСКАЯ Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: amika4@yandex.ru

СОЛОМИН Сергей Константинович – доктор юридических наук, завкафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета. Контакты: 8 (382-2) 78-35-84

СОЛОМИНА Наталья Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета. Контакты: 8 (382-2) 78-35-84

ТРОШИНА Светлана Михайловна – кандидат юридических наук, доцент Департамента радиоэлектроники и связи ИРИТ-РТФ УрФУ (г. Екатеринбург). E-mail: troshina-svetlana63@mail.ru

ЧАДНОВА Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: rolandab@yandex.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: sofish@inbox.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 году.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефон: 8 (382–2) 529–868, 8 (382–2) 783–581

Факс: 8 (382–2) 529–868

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал
**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ПРАВО
2017. № 23

Редактор *Е.В. Лукина*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»),
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 28.03.2017 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,5; усл. печ. л. 13,3; уч.-изд. л. 13,7.
Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 31.03.2017 г. Заказ № 2461. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru